Эльбрус в огне

Александр Михайлович Гусев

SHOUT
SHARE
IT

- Гусев Александр Михайлович

Гусев Александр Михайлович Эльбрус в огне

Гусев Александр Михайлович
Эльбрус в огне
{1} Так обозначены ссылки на примечания. Примечания в конце текста книги.

Аннотация издательства: Ученый, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой физики моря МГУ Александр Михайлович Гусев был начальником первой антарктической внутриматериковой станции Пионерская, плавал на научных судах к Галапагосским островам. В 1934 году он вместе с Виктором Корзуном совершил первое в истории альпинизма зимнее восхождение на Эльбрус. Во время Великой Отечественной войны отряд альпинистов под командованием А. М. Гусева совершал дерзкие рейды в тыл противника. Выполняя специальное задание командования, отряд А. М. Гусева зимой 1943 года снял фашистские флаги с вершин Эльбруса и водрузил над советским Кавказом знамя нашей Родины.

Содержание

Вставай, страна огромная!
Накануне
Москва военная
9-я горнострелковая
Учеба в горах
Зимний Батуми
Горные стрелки
Тучи над Кавказом
На фронт
Первый бой
На Клухорском направлении
Перевал Клыч
Штурм
Перевал Нахар
Высота 1360
С перевала мы не уйдем
На фронте в горах без существенных перемен
Разгром егерей в теснине
Зима в горах
Заоблачный фронт
Бои на перевалах Кавказа
Зимняя разведка

Заоблачный фронт
Над Эльбрусом флаг Родины!
Примечания
Вставай, страна огромная!
Накануне

Эльбрус - самая высокая гора Кавказа. Он стоит несколько в стороне от Главного Кавказского хребта, и это позволяет видеть его во всей красоте и величии от вершины до самого основания.

Благодаря близости к историческому тракту, соединявшему Европу и Азию, Эльбрус стал известен многим народам. Альборсом-"высокой горой" окрестили его персы, Ял-бузом - "гривой снега" - грузины, Минги-тау - "тысячей гор" балкарцы. Кабардинцы называли его "горой дня" - Ашхамо-хуа, а черкесы "горой, приносящей счастье" - Куска-мафь и "священной высотой" - Аш-Гемахо. В русской литературе встречалось и такое название, как Шат-гора.

Откуда бы люди ни обозревали Эльбрус, их поражали размеры и строгие формы этого великана, а фантастический вид его среди клубящихся облаков породил легенды о горе, которая "одну треть ночи освещена солнцем". Древние писатели связывали с Эльбрусом миф о Прометее...

Рано утром, когда основания Эльбруса и его предгорий еще не коснулись лучи солнца и сиреневая дымка скрывает их, Эльбрус, точно сказочный белый колокол, плавает над горизонтом, а если дымка сгущается и очертания становятся неясными, он, словно серебристый призрак, парит в небе. Кто побывал на Эльбрусе, тот навсегда запомнил блеск вечных снегов и фиолетовое небо над вершиной. Не случайно белый контур Эльбруса на фоне синего неба является эмблемой советского альпинизма. К этой горе я неравнодушен давно. В 1933 году, летом, первый раз поднялся на ее вершину, и красота этих мест пленила меня. Осенью того же года я вновь поднялся на Эльбрус, чтобы работать и зимовать на метеорологической станции, приютившейся на его склоне на высоте 4250 метров над уровнем моря у скал "Приюта Девяти" (так назвали место ночевки одной из первых групп альпинистов, поднявшихся на эту вершину). Год проработал на станции и навеки полюбил Эльбрус, а места эти стали моим вторым домом.

Зимовка была трудной. До нас еще никто не решался на это: ртуть в термометре замерзала, скорость ветра достигала 50 метров в секунду. Зимовало трое: начальник станции Виктор Корзун, радист Саша Горбачев и я - метеоролог. Самому старшему, Горбачеву, было 24 года. Восемь месяцев мы не спускались в ущелье. Спуск был труден и опасен. Рискнуть можно

было только вдвоем, а одного нельзя было оставить на станции...

Раз в сутки мы связывались по радио с Пятигорском, чтобы передать сводку погоды, и жили, как писал в своей поэме Виктор Корзун:

Ожидая теплых вешних дней,
Все смотрели, как долины тают,
Солнце светит ярче и сильней...

Несмотря на все трудности, мы успешно вели работу. О нашей станции писала "Комсомольская правда".

В те годы мы лишь вступали в трудовую жизнь, и Эльбрус научил нас многому, а главное - упорству в достижении поставленной цели. Здесь, на Эльбрусе, я окончательно решил стать геофизиком. Именно отсюда в конце зимовки передал по радио текст заявления о приеме в Московский гидрометеорологический институт. А в январе 1934 года мы с Виктором Корзуном совершили первое в истории альпинизма зимнее восхождение на вершину Эльбруса.

Перед войной почти каждое лето я с женой и сыном проводил в ущельях у подножия седого великана. Сын свои первые походы совершал на рюкзаке у меня за плечами. Жену я "нашел" здесь же в горах. В 1935 году я был начальником учебной части альпинистского лагеря в ущелье Адыл-су - одном из красивейших боковых ущелий Приэльбрусья. В наш лагерь прибыла группа девушек -парашютисток, студенток одного из московских институтов, которые были премированы путевками на Кавказ. Одна из них, Женя, и стала моей женой.

С тех пор прошло более сорока лет, и многие иа них - в разлуке: война, экспедиции, зимовки в Антарктиде. А ждать издалека, тем более с фронта нелегко. Такое ожидание, может быть, в чем-то сродни даже подвигу. Именно эту мысль высказал в одном из своих стихотворений поэт и альпинист В. Е. Наумов: "Благадарю тебя за подвиг ожиданья..."

В памятное лето 1941 года я ехал на Кавказ с женой и сыном в особо приподнятом настроении. В апреле меня приняли в ряды Коммунистической партии, а в мае я подготовил к защите кандидатскую диссертацию на тему "Влияние Гольфстрима на циркуляцию атмосферы". К этому времени, после окончания Московского гидрометеорологического института, я работал в морском отделе Института теоретической геофизики Академии наук СССР. Институт возглавлял академик О. Ю. Шмидт.

В то лето мне предстояло работать начальником учебной части альпинистского лагеря "Самолет", который располагался в верховьях Баксанского ущелья, недалеко от подножия Эльбруса.

Установилась хорошая погода. Все реже гремели частые

весной грозы. А гроза в горах - зрелище удивительное. Беснуются молнии над накрытой облаком вершиной. Гремит над нею гром, похожий на канонаду. По склонам, вторя грому, несутся с грохотом лавины, взметающие тучи снежной пыли, которые трудно отличить от клубящихся над склонами облаков. В минуты затишья можно увидеть, как облако, гонимое ветром, сползает с одной вершины, чтобы вскоре окутать другую. И открывшаяся взору вершина становится неузнаваемой в лучах яркого солнца: склоны ее потемнели, снега во многих местах как не бывало. А в стороне, над окутанной облаком горой, вновь гремит канонада. Горы будто просыпаются и сбрасывают с могучих плеч накопившийся за зиму снег...

Начинался спортивный сезон, и ничто, казалось, не могло помешать этому. Отряды молодых альпинистов готовились к восхождениям на "зачетные" вершины. После этого участники восхождений могли официально называться альпинистами и носить значок с изображением Эльбруса. Опытные альпинисты совершали тренировочные восхождения, готовясь к штурму труднейших вершин Кавказа. С гор возвращались почерневшими от солнца, со светлыми кругами, оставшимися от защитных очков, вокруг глаз, с облупленными носами и потрескавшимися губами, усталые, похудевшие, но довольные. И каждый - с неизменным цветком, рододендроном, добытым высоко в горах. Покорителей горных вершин встречали огромными букетами цветов, собранными на альпийских лугах.

В свободные дни инструкторы уходили на склоны гор, чтобы, разбив лагерь на полянах у журчащих кристально чистых ручьев, спокойно отдохнуть, любуясь окружающими вершинами.

Тихим и ярким было и утро 22 июня. На рассвете мы ушли на ближайшие склоны. Необходимо было отработать с молодыми альпинистами некоторые приемы скалолазания. Утренняя прохлада бодрила. Ребята с увлечением штурмовали склоны. Вдруг мы увидели бежавшую к нам со стороны лагеря женщину. Это была Женя. Она бежала, прижав к себе сына. Мы прекратили занятие и с тревогой ожидали известия: всякое случается в горах...

- Война! - крикнула Женя и тихо опустилась на усыпанный альпийскими цветами склон...

Москва военная

Жизнь в альпинистских лагерях еще несколько дней продолжала идти установленным порядком, но как бы по инерции. Дальнейшая судьба лагерей решалась в Москве. Всесоюзная секция альпинизма после объявления мобилизации предложила использовать лагеря как базу для горной подготовки

войск. Части, проходившие обучение в горах, могли одновременно охранять эти малонаселенные, удаленные высокогорные районы, где враг мог высадить десант или выбросить диверсантов. И предложение Всесоюзной секции альпинизма позже было принято.

Мне надо было спешить в Москву, чтобы явиться в военкомат и в институт. Решили, что жена с сыном приедут позже, когда определятся мои дела.

...Вот и Москва, но совсем не та, какой я покинул ее недавно, сосредоточенная, тревожная. Над городом в предрассветной мгле застыли аэростаты воздушного заграждения. Столица притихла, насторожилась.

Ночью меня разбудил душераздирающий вой сирены. Признаться, вначале мне стало как-то не по себе, но вскоре это ощущение сменилось желанием активно действовать. Я поднялся на чердак и через слуховое окно вылез на крышу.

В небе гудели авиационные моторы. Где-то недалеко били зенитные батареи. Их снаряды рвались там, где скрещивались лучи мощных прожекторов, выхватывавших из темноты силуэты фашистских самолетов. На крышу то и дело падали осколки. Зенитное орудие стояло совсем рядом, и я отчетливо слышал, как, вырвавшись из ствола, снаряд, пронзительно визжа, уходил в черное небо. Немецкие летчики сбросили осветительные ракеты. Медленно опускались на парашютах эти дьявольские светильники, освещая зловещим светом ближайшие дома. Со всех сторон к ним потянулись щупальца трассирующих пуль, и город вновь погрузился в грохочущую тьму. Потом снова послышался гул моторов. Невдалеке от дома разорвалась бомба. Усилился огонь зениток. Налет фашистских самолетов продолжался всю ночь. Только перед рассветом по радио был объявлен отбой воздушной тревоги...

Институт теоретической геофизики готовился к отъезду на восток вместе с другими учреждениями Академии наук СССР. Некоторые сотрудники, получившие бронь, должны были продолжать исследования, максимально приблизив их содержание к нуждам фронта.

Это касалось и меня. Но случилось так, что группа спортсменов обратилась в Генеральный штаб Красной Армии с предложением использовать опытных альпинистов на соответствующих участках фронта в действующей армии или для обучения бойцов частей и соединений, дислоцированных в горных районах страны. Мы составили список желающих пойти в армию. Дело в том, что к началу войны альпинистов не регистрировали по особой военно-учетной специальности.

Поэтому лишь некоторые спортсмены, и то случайно, находились к тому времени в горных соединениях.

Итак, мы ждали ответа на свое предложение. Пока же я получил возможность решить кое-какие личные дела. К этому времени жена с сыном уже приехали из Нальчика. По дороге их поезд бомбил фашистский самолет. Но для моих близких все обошлось благополучно.

Семью надо было эвакуировать, но Женя работала на заводе и уехать пока не могла. Я повез сына и тещу с Ветлугу, куда уже переехали из Москвы моя мать и сестра с дочерью. Все мужчины нашего семейства пока оставались в Москве.

Мы ехали в тыл, а навстречу спешили воинские эшелоны. Сынишка, высунувшись в окно, что-то кричал и махал красноармейцам. Их суровые лица смягчались, а я отходил от окна вагона: было неловко, что еду в обратную сторону.

Пробыв в Ветлуге два дня, я с грустью покидал этот милый сердцу древний городок, в котором скопилось много эвакуированных и где неизвестно на какое время оставлял самых близких людей. У моста простился с матерью и сестрой. По-осеннему уныло и печально было вокруг. Серое низкое небо, серая поверхность реки, покрытая рябью от порывов холодного ветра, поблекшие поля и осыпающийся лес. Моросящий дождь усугублял эту печальную картину. А на крутом берегу Ветлуги виднелись две одинокие фигуры...

И снова Москва - с тревогами и бомбежками. Несмотря на упорное сопротивление советских войск, враг значительно продвинулся вперед. Нашу альпинистскую группу вызвали в Управление горной, лыжной и физической подготовки Красной Армии. Вскоре приказом Народного комиссара обороны всех нас призвали в армию. Одни получили направление в Закавказье или на Северный Кавказ, другие - в Среднюю Азию. Я был направлен на Закавказский фронт.

Простившись с товарищами по институту, который эвакуировался в Казань, стал готовиться к отъезду. А обстановка в Москве становилась все более тревожной. Враг рвался к столице. Участились ночные налеты. Прекратилось железнодорожное движение на юг через Курск я Харьков. Тяжелой была обстановка под Орлом.

Тысячи добровольцев стремились в то время попасть на фронт. Немало было среди них и моих коллег-альпинистов.

Однажды на улице мы вместе с А. И. Сидоренко и Л. К. Книппером - известным композитором и альпинистом - встретили давнюю общую знакомую, альпинистку Галю Губкину. Галя была в военной форме, которая очень шла к ее высокой стройной

фигуре.

Мы были голодны и решили перекусить в одной из еще действовавших столовых у Никитских ворот. В окно было видно, как ремонтировали памятник Тимирязеву, поврежденный упавшей неподалеку бомбой. В столовой продавали водку, и мы выпили за отъезд Гали: ее с группой товарищей направили в Ростов. Галя знала мою семью и стала расспрашивать о ней. Когда я сказал, что отвез сына Мишку в Ветлугу, девушка как-то печально, ни к кому не обращаясь, произнесла: "А будет ли у меня когда-нибудь Мишка?"

Вечером мы пришли проводить Галю на Казанский вокзал. Это была наша последняя встреча. Позже я узнал, что Галя Губкина погибла в тылу врага при выполнении специального задания...

За день до отъезда я зашел проститься с братом. Виктор был поэтом и драматургом. Его пьесы "Слава", "Дружба", "Весна в Москве" шли во многих театрах. Особой известностью и любовью пользовалась пьеса в стихах "Слава", поставленная накануне войны в большинстве драматических театров страны. По его сценариям было снято несколько фильмов, в том числе "Свинарка и пастух", а позднее - "В шесть часов вечера после войны", удостоенные Государственных премий.

В начале войны Виктор заведовал литературным отделом в радиокомитете. В тот день он должен был с бригадой писателей выехать на фронт. Брат был старше меня всего на два года, но я всегда в серьезных делах считал его своим наставником. Мы долго бродили по улицам Москвы, которую он очень любил и которой посвятил много строк в своих произведениях. Мы вспоминали детство, юность, друзей. Надо сказать, что круг знакомых у Виктора был большой. Часто они собирались у нас дома. За чаем затевались бесконечные споры о литературе и искусстве. Из тех, кто бывал у Виктора, мне особенно запомнились Костя Финн, Иван Пырьев, Шура Столпер, Юрий Милютин, Исидор Шток, Лев Книппер. Да простят мне они, ставшие известными писателями, режиссерами, композиторами, мою фамильярность. Но тогда мы обращались друг к другу только по именам.

Бывал у нас и молодой венгерский писатель коммунист Мате Залка. Жил он в соседнем доме по Подсосенскому переулку. И было в нем что-то такое, что особенно притягивало меня. Простота, жизнерадостность, доброжелательность все сочеталось в этом обаятельном человеке. А о храбрости и мужестве генерала Лукача (это и был Мате Залка), погибшего в боях за республиканскую Испанию, и по сей день слагают легенды...

Я любил незаметно пробираться на вечера, которые бывали у Виктора, и слушать бесконечные споры. Но брат не всегда приветствовал мое появление. Оно, по его словам, нарушало рабочую обстановку или, как он говорил, вносило ветер. И все же меня не лишали этого удовольствия, в первую очередь благодаря заступничеству Константина Финна и Мате Залки.

В тот октябрьский вечер сорок первого года, гуляя по Москве, я спросил Виктора:

- А что будет, если падет Москва?

- Москва не последний рубеж страны, - ответил он. - Но этого не случится...

На следующий день я уезжал на Кавказ. Жена с грустью провожала меня: ей самой предстояло вскоре отправиться в Ветлугу.

Мерно постукивали на стыках рельсов колеса, а мысли мои возвращались к родной Москве. Я покинул, по существу, уже фронтовой город, а ехал в спокойные и теплые края, в тыл, чтобы заниматься обучением горных войск. Это не соответствовало моим желаниям и настроению. Но я стал военным, а приказ есть приказ...

Со мной ехал старый знакомый, профессиональный альпинист Саша Сидоренко. Он направлялся в Приэльбрусье в один из спортивных лагерей, чтобы вместе с коллегами поддерживать лагерь в готовности на случай использования в военных целях. В Приэльбрусье существовало несколько таких баз. В них было сосредоточено большое количество специального снаряжения и продовольствия. И они могли очень пригодиться.

Мой путь лежал в Тбилиси.

За Ростовом, на Северном Кавказе, пока было тихо и спокойно. Стояла отличная теплая погода. Только встречные эшелоны с эвакуированными напоминали о войне. И, глядя на них, я опять думал: "Не туда ты едешь, не туда..."

9-я горнострелковая

В штабе Закавказского фронта находилось уже несколько альпинистов, которые уехали из Москвы раньше меня. Встретили нас хорошо: командующий фронтом генерал армии Иван Владимирович Тюленев, его подчиненные, и в том числе начальник отдела боевой подготовки полковник Н. А. Шестаков, считали, что для повышения боеспособности горных частей важно провести специальную подготовку.

Горнострелковые части всегда существовали в Красной Армии. В их составе не было батальонов. Полки делились на роты. Автомобильный транспорт дополнялся вьючным, в том числе и для горной артиллерии. Бойцы носили вместо фуражек

панамы. Вот, по существу, и все, что отличало их от обычных стрелковых соединений.

Специальная горная подготовка в этих частях не проводилась. Не имели они ни специального горного снаряжения, ни обмундирования. Обычным был и рацион питания. Бойцы и командиры носили сапоги или ботинки с обмотками, обычные брюки, шинели. Эта одежда и обувь мало годились для действий в условиях высокогорья.

Горнострелковые соединения имели на вооружении специальные орудия, приспособленные для ведения огня в горах, а стрелковое вооружение было обычным, с прицелом, рассчитанным для стрельбы под небольшим углом к горизонту. Это снижало его эффективность, так как в горах приходится вести огонь вдоль крутых склонов, а порой и отвесно вверх или вниз.

Следует учесть и другое. Хотя перед войной в горнострелковых войсках и проводились учения, бойцы тренировались в несложных предгорных районах и лишь изредка совершали походы через перевалы и на вершины. Правда, уже в то время в армии достаточно широко был развит альпинизм, но в основном он носил чисто спортивный характер. А ведь горная подготовка для горнострелковых соединений, по существу, является одним из элементов боевой подготовки. Она необходима для успешного ведения боя и в предгорьях, и на перевалах, и на вершинах. Ориентировка, ведение разведки, применение различного рода оружия, сами правила ведения огня - все это в горах имеет свою специфику. Знание гор позволяет уменьшить потери от естественных опасностей: мороза, лавин, камнепадов, закрытых трещин. Особенно сложны Действия в горах в зимних условиях. Чтобы добиться успеха, необходимо владеть горными лыжами, уметь ходить на снегоступах. Ни того, ни другого в горных соединениях не было.

Почему так слабо готовили у нас войска для ведения горной войны, я объяснять не берусь. Возможно, кое-кто считал, что война в горах для нашей страны маловероятна. Мы, альпинисты, еще до войны не раз обращались в Управление горной, лыжной и физической подготовки Красной Армии с предложением использовать наш опыт для горной подготовки войск. Но нередко слышали в ответ: "Нам на Эльбрусах не воевать..."

Теперь, когда возникла реальная угроза военных действий в горах Кавказа, было нелегко быстро устранить пробелы в подготовке наших горных войск. Но меры принимались. Вслед за альпинистами в горные соединения отправили специальное снаряжение: ледорубы, веревки, палатки, спальные мешки, горные лыжи, "кошки", высокогорные ботинки.

В соответствии с указанием из Москвы в штабе фронта был издан приказ, подписанный начальником штаба Закавказского фронта генерал-майором Ф. И. Толбухиным, о проведении сборов начсостава по горной подготовке. На сборы привлекались по три человека от каждой стрелковой роты и разведывательных подразделений всех полков.

О дальнейших мероприятиях по горной подготовке в этом приказе не говорилось. Их должно было определять в каждом отдельном случае командование соединений с учетом характера выполняемых задач и особенностей местности в районе дислокации.

В штабе фронта прибывшие альпинисты сразу получили назначения: Ю. Н. Губанов, Н. В. Хромов, А. С. Уваров, Б. М. Беркович были направлены в 7-ю горнострелковую дивизию 57-й армии; И. Л. Бадер и В. В. Молоканов - в 20-ю горнострелковую дивизию 46-й армии; я - в 9-ю горнострелковую дивизию 46-й армии, стоявшую в районе Батуми. Меня пока отправляли одного, но пообещали прислать еще нескольких альпинистов, так как дел было много.

Все вопросы, касавшиеся горной подготовки, нам предстояло решать напрямую с полковником Шестаковым. Он много сделал, чтобы горная подготовка была организована в кратчайший срок, да и потом постоянно оказывал нам большую помощь...

Быстро промелькнул для меня путь от Тбилиси до Батуми. Много любопытного увидел я за те сутки, что провел в дороге. Поезд мчался по узкому ущелью к Сурамскому перевалу, часто переправляясь с одного берега реки на другой. За перевалом, достигнув Черного моря, повернул на юг и двинулся вдоль берега, то приближаясь к урезу воды, то удаляясь от него. Слева поднимались покрытые густым лесом склоны гор. Видневшиеся вдали наиболее высокие вершины уже оделись в снежный наряд. Снег в горах всегда волнует альпиниста и, как магнит, притягивает к себе. Ослепительно белый снег, яркая тропическая зелень и море... Какое сказочное сочетание цветов, какие контрасты!

То, что я увидел снег, обрадовало меня и по другой причине. Наличие снега обнадеживало: и в Батуми, в субтропиках, будут условия для серьезного обучения бойцов горнолыжной технике. Впоследствии мои надежды оправдались. Оказалось, что в горах на достаточном удалении от моря складываются зимой отличные условия для изучения техники движения по снежным склонам, и особенно горнолыжной техники. Более того, обильно выпадающий за зиму снег скапливался на северных склонах и в котлованах и сохранялся в отдельных местах вплоть до мая, когда

лес покрывается листвой и цветет лавровишня...

Стояла штилевая погода. Точно покрытая маслом, лениво колыхалась белесая поверхность моря. На небе ни облачка, тишина и спокойствие. Но это только казалось. Весь берег моря был изрыт траншеями и окопами. У самого уреза воды, у насыпи, среди садов и огородов - везде виднелись блиндажи и укрытия. К сияющему голубому небу угрожающе поднимались длинные стволы зениток. Все это вернуло меня к суровой действительности. От далекого Баренцева моря до Черного протянулась линия советско-германского фронта.

Здесь, на юге, пока спокойно. Но вражеские корабли уже бороздят воды Черного моря, самолеты-разведчики шныряют вдоль Кавказского побережья...

Поезд медленно движется по солнечным улицам пригорода Батуми, мимо базара, заваленного овощами и фруктами, и останавливается у вокзала недалеко от центра города. Впереди за домами виден лес мачт. Там порт.

9-я горнострелковая Кавказская имени ЦИК Грузинской ССР, Краснознаменная, ордена Красной Звезды дивизия 46-й армии Закавказского фронта, в которой мне предстояло служить, имела задачу оборонять довольно большой район Аджарии. Части ее расположились на Черноморском побережье от самого южного участка советско-турецкой границы у селения Сарпы до Кобулети.

Командовал соединением полковник В. С. Дзабахидзе. Полковой комиссар А. П. Поморцев и начальник штаба майор М. И. Мельников, поглощенные своими делами, встретили меня, как мне показалось, без особого энтузиазма. Комиссар дивизии назвал меня физкультурником и предложил наладить работу по физическому воспитанию воинов. Я огорчился: неужели здесь равнодушны к горной подготовке?! Но, к счастью, ошибся.

Начальник штаба показался мне очень опытным и волевым командиром. Именно с ним и с начальником боевой подготовки штаба дивизии майором К. И. Мозгуновым предстояло в дальнейшем решать все дела.

Майор Мозгунов - очень добрый, спокойный и покладистый, человек в годах охотно поддерживал все, что касалось горной подготовки. Он ближе других соприкасался с нашими делами и быстро понял, что это не просто физкультура.

Уже на следующий день был издан приказ о проведении дивизионных сборов для средних и младших командиров. На сборы направили 75 человек. Они должны были пройти обучение по расширенной программе и стать в дальнейшем инструкторами по технике движения в горах. Благодаря этому мы могли провести занятия с личным составом дивизии в хорошем темпе и закончить

первый этап подготовки в кратчайший срок. Такой план работ не вытекал из приказания штаба фронта, поэтому все дальнейшее в значительной мере зависело от успеха первых сборов.

Начальником сборов был назначен старший лейтенант Г. С. Петросов. Он не был альпинистом, но сразу оценил значение горной подготовки и впоследствии много сделал для успешного проведения первых учебных сборов. В дивизии оказалось несколько альпинистов: лейтенант Л. П. Келье, младший лейтенант В. Г. Шпилевский, сержанты П. И. Власов и И. С. Крапива. Правда, только Келье не однажды бывал в горах, остальные значились начинающими альпинистами, но всех их я предполагал использовать в качестве инструкторов на предстоящих сборах.

Должности начальника горной подготовки в дивизии не существовало, поэтому меня зачислили на какую-то вакантную и прикомандировали в отдел боевой подготовки штаба дивизии в подчинение к майору К. И. Мозгунову. Так определилось и мое место в 9-й горнострелковой.

На третий день мы со старшим лейтенантом Петросовым выехали в горы, чтобы выбрать места занятий. Наших инструкторов снабдили Наставлением по действию войск в горах, которое они должны были проработать вместе с командирами, назначенными для прохождения сборов. Учитывая, что именно им впоследствии предстоит самим обучать подразделения, программу занятий решили по возможности расширить: включить в нее разделы горнолыжной подготовки и провести сборы в наиболее сложных условиях.

На поиски подходящего места сборов мы с Петросовым ехали по ущелью реки Аджарис-цхали до Годерского перевала. Этот район - пограничная полоса. Граница в далеком прошлом не раз перемещалась, и это наложило отпечаток на все: привело к смешению языков, к пестроте населения, смешению культур. Рядом со стройной высокой мечетью нередко можно было встретить приземистый христианский храм времен владычества грузинской царицы Тамары. Даже имена и фамилии коренных жителей этих мест затронул процесс смешения.

Наш шофер Арташ Симонян кроме родного армянского свободно владел аджарским, курдским и турецким языками. Петросов хорошо говорил по-турецки. Благодаря этому мы легко получили все необходимые сведения.

Ночевали в селении Хуло, расположенном на террасах правого склона ущелья. Противоположный склон круто обрывается к реке скалистыми отвесами и осыпями.

Выше селения Хуло, на пути к Годерскому перевалу, пологие

склоны заросли кустами лавровишни, каштанами, грушей и буком. Ближе к перевалу чаще встречались сосны и ели, покрывавшие затем все склоны гор.

Остановились у последнего по пути к перевалу селения Данис-параули. Выше него, на 126-м километре от Батуми, на склонах уже лежал снег. Здесь и решили заниматься горнолыжной подготовкой: для этого имелось все необходимое. Занятия по скалолазанию наметили провести в конце сборов в районе селения Хуло.

Учеба в горах

8 ноября автомашины с участниками сборов, инструкторами, обслуживающим персоналом двинулись из Батуми в горы. Шел дождь, все кругом выглядело серым и тоскливым. До селения Кеды доехали быстро, но дальше дорога резко ухудшилась: дожди вызвали оползни, асфальтовое покрытие во многих местах засыпало землей и камнями. Пришлось расчищать завалы, ехали медленно. Бойцы и командиры, накинув плащ-палатки, неподвижно сидели в кузовах машин и постепенно промокали насквозь. Только к вечеру добрались до селения Хуло. Переночевали, заняв несколько общественных помещений, и на рассвете отправились дальше: предстояло проехать еще около тридцати километров. Дождь шел не переставая. К полудню добрались до селения Данис-параули. Было холодно, дождь все чаще переходил в мокрый снег.

Личный состав пришлось разместить на длинном чердаке колхозной фермы. Спальных мешков было вдвое меньше, чем людей. Поэтому отдыхать бойцам предстояло по очереди - одному в спальном мешке, другому под двумя шинелями. Вместо матрацев постелили сено. До комфорта было далеко, но ведь обучать мы приехали не отдыхающих, а бойцов и командиров, которых ждали серьезные испытания.

Командование и инструкторы разместились неподалеку в небольшом домике для хранения кукурузы, который был установлен на четырех высоких столбах. По удобствам он мало чем отличался от чердака. Для кухни устроили навес из брезента.

Машины ушли обратно. Бойцы и командиры, кое-как обсушившись у железных печей, забрались в мешки и под шинели. Горячий ужин приготовить не успели, пришлось воспользоваться сухим пайком. Легли отдыхать с мечтой о горячем завтраке.

Дождь перешел в снег. Мы находились в горах субтропиков, и снегопад здесь был необычный: огромные пышные хлопья, величиной с кулак, медленно опускались, быстро покрывая толстым пушистым слоем влажную землю, крыши домов и ветви

островерхих елей на склонах гор. В сплошной пелене облаков появились просветы. Резко похолодало. Когда начало темнеть, небо совсем очистилось. Было такое впечатление, что окружавшие нас облака целиком осели на землю. За короткое время слой снега достиг почти метровой толщины. Яркие звезды появлялись над головой, а над морем небо было зеленым, и на его фоне красиво проецировались темные силуэты сосен и елей. Мороз крепчал. Притопывая сапогами, у фермы ходил часовой. Лагерь уже спал, только у кухни хлопотали повара, готовившие завтрак.

Утром стало ясно, что порядок занятий надо срочно менять и начинать необходимо с лыж. Все склоны были покрыты снегом, он быстро уплотнялся под солнечными лучами. Лучшие условия для занятий на горных лыжах трудно было себе представить. И это в субтропиках! В Тбилиси в армейском складе зря посмеивались надо иной, когда я принимал партию лыж для отправки в субтропики.

У нас было сто пар простейших горных лыж. Универсальные армейские крепления мы рассчитывали переоборудовать с помощью специальных скоб, сделать их более жесткими.

Владел лыжами более или менее прилично только я. Но до скоростной техники, какой владеют наши лыжники сейчас, мне тогда было далеко. В то время у нас только начинали осваивать горные лыжи. Я был самоучка. Однако на лыжах стоял прочно и мог пройти по любому горному маршруту. Немного владели лыжами Кельс и Шпилевский. Что же касается наших курсантов, то они мало были знакомы с лыжами, тем более - с горными. Многие же бойцы из южных республик вообще видели их впервые. Некоторые сомневались в том, что лыжи целесообразно использовать в боевой обстановке. Людям казалось, что наличие лыж только свяжет их действия. Поэтому прежде всего надо было добиться, чтобы бойцы и командиры поверили, что лыжи не только полезны, но и необходимы в горах.

Именно поэтому в день открытия сборов я появился перед курсантами на лыжах. На глазах у них спустился с крутого склона, перемахнул на большой скорости холмик и круто развернулся перед самым строем. Мои лыжи с креплением "кандахар" и первый наглядный урок управления ими произвели большое впечатление. Когда начальник сборов старший лейтенант Петросов представил меня, собравшиеся дружно и весело ответили на мое приветствие...

Лыжами мы занимались много и с увлечением. Кого из здоровых молодых людей оставит равнодушным этот вид спорта! Но дело заключалось не только в том, чтобы привить курсантам интерес к лыжам. Нам надо было доказать, что в горах на

глубоком снегу боец беспомощен без лыж, не может ни активно наступать, ни эффективно обороняться.

Трудностей во время занятий было много. Но по мере того как осваивалась техника, курсанты проникались все большим доверием к лыжам.

Вскоре для закрепления приобретенных навыков мы провели однодневный поход, в котором отрабатывались боевые действия мелких подразделений зимой в горной местности. Дна взвода, один на лыжах, другой без них, двигаясь различными, но примерно одинаковыми по трудности маршрутами, должны были в кратчайший срок скрытно подняться на гребень и обнаружить взвод "противника", который направлялся в долину за хребтом обходным путем, чтобы установить мишени и замаскироваться в стороне от них.

Программой сборов предусматривались также стрельбы вверх и вниз по склону гребня под углом около 45 градусов к горизонту. Намечалась атака лыжниками "противника", расположившегося в долине. Тех, кто не мог устоять на лыжах и падал, условились считать "выбывшими из строя": они становились легкоуязвимыми для огня "противника".

Поход явился хорошим уроком для тех, кто не верил в лыжи. Измученные, мокрые от снега и пота, курсанты, двигавшиеся пешком, поднялись на гребень на три с половиной часа позднее лыжников, когда те, закончив стрельбы, лихо атаковали "противника" в лощине.

Неожиданными для курсантов оказались результаты стрельб. Они входили в повседневную боевую подготовку, и в общем у всех были хорошие показатели, но в тот день большинство пуль легло за пределами мишеней. В чем дело?

Причина нам была ясна. В горах при стрельбе под большим углом к горизонту траектория полета пули изменялась, становилась более пологой. Однако в наставлениях для стрельб об этом ничего не говорилось. Вот почему позже, когда на сборы по горной подготовке к нам прибыли снайперские команды, мы провели специальные стрельбы и составили таблицы поправок до углов в 90 градусов выше и ниже горизонта.

Вечером и на следующий день курсанты оживленно обсуждали результаты первого похода. Авторитет горных лыж сразу возрос.

Люди быстро освоились с необычной обстановкой и с большим интересом изучали практику горовосхождений. Заметив это, инструкторы охотно рассказывали о знаменитых восхождениях и известных альпинистах, о суровой природе гор. В плохую погоду мы читали лекции по истории альпинизма и его

теории, по тактике восхождения, рассказывали об опасностях, подстерегающих человека в горах, о спасательной службе.

Между собой мы часто вспоминали не только друзей альпинистов, но и многочисленную армию советских горовосходителей. Говорили о том, что хорошо было бы собрать их в одно соединение для обороны горных районов страны. Какая бы это была сила! Тогда мы не знали, что по предложению Всесоюзной секции альпинизма была учреждена воинская специальность "альпинист", что альпинистов отзывали из частей и направляли в Закавказье, что формировалась особая дивизия, целиком состоящая из спортсменов.

* * *

По вечерам в лагере звучали песни: то русские, то украинские, то грузинские, ведь среди участников сборов были люди многих национальностей. К нам на огонек заглядывали иногда аджарцы, жившие в разбросанных по склонам гор домиках. Ради этого они преодолевали нелегкий путь на ступающих лыжах тхеламури. Наши гости с любопытством разглядывали горные лыжи, и многие с сомнением качали головой: они больше доверяли своим тхеламури. Обода этих ступающих лыж, сделанные из расщепленных веток дерева и изогнутые в виде неправильного овала, были переплетены тугими жгутами из веток лавровишни, а потому были очень удобны для движения по глубокому снегу. В густом лесу или кустарнике, а также при крутом подъеме тхеламури имели явные преимущества перед горными лыжами. Мы приобрели несколько пар тхеламури и научились пользоваться ими. В дальнейшем, когда военные действия развернулись на Главном Кавказском хребте, эти лыжи и подобные им снегоступы были в большом количестве изготовлены по указанию штаба фронта, ими снабжали части, сражавшиеся в высокогорных районах. Тхеламури оказались действительно значительно удобнее снегоступов, но делать их приходилось вручную, что требовало много времени. В комплект снаряжения наших специальных частей включались и ступающие, и горные лыжи. Горные части противника тоже использовали в зимний период точно такой комплект лыжного снаряжения. В этом мы имели возможность убедиться... Но и их снегоступы были хуже аджарских тхеламури.

Наконец настало время подвести итоги занятий на лыжах, и мы отправились в поход на Годерский перевал. Предстояло пройти 16 километров и подняться на высоту 2000 метров над уровнем моря. Снегу к тому времени выпало очень много, и передвигаться без лыж было просто невозможно. Благодаря хорошей тренировке подъем на перевал оказался не слишком

трудным. Непредвиденные осложнения были связаны лишь с туманом, вернее, с облаками, окутавшими перевал, в которые мы вошли, поднявшись выше. Из облаков крупными хлопьями валил снег, видимость стала плохой, неровности рельефа как бы сгладились, стало трудно выбирать дорогу. Местами на крутых склонах уже образовались лавинные пласты снега, но склоны имели небольшую длину, поэтому, лавины, которые могли сползти с них, серьезной опасности пока не представляли. Позже, при спуске, некоторые курсанты попали в небольшие лавины. Это явилось хорошим уроком, научило бойцов с осторожностью относиться к этому обычному в горах явлению, о котором раньше они знали только понаслышке.

На перевале было неуютно: дул сильный ветер, видимость приближалась к нулю. Нас встретили пограничники расположенной поблизости заставы, следившие за нашим подъемом. Они с завистью поглядывали на наши лыжи. Свои у них, конечно, имелись, но, увы, обычные и с мягкими креплениями. На таких в горах далеко не уйдешь...

Даю команду начать спуск. Задача поставлена простая: парами - на случай падения и травм - спуститься по произвольному маршруту в кратчайшее время в лагерь. В условленных местах на трассе спуска на случай оказания срочной помощи пострадавшим находились инструкторы.

И вот началась эта своеобразная гонка на лыжах по крутым лесистым склонам.

Подбадривая себя свистом и криками, ринулись с перевала три взвода курсантов. Пушистый снег вихрем вьется за лыжниками. Пройдя первый склон, они скрываются в лесу. Падений нет - отлично! Стремительный спуск поразил пограничников, которые наблюдали за ним вместе со мной. Я пообещал прислать им после окончания занятий несколько пар наших лыж. Крепкие рукопожатия, и я помчался догонять своих...

Только лыжник может понять это ни с чем не сравнимое, чудесное ощущение своеобразного полета: ветер туго хлещет в лицо, воздух становится упругим, мимо мелькают деревья, лыжи, шипя, стремительно скользят по причудливому снежному рельефу. Летишь, и не хочется останавливаться.

Обогнал курсантов у опушки леса. Здесь сразу начинался очень крутой склон. Остановился и подумал: "Как-то наши ребята преодолеют неожиданное препятствие?"

На склоне горы стена густого леса, у опушки, среди сугробов, разбросаны группы елок. Из леса, искусно лавируя среди деревьев, вылетает лыжник, за спиной автомат, за поясом гранаты. Шапка лихо сдвинута на затылок. Сосредоточенное,

загорелое, обветренное лицо. Сколько воли и силы в этой мчащейся фигуре! Стремительный поворот у обрыва. Облако снежной пыли окутало лыжника. На секунду притормозив, он снова мчится по крутому склону, и, кажется, нет такой силы, которая могла бы остановить его...

Один за другим курсанты парами и группами вылетали из леса. Первым Леонид Кельс. До войны, поело окончания института в Алма-Ате, он недолгое время был учителем физики. Теперь, пройдя ускоренное обучение в военной школе, получил звание лейтенанта и стал хорошим строевым командиром. Все новое в подготовке горных стрелков принимал с энтузиазмом, все задуманное быстро удавалось ему. В этом человеке гармонично сочетались качества спортсмена и воина, и это очень пригодилось ему в дальнейшем, когда мы оба попали в соединения, действовавшие на перевалах Главного Кавказского хребта...

Вскоре я встречал первых лыжников у лагеря. Результаты итогового занятия были лучшей наградой за наш* труды. Поделился впечатлениями с командованием сборов и инструкторами. Все были рады и возбуждены не меньше, чем я. Курсанты тоже оживленно обсуждали перипетии похода. Они полюбили лыжи как свое оружие, необходимое для бойца горного подразделения...

Тридцатикилометровая полоса снега отрезала нас от селения Хуло, на долгое время была прервана всякая связь. Мы опаздывали, а надо было провести еще занятия на травянистых склонах, на осыпях и на скальном рельефе. Пора было возвращаться.

Путь до селения Хуло прошли частично на лыжах, частично пешком (имущество тащили на санях быки). Здесь по телефону получили разрешение из Батуми задержаться на семь дней для завершения программы.

Дальнейшие занятия проводили в окрестностях селения. Тут можно было найти и крутые травянистые склоны, и осыпи, и скалы. Необходимые сведения по технике движения в горах курсанты получили на лекциях. Были уже отработаны приемы обращения со снаряжением, страховка, транспортировка раненых по сложному рельефу, а также доставка в горы снаряжения, боеприпасов, оружия. Оставалось только закрепить полученные знания на практике. И это удалось сделать. Курсанты имели хорошую физическую подготовку, и потому вторая часть программы сборов была выполнена быстро и успешно. Как и на тренировках под перевалом, стрельбы мы проводили с учетом особенностей рельефа: стреляли на скалах из сложных позиций под большими углами к горизонту.

Во время занятий на скалах возникла проблема специальной горной обуви. Большинство бойцов дивизии были обуты в сапоги и только некоторые - в обычные армейские ботинки с обмотками. Сапоги носил и весь командный состав. Многие утверждают, что сапоги как армейская обувь универсальны. Так думали и наши курсанты, хотя они уже убедились, что для передвижения на горных лыжах сапоги малопригодны. Неудобны они и на высокогорном бездорожье, так как. скользят не только по подтаявшему снегу и льду, но и по камням. По той же причине непригодны в горах и армейские ботинки. Здесь необходима высокогорная обувь со специальными шипами. А на очень крутых снежных и ледяных склонах помимо них требуются еще специальные "кошки", которые нельзя надежно укрепить ни на обычных сапогах, ни на обычных ботинках. К слову сказать, неудобна в горах и шинель с длинными полами.

Мы располагали достаточным количеством горных ботинок, но многие курсанты вначале отказывались от них, ссылаясь на тяжесть горной обуви. Однако уже первые занятия показали ее огромные преимущества.

Хочу попутно заметить, что горная обувь служит несравненно дольше обычной. Но главное ее достоинство не в этом. Благодаря тому что она сделана из толстой кожи со специальными прокладками в наиболее уязвимых местах стопы, эта обувь спасает ноги от травм, неизбежных при ударах о камни, выступы скал и неровности льда, встречающиеся в горах на каждом шагу.

Не случайно солдаты и офицеры немецких горных и егерских дивизий были одеты в куртки и лыжные брюки, обуты в высокогорные подкованные ботинки, имели ледорубы, "кошки", веревки и другое альпинистское снаряжение.

Зимний Батуми

Снова мы в Батуми, в декабрьском зимнем Батуми. Как он не похож сейчас на курортный город мирного времени! Здесь относительно тепло, но дождь льет непрерывно. Это не осенний моросящий дождь, к которому мы привыкли в средних широтах, а сплошной поток воды, низвергающийся с неба на землю. В горах тоже было много осадков, но там был снег. Ночью и утром он скрипел под ногами, схваченный крепким морозом, днем ослепительно блестел на склонах. А здесь все серо от сплошных облаков и завесы дождя. Даже тропическая зелень как-то поблекла. Только желто-оранжевая хурма мокро блестит на голых деревьях, еще более подчеркивая унылую серость вокруг.

По городу во всю ширину улиц и переулков текут к морю потоки серой воды. Редкие прохожие осторожно переходят их вброд. Серым, недобрым кажется и море. Ни корабля, ни лодки на

его поверхности, только длинные, извивающиеся как змеи бакланьи стаи низко летают над морем, гонимые дождем и ветром. Безлюден приморский вечнозеленый парк, безлюден широкий галечный пляж с рядами стройных, украшавших его летом пальм. Среди темной зелени деревьев виден звукоулавливатель, чутко прислушивающийся к неспокойному шуму неба. Эта установка с огромными "ушами", спрятанная среди деревьев, казалась мне каким-то неведомым гигантским существом, жившим в древности на нашей планете.

А дождь все льет и льет. Плащ-палатки не помогают: промокшие шинели стали тяжелыми, как свинец. За ночь они не успевают просохнуть, и утром под вешалками - лужи воды.

Вести с фронта невеселые: враг подошел к Москве, блокировал Ленинград, оккупировал Украину и основные районы Крыма. Нарастает напряженность и на Черном море.

В Батуми много беженцев, прибывших на случайных кораблях из Одессы, Севастополя и других городов Черноморского побережья. В спешке эвакуации многие родители потеряли детей, дети - родителей. Теперь они ищут друг друга. Все стены в порту, на вокзале, на почте пестрят объявлениями, за каждым из которых стоит горе.

Иногда на рейде появляются боевые корабли. Постоят ночь, выгрузят на берег раненых и эвакуированных, примут на борт боеприпасы и опять растворятся в серой мгле неспокойного моря...

Здесь, в Батуми, удалось узнать кое-что о товарищах альпинистах, направленных, как и я, в горные соединения Закавказского фронта. Обстановка для осуществления горной подготовки не всюду сложилась столь благоприятно, как у нас. Дивизии, в которые попали наши товарищи, передислоцировались, задачи их менялись, и заниматься систематически горной подготовкой не представлялось возможным. Соединение, в которое были направлены Ю. Н. Губанов и Н. П. Хромов, одно время находилось в районе Казбеги, и там удалось провести сборы по горной подготовке. Но потом оно перебазировалось. Теперь Губанов и Хромов попали в Крым, куда наши войска высадили десант. Товарищи писали, что сейчас им не до горной подготовки, но впереди, вероятно, предстоят бои в горных районах Крыма...

А у нас пока все спокойно. Учим бойцов, много стреляем, но ведь стреляют и в мирное время... Я посоветовался с комиссаром дивизии Поморцевым, стоит ли подавать рапорт с просьбой направить группу альпинистов нашей дивизии в Крым. Он, помедлив немного, сказал:

- Как знать... Может быть, здесь вы скоро окажетесь нужнее...

Будущее показало, что комиссар был прав...

Получил письмо от Э. Л. Бадера из 20-й горнострелковой дивизии, которая входила в состав нашей же 46-й армии и стояла в районе Гагры. Бадер сообщил, что сборы по горной подготовке провел хорошо и надеется продолжить дело, если не изменится обстановка.

От других альпинистов, уехавших на Закавказский фронт раньше, вестей пока не было. Неясна была для меня и обстановка в районе Эльбруса.

Горные стрелки

Итак, первые учебные сборы прошли успешно. Нам удалось подготовить кадры для широкого развертывания горной подготовки. Многие командиры, прошедшие сборы, отлично овладели теорией и практикой движения в горах. Мысленно я уже видел Кельса, Шпилевского и некоторых других на должностях начальников горной подготовки полков, а наших курсантов - их помощниками в частях и подразделениях.

Доклад о результатах проведенных сборов был одобрен штабом дивизии. Выполненная нами работа получила высокую оценку, а выводы и решения командования открывали широкие перспективы на будущее. Однако еще никто из представителей штаба, да и большинство командиров, не видел действий наших горных стрелков. Поэтому мы решили пригласить их на занятия и боевые учения.

Несколько дней по заданию начальника штаба я разрабатывал общий плав горной подготовки соединения и написал отчет штабу Закавказского фронта об итогах первых сборов. В плане, который я приложил к отчету, предлагалось проводить горную подготовку одновременно со всем личным составом полков, непосредственно в районах их дислокации, а на сборах в горах - занятия со специальными подразделениями: взводами пешей разведки, ротами автоматчиков, командами снайперов.

Занятия по такому плану требовали некоторых корректив в ходе обычной боевой подготовки дивизии. И мы отлично понимали, что наше предложение будет утверждено только в том случае, если докажем, что горной подготовкой можно заниматься без ущерба для плановой учебы подразделений.

С таким расчетом мы и составили свой план. Для этого предложили совместить, например, стрельбы с горной подготовкой, проводимой на крутых склонах. В этом случае автоматчики должны были стрелять под большим углом к горизонту и метать гранаты при спуске на лыжах со скал, а также

во время преодоления различных препятствий. Инструкций для подобных занятий не было. Но мы уже имели некоторый опыт в этом деле, а потому надеялись на положительное решение вопроса. И не ошиблись: в середине декабря общий план горной подготовки 9-й горнострелковой дивизии был утвержден.

В общих чертах он выглядел так. В первую очередь намечалось провести последовательно сборы взводов пешей разведки, рот автоматчиков, первых стрелковых рот, минометных взводов. Одновременно в полках должна была начаться горная подготовка остального личного состава, включая штабы и службы. Для повышения же квалификации командиров-инструкторов, прошедших первые учебные сборы, предлагалось организовать семинары по углублению теоретических знаний и усвоению методики преподавания техники движения в горах.

Для закрепления практических навыков был запланирован поход на одну из вершин в районе селения Кеды. Это восхождение, конечно, нельзя было приравнять по трудности к тем, что предусматривались программой альпинистских лагерей. Но мы вынуждены были смириться и считали, что это обстоятельство будет частично компенсировано тем, что тренировки и восхождения будут проводиться в зимних условиях. Прельщало и то, что в походе можно было отработать тактику движения в горах и методику организации длительных походов. В таких условиях это имело не меньшее значение для предстоящих боев, чем техническая сторона самого восхождения.

Утвержденный план давал возможность в довольно короткий срок - с декабря 1941 по май 1942 года - завершить основной этап работы: провести горную подготовку всего личного состава дивизии. Позже к этому плану командование добавило разведку проходимости троп в бездорожных районах в зоне дислокации дивизии для различного рода частей, а также сборы по горной подготовке полковых команд снайперов.

Основные трудности у нас возникали из-за нехватки альпинистского снаряжения. На получение его со складов фронта рассчитывать было нельзя. Пришлось изменить последовательность занятий по разделам программы в различных частях и организовать переброску из части в часть необходимого снаряжения. Так удалось преодолеть и это препятствие.

Занятия решили проводить в районе селения Кеды. Этот район был избран по многим причинам. Кеды находятся всего в 40 километрах от Батуми. Склоны ущелья здесь круто поднимаются вверх. Перепад высот от дна ущелья до ближайших вершин и хребтов достигает 1000 метров. Заросшие лесом склоны чередуются с открытыми участками, очень удобными для

обучения горнолыжной технике. На склонах много выходов скал с маршрутами различной трудности. Притоки реки Аджарис-цхали прорезали здесь небольшие ущелья с крутым падением дна, местами образующие скалистые теснины, удобные для обучения транспортировке раненых, а также боеприпасов и тяжелого вооружения в условиях сложного горного рельефа.

В соответствии с новым планом первыми вышли в горы взводы пеших разведчиков трех полков дивизии. Свободных машин в тот момент не оказалось. Разведчики в два приема с ночевкой в пути прошли с тяжелой поклажей расстояние в 40 километров.

Разместились мы в складе, где летом хранились фрукты для сушки, и в конторских пристройках. Походные кухни укрыли на случай непогоды под навесами.

Зима в горах уже вступила в свои права, особая, субтропическая зима. Снег обычно шел по ночам, и вскоре на крышах домов образовывались огромные шапки, почти удваивавшие их высоту. Днем под яркими лучами солнца в селениях, на дорогах и скалах быстро таял снежный покров. Зато на склонах он оседал и уплотнялся. А по утрам на свежем снегу можно было увидеть следы многочисленных обитателей леса. Дикие козы, лисы, зайцы успевали за ночь разрисовать ближайшие склоны сложными узорами. Грузные кабаны, которых голод гнал в селения к кукурузным запасам аджарцев, пробивали в снегу глубокие тропы и двигались по ним как по траншеям. Выбраться из таких траншей было для животных почти невозможно. Тут-то и караулили их местные жители: кто с ружьем, а кто и с топором на длинной рукоятке, употребляемым в тех местах для рубки леса. Жители не ели кабаньего мяса. Узнав об этом, наши расторопные хозяйственники стали выменивать его на пшено. Это устраивало обе стороны. Но больше всего были довольны бойцы: приварок получался отменный. И это оказалось очень кстати - дело в том, что паек по второй тыловой норме был явно маловат для бойцов и командиров, испытывавших в период занятий большие физические нагрузки. И не случайно позже, когда на Закавказском фронте были сформированы специальные альпинистские подразделения, для них утвердили особую норму питания.

Из-за частых снегопадов дорогу засыпало так, что связь с Батуми иногда прерывалась на несколько дней. Зато для занятий на лыжах условия создались отличные. А вот с тренировками по скалолазаныо из-за обилия снега возникли трудности. Но мы не сетовали на них, ведь в боевой обстановке могло встретиться еще и не такое.

Склоны здесь были значительно круче, чем на Годерском перевале, однако натренированные инструкторы искусно преодолевали их. Мастерство инструкторов вызывало удивление и восторг у бойцов, особенно у тех, кто жил в бесснежных областях страны и, по существу, впервые видел лыжи.

Удивлялись, глядя на несущихся лыжников, и местные жители, признававшие только тхеламури. Как-то к группе бойцов и окруживших их поселян стремительно, с лихими виражами скатился с крутого высокого склона один из наших инструкторов. К нему подошел старый аджарец, осторожно провел пальцами по стальной окантовке лыжи, восторженно пожал руку инструктору и совершенно серьезно сказал:

- По-моему, командир, тебе нада платить тройной зарплата...

Программу занятий по горной подготовке мы изменяли с учетом специфики того или иного подразделения. Делалось это обычно в ходе учебы, и незаменимыми советчиками в таких случаях всегда являлись командиры подразделений.

Для каждого подразделения разрабатывались и своя тактические задачи, которые опять-таки соответствовали и условиям горного рельефа, и особенностям передвижения по нему.

На занятиях с разведывательными подразделениями особое внимание уделялось изучению правил ориентирования в горах, технике движения по участкам с особо сложным рельефом. Для них были расширены программы походов. С ротами автоматчиков, которые прибыли к нам позже, детально отрабатывались специальные приемы стрельбы в горах. А для стрелковых подразделений была разработана обширная программа стрельб под большим углом к горизонту.

Надо было также научить бойцов правильно определять на глазок расстояние в горах. Здесь оно очень обманчиво: смотришь на склон - расстояние как бы сокращается, смотришь вниз - кажется большим.

Для выполнения каждого упражнения подбиралась такая обстановка, которая могла встретиться в реальном бою. Благодаря этому каждое упражнение превращалось как бы в небольшую индивидуальную тактическую задачу.

Когда на сборы пришли минометчики, особое внимание было уделено вопросам транспортировки тяжелого вооружения и выбора огневых полиций для минометов с учетом встречающихся в горах опасностей (камнепадов, снежных лавин).

Сборы по горной подготовке частей заканчивались итоговыми тактическими занятиями, включавшими штурм перевала, заход в тыл "противника", захват переправы через горную реку и

некоторые другие действия, а также длительным походом. План похода и характер учения менялись в зависимости от специфики части.

Новизна программы и разнородность включенных в нее конкретных задач вызвали необходимость дополнительной подготовки инструкторов и командиров. Мы сами тоже много тренировались в стрельбе, метании гранат в движении на лыжах.

Особенно отличался в таких упражнениях смелый волевой командир и замечательный товарищ Владимир Шпилевский. Его меткий огонь из автомата во время стремительного движения на лыжах и точные броски боевых гранат вызывали у всех восхищение. А через несколько месяцев нам, его боевым друзьям, пришлось прочитать такой документ: "...Тов. Шпилевский со своим отрядом получил ответственное задание по заходу в тыл противнику в Залахарском ущелье Алагирского района Северо-Осетинской АССР для внезапного налета и уничтожения коммуникаций, живой силы и материальной части противника, сильно укрепившегося и мешавшего продвижению вперед частей нашего соединения.

Задание, которое было возложено на отряд, и в частности на его командира В. Г. Шпилевского, было выполнено с честью. В неравном бою Владимир Шпйлевский пал смертью храбрых".

Трудно было поверить, что оборвалась эта молодая жизнь. Владимир был человеком неуемной силы, энергия била в нем через край. Ворвется, бывало, в комнату после занятий, от которых другие валились с ног, и начинает боксировать, нанося сокрушительные удары невидимому сопернику{1}. Мы в таких случаях жались по углам. Не найдя достойного противника, последний удар Володя наносил многострадальной двери... К сожалению, я не видел его в боевой обстановке. В моей памяти он навсегда остался стремительно летящим по склону на лыжах с боевой гранатой в руке...

В марте 1942 года командиром дивизии стал полковник М. В. Евстигнеев. Штаб, видимо, дал ему положительный отзыв о ходе горной подготовки в соединении.. Комдив с оркестром встретил нас на подходе к Батуми, когда мы возвращались с разведчиками из селения Кеды, Его сопровождали несколько работников штаба. Нас очень вдохновило такое внимание. Оно свидетельствовало о возросшем интересе командования к нашей деятельности.

С первых дней пребывания в соединении полковника Евстигнеева мы почувствовали его поддержку. В дальнейшем, вплотную познакомившись с ходом учебы, он стал инициатором многих начинаний, связанных не только с практическими занятиями, но и с изучением гор в районе дислокации дивизии.

Между сборами разведчиков и сборами рот автоматчиков мы устроили небольшой перерыв. Он был вызван необходимостью уточнить с новым командиром дивизии общий план горной подготовки.

А между тем дожди в Батуми прекратились. Наступила весна.

В один из весенних дней к нам прибыл мой старый друг, мастер спорта альпинист Николай Гусак. Радость моя была безмерной. Оказалось, что до этого он служил в войсках противовоздушной обороны под Москвой, а затем был откомандирован на Закавказский фронт для продолжения службы в горнострелковых частях. Гусак был одним из первых, кто прибыл к нам в соответствии с указанием Генерального штаба Красной Армии о концентрации всех альпинистов в войсках, которым предстояло вести боевые действия в горной местности.

С Николаем нас связывала старая многолетняя дружба. Один из лучших альпинистов Советского Союза, он мог оказать серьезную помощь в нашей работе. Впервые я встретился с ним в 1932 году под Эльбрусом. Я был тогда новичком, а он - уже опытным альпинистом. Осенью тридцать третьего Гусак и Василий Андрюшко помогли нам с Виктором Корзуном добраться до метеорологической станции на склонах Эльбруса. В тяжелых условиях наступающей зимы мы четверо поднимали на станцию запас продовольствия. Помощь товарищей оказалась неоценимой, но оба они получили серьезное обморожение. Потом они снаряжали в путь и провожали к нам отставшего из-за болезни радиста Александра Горбачева. К концу зимовки, когда кончались продукты и топливо, из-за буранов надолго нарушилась радиосвязь с Пятигорском. Внизу беспокоились о нашей судьбе. На станцию направили отряд с дровами и продуктами. Опередив отряд, первыми на станцию пришли Гусак и Андрюшко...

В нашей дивизии Гусака включили в командный состав сборов, которые теперь постоянно проводились в селении Кеды. Вскоре ему было присвоено звание "младший лейтенант".

Воспользовавшись перерывом между сборами, мы четверо: Кельс, Шпилевский, Гусак и я -прочитали командирам-инструкторам (их насчитывалось около 30 человек) курс лекций по всем разделам горной подготовки и методике преподавания. Потом провели с ними два учебных похода, в том числе на вершину Чаквис-тави, самую высокую в районе селения Кеды. Летом туда вели пешеходные тропы, но зимой одолеть ее можно было только на лыжах.

С этой вершины открывался прекрасный вид... Дух захватило от волнения, когда на горизонте, над снежной грядой Главного Кавказского хребта, я увидел величественную громаду Эльбруса...

Воспоминания волной нахлынули на нас, и мы стояли с Гусаком как зачарованные. Эльбрус... Сколько дней мы прожили на твоих склонах, испытав там и горе и радость! Сколько раз поднимались на твою гордую вершину!

Во время привалов мы с Николаем Гусаком много рассказывали командирам-инструкторам об Эльбрусе и истории его покорения.

А история покорения Эльбруса весьма интересна. Первое восхождение на Эльбрус было совершено в 1829 году. Военную экспедицию возглавлял начальник Северо-Кавказской горной линии генерал Эммануэль. Высшей точки вершины достиг тогда только проводник кабардинец Хилар Хаширов. С этим первым восхождением на Эльбрус связывают начало альпинизма в России. Экспедиция была организована тогда совместно с Академией наук. Теперь в краеведческом музее в Нальчике можно увидеть плиту с надписью, увековечившей это событие.

Летом по классическому маршруту с юга путь на Эльбрус не очень труден в хорошую погоду. Но в ненастье Эльбрус опасен, не один горовосходитель поплатился жизнью, штурмуя его. Зимой Эльбрус - это штормы, мороз, метели и километры отполированного ветром крепкого льда. Другие пути на вершину Эльбруса намного труднее южного маршрута.

Восхождение на Эльбрус - это как бы своеобразный эталон в альпинизме: эталон испытания воли, упорства, выносливости, стойкости перед горной болезнью. После него можно мечтать о "шеститысячниках" и "семитысячниках" Тянь-Шаня и Памира.

До 1917 года на вершину Эльбруса восхождений было не много. В советское время эта вершина стала одной из популярнейших. Еще до войны здесь побывали тысячи альпинистов - цифра небывалая в истории горовосхождений. В некоторых массовых восхождениях на Эльбрус, именуемых альпиниадами, таких, например, как альпиниада ВЦСПС, альпиниада РККА, участвовало по нескольку сотен человек, а во время Кабардино-Балкарской альпиниады на вершину Минги-тау поднялось 650 человек, в основном молодые колхозники республики. Руководил этой альпиниадой первый секретарь Кабардино-Балкарского областного комитета партии Б. Калмыков, также поднявшийся на вершину.

Альпиниаду РККА сопровождали самолеты, совершавшие виртуозные полеты над склонами Эльбруса. Это был настоящий спортивный праздник в горах. Именно во время такой альпиниады летчик-испытатель М. Липкин пролетел на У-2 над вершиной Эльбруса, намного перекрыв доступный для такой машины потолок. Это тоже был своеобразный альпинистский

рекорд.

Я рассказываю так подробно о восхождениях на Эльбрус потому, что боевые действия, о которых пойдет речь, были связаны именно с Эльбрусом, с окружающими его перевалами.

Бурно развивался перед войной альпинизм в нашей стране. Особенно популярны были массовые восхождения на вершины Эльбруса. Многие заводы, институты, учреждения считали своим долгом послать молодежь в альпинистский лагерь для восхождения на величайшую вершину Кавказа.

Интерес горовосходителей к Эльбрусу сохранился и после войны. Каждый год на его вершины поднимаются сотни альпинистов. Порой их число превышало 2000.

А в 1967 юбилейном для Советского государства году на вершинах Эльбруса побывало 3224 человека. Причем более двух с половиной тысяч из них поднялись на вершину за один день. Это была альпиниада Кабардино-Балкарии, посвященная пятидесятилетию Советского государства...

Но вернусь к своему рассказу. Стоя на вершине Чаквис-тави и любуясь красавцем Эльбрусом, мы уже тогда мечтали, как после войны вместе с боевыми друзьями совершим восхождение на его вершину. После войны... В те дни она бушевала вокруг. Враг вторично сосредоточил крупные силы пехоты и танков под Ростовом и опять угрожал этому городу, который являлся воротами Кавказа...

В начале марта к нам прибыли три роты автоматчиков. Это были молодые, но уже опытные воины. К горной подготовке они проявили живейший интерес. Особенно командир роты лейтенант К. И. Зеленин из 121-го горнострелкового полка майора И. А. Оршавы. Его рота стала лучшей на сборах. Майор Оршава, энергичный волевой командир, очень высоко ценил значение горной подготовки и неустанно напоминал о ней подчиненным. На сборы он направил лучших командиров, а когда учеба развернулась в полку, сам уделял ей много внимания. Позже, на клухорском направлении, я видел 121-й полк в деле: его прислали туда в качестве подкрепления в самый тяжелый момент, и он сыграл важную роль в борьбе за перевал Клухор.

В конце сборов к нам прибыл начальник штаба дивизии майор М. И. Мельников. Кроме обычных занятий лыжной подготовкой, скалолазанием и стрельб мы продемонстрировали перед ним захват переправы через реку в узком ущелье (разработка этой тактической задачи была выполнена командованием сборов).

Нижний участок одного из склонов ущелья обрывался пятидесятиметровой отвесной стеной. Выше склон был покрыт

густым лесом. Левый берег реки, протекающей по дну ущелья, был пологий. Туда и уходила через мост дорога, ведущая к перевалу. На перевал согласно замыслу отходил с боями "противник". Он разрушил мост и залег в прибрежном нагромождении скал и валунов, прикрывая отход основных сил. Сосредоточившись в лесу, над скалами, автоматчики наступающих подразделений повели ураганный огонь сверху. Под его прикрытием часть штурмовой группы, используя для спуска веревки, стремительно ринулась отвесно вниз и залегла у барьера дороги, начав обстрел противоположного берега. Туда же полетели ручные гранаты. Загремели взрывы. Стало видно, как на том берегу взлетают в воздух уже продырявленные пулями мишени.

Майор Мельников был явно доволен действиями горных стрелков. Мы поняли это по выражению его лица.

А сверху появлялись все новые группы автоматчиков. Под прикрытием мощного огня сверху и с дороги несколько автоматчиков с веревками бросились к реке. 'Перекинув на противоположный берег веревки с якорями на концах и убедившись, что якоря заклинились в камни, бойцы пристегнулись к веревкам висящими на поясах карабинами и заскользили через реку.

На позициях "противника" на противоположном берегу все было кончено в считанные минуты. Смяв "противника", наступающие восстанавливали переправу. Путь для основных сил по дороге оказался открытым.

Майор Мельников не отличался многословием. Наверное, поэтому мы услышали от него в тот момент только одно слово:

- Здорово!..

Рельеф местности в районе селения Кеды у границы с Турцией был сложным. Склоны гор покрыты лесом, а местами - непроходимыми зарослями колючего кустарника, тропы запутаны. Ориентироваться во время походов нам постоянно помогали пограничники. Они же рекомендовали хорошо знающих местность проводников.

Одним из таких проводников стал аджарец Мамед Али Петридзе, немолодой, но очень крепкий мужчина, хороший охотник и следопыт. Мамед Али хорошо знал не только местность, но и природные особенности своего района. Ему не требовались ни компас, ни прогнозы погоды. И тем, кто отправлялся с ним в горы, не грозили ни голод, ни холод. Знал он и то, как вылечить травами внезапный недуг, как быстро заживить ожог с помощью повязки с ломтиком свежего мяса... Мамед Али прекрасно знал, для чего и зачем мы готовим бойцов

и командиров. А потому с тревогой и грустью посматривал на нас, понимая, что неотвратимо приближается разлука...

С неделю лили дожди. Быстро таял снег. Это заставило нас особенно интенсивно проводить тренировки в горах, но уже по сокращенной программе.

На лыжные занятия мы отправлялись с ротами автоматчиков на несколько дней высоко в горы, где еще лежал снег. Весна начинала вступать в свои права. Зазеленели внизу склоны. Белые вспышки цветущей дикой сливы издалека казались пятнами нерастаявшего снега. Зацвела красавица лавровишня. С моря подул теплый влажный ветер.

После утомительных занятий у палаток разгорались костры, белый дым стелился по склонам. Вечерами, когда лагерь затихал, слышно было, как катились по склону камни, задетые медведями, которых потревожил огонь костров. Злые и голодные бродили в горах медведи, разбуженные талой водой. Их следы, пересекавшие заснеженные склоны, мы часто встречали днем...

Весной к нам впервые прибыла инспекция из отдела горной подготовки Главного управления горнолыжной и физической подготовки Красной Армии во главе с заслуженным мастером спорта старшим лейтенантом И. В. Юхиным. Инспектирующие остались довольны результатом нашей работы. И в том была не только наша заслуга. Дивизия стояла в горном районе и значительное время находилась на одном месте. Ее командование сразу высоко оценило значение специальной подготовки личного состава и позаботилось об альпинистском снаряжении.

По предложению инспектировавших нас товарищей штаб Закавказского фронта вскоре принял решение провести на базе 9-й горнострелковой общефронтовые сборы командного состава по горной подготовке.

Это решение мы встретили с большой радостью: оно свидетельствовало о высокой оценке нашей работы командованием фронта...

Мы собирались уезжать из селения Кеды, план занятий был выполнен, а общефронтовые сборы намечалось провести поздней. И вдруг приказ командира дивизии: провести комплексные сборы со снайперскими командами, которые недавно были созданы во всех трех полках.

Отъезд, естественно, пришлось отложить.

Снег к тому времени сохранился в основном в котлованах высоко над селением Кеды. Здесь по сокращенной программе удалось ознакомить снайперов с основами горнолыжной техники. Особое внимание уделялось скалолазанию, ориентировке в горах, маскировке и, конечно, стрельбе с учетом особенностей действий

в горах.

До появления снайперов наши инструкторы-альпинисты не расставались с автоматами и гранатами. Теперь они в совершенстве овладели снайперской винтовкой. Она была грозной силой в горах, и я убедился в этом, когда попал в действовавшую на клухорском направлении дивизию. Снайперская винтовка всегда была при мне и не раз выручала в трудную минуту.

В соответствии с планом горная подготовка личного состава соединения продолжалась теперь по полкам в местах их дислокации - теперь этим занимались подготовленные нами инструкторы. А занятия со снайперами проводили альпинисты. Поэтому им самим предстояло не только овладеть точной стрельбой, но и составить таблицы поправок к прицелу для стрельб под большим углом к горизонту. Тренировались мы много, патронов не жалели и скоро успешно освоили снайперскую стрельбу.

Сборы заканчивались. Все ждали командира дивизии полковника Евстигнеева. Точное время его приезда не было известно. Чтобы встретить комдива, на подступах к лагерю в теснине среди скал с рассвета засела группа снайперов. Им поручили своевременно обнаружить эмку полковника, стремительно спуститься по веревкам, сброшенным с отвесных скал, на дорогу и остановить легковушку для "проверки документов".

Выше по дороге стояла машина Симоняна, который должен был своевременно оповестить руководителей сборов о появлении полковника Евстигнеева.

Все прошло как намечалось. Командир дивизии остался доволен стремительными действиями снайперов.

Я представил Евстигнееву всех инструкторов и снайперов, познакомил с нашим проводником Петридзе. Мамед Али сразу понравился полковнику, и тот весь депь возил его с собой по точкам, где шли занятия. Командир решил проверить скальную подготовку, стрельбы и маскировку бойцов в наступлении. Я предложил посмотреть и работу инструкторов, в совершенстве владевших техникой движения в горах. На скалах мы продемонстрировали не только технику движения, но и приемы стрельбы. После показа нескольких пар снайперов я не удержался и послал на скалы одного из новых инструкторов, моего любимца, старшего сержанта А. И. Черненко, блестяще овладевшего техникой движения по скалам. Наблюдать за ним было большим удовольствием. Особенно за тем, как он спускался по веревке и, используя укрытия за уступами, короткими

очередями искусно поражал из автомата расставленные внизу мишени. Это была великолепная стрельба.

Смотр стрельб проводился в боковом ущелье. Пока готовилась одна команда, полковник приказал другой скрытно пробраться по ущелью на исходный рубеж внизу, а затем по сигналу продвигаться в сторону нашего командного пункта и приблизиться незамеченными на 50 метров.

- Товарищ полковник, а если мы обойдем ваш командный пункт? - задал вопрос кто-то из снайперов.

Надо сказать, что склон на пути движения снайперов хотя и зарос кустами, но разрывы между ними были довольно солидными. А потому окружить командный пункт, оставшись при этом незамеченными, казалось невозможным. Командир дивизии вмиг прикинул все это и предложил бойцам попробовать выполнить задуманное.

Снайперы отправились на исходный рубеж. Начались стрельбы. Стреляли они отлично. После каждого выстрела командир дивизии удовлетворенно потирал руки. А потом, раззадоренный отличной стрельбой, взял и сам снайперскую винтовку. Мы с Мамедом Али решили не отставать. Результаты оказались хорошими, особенно у Мамеда Али.

После стрельб мы собрались на возвышенности, чтобы наблюдать за передвижением снайперов в район командного пункта. Вооружились биноклями. Но все наши старания оказались тщетными. Заметить бойцов не удалось, они точно сквозь землю провалились. Прошло довольно много времени. Полковник начал беспокоиться, предположив, что снайперы заблудились. И вдруг чуть левей послышалось условленное "ку-ку" и из кустов поднялся снайпер. "Ку-ку" раздалось и прямо перед нами, а вслед за тем во весь рост встал высокий боец, искусно замаскированный ветками. Командир подозвал к себе обоих, чтобы поблагодарить за отличное выполнение задания, а в этот момент началось сплошное кукование: командный пункт был окружен...

Команды снайперов построились. Полковник Евстигнеев поблагодарил бойцов и инструкторов за отличные успехи в учебе, и люди с песней зашагали к лагерю...

И сейчас, когда доведется встретить шагающих с песней солдат, я непременно останавливаюсь, мысленно приветствуя этих ребят в серых шинелях. И каждый раз невольно вспоминаю тех, с кем довелось шагать в суровые годы войны. Мы тогда тоже любили песни. Только время было иным и песни были иными...

Тучи над Кавказом

Закончив занятия в селении Кеды, все мы вернулись в

Батуми. Здесь стало тревожнее - на большой высоте начали появляться немецкие воздушные разведчики. Враг вплотную подошел к Волге, занял Ростов, продвигался в глубь Таманского полуострова, приблизился к Элисте, рвался к Каспию. Осложнилось положение Черноморского флота. Его корабли были вынуждены базироваться на порты Кавказского побережья. А какие там порты, кроме Поти? На рейде Батумского порта нередко появлялся героический гвардейский крейсер "Красный Кавказ". В самом порту, задрав на берег взорванную корму, стоял крупный теплоход "Крым"...

Как-то, дымя трубами, подгреб к Батуми старый крейсер "Профинтерн", весь облупленный и угрюмый. Это был мой хороший знакомый. Я часто видел его, когда после окончания института мне довелось служить в учебном отряде Черноморского флота и плавать на "Гидрографе"...

Письма от родных стали приходить опять с большими перебоями. После разгрома гитлеровцев под Москвой многие жители вернулись в столицу. Уже работали там мой отец и брат. Женщины же нашей семьи пока оставались с детьми в эвакуации...

Штаб дивизии вскоре переехал в Махинджаури, и всех командиров перевели на казарменное положение. Было уже тепло, и мы разместились кто в здании штаба, кто в домиках недалеко от него, а кто в палатках - во дворе и на веранде бывшего санатория.

Наступил последний этап горной подготовки. Занятия проводились в полках на местах их дислокации. Именно в те дни поступило указание штаба 46-й армии о проведении у нас всеармейских сборов по горной подготовке командного состава. Занятия были рассчитаны на 15 дней, поэтому пришлось максимально уплотнить расписание. Проводить сборы решили в районе селения Кеды. Инструкторы были в основном заняты работой в полках. А потому для участия в сборах мы с трудом выделили нужное количество людей.

В то время горная подготовка была уже широко распространена в 46-й армии. О ней часто писала военная печать, что было весьма кстати: выступления опытных альпинистов, советы инструкторов помогали бойцам быстрее овладевать навыками горной войны.

Армейские сборы проходили успешно. Этому способствовал опыт предыдущей работы, да и командиры, прибывшие на учебу, хорошо знали военное дело. К тому же среди них оказалось много жителей Закавказья.

Маршрут заключительного похода пролегал из селения Кеды

через вершину горы Чаквис-тави, а затем где по тропам, где по "целине" через ущелье реки Чаквис-цхали выводил на побережье. Для мало-мальски опытного альпиниста этот маршрут особых трудностей не представлял, но он закрепил знания, приобретенные на сборах, и был весьма полезен для тех, кому предстояло вести боевые действия в горах.

Кельс, Шпилевский и другие инструкторы работали теперь в полках, а мы с Гусаком занимались главным образом инспектированием и горной подготовкой личного состава штаба дивизии. Кроме того, мы дважды отрывались от основных дел, чтобы пройти с разведкой дивизия по боковым маршрутам, связывавшим основную дорогу от Батуми до Годерского перевала с побережьем. Знание этих вспомогательных маршрутов могло в определенных условиях пригодиться в период боевых действий, поэтому командир дивизии приказал тщательно изучить проходимость троп для различного рода войск...

Еще в начале 1942 года 9-я горнострелковая получила дополнительное задание по охране побережья Черного моря к северу от Батуми. Теперь наш участок простирался от границы с Турцией, у селения Сарпы, почти до Поти. Осталась за дивизией и пограничная полоса от Батуми до Годерского перевала.

Выполняя свои непосредственные обязанности, я побывал во всех полках. Роты 193-го расположились на Годерском перевале и у границы в селениях Сарпы и Марадиди. Скальный боковой гребень у селения Сарпы упирался в море и являлся естественной границей с Турцией. К югу от него начиналось пограничное селение Сарпы. Через это селение, рассекая его на две части, проходила государственная граница. Отсюда видны были и наша и турецкая пограничные заставы. В турецкой части селения шла другая, незнакомая нам, жизнь. Чтобы не возбуждать любопытства соседей, занятия с личным составом мы проводили за выступом скалы.

Хочу заметить, что горной подготовкой в .нашем соединении занимались буквально все и делали это с удовольствием. Правда, управлять войсками стало сложнее, так как большую часть времени они находились в горал, совершая восхождения. Не случайно у нас тогда шутливо поговаривали, что личный состав находится в основном не на земле, где людям и положено быть, а в воздухе...

В дивизии в те дни произошли некоторые изменения. На должность начальника штаба 3-го стрелкового корпуса от нас уехал подполковник М. И. Мельников. Вместо него прибыл тоже опытный командир майор К. И. Федоров. Впервые столкнувшись с горной подготовкой, проводившейся в столь широком масштабе,

он отнесся к ней на первых порах осторожно, но с большим вниманием. Сменился и комиссар. Вместо уехавшего А. П. Поморцева прибыл старший батальонный комиссар К. И. Столяров. Однако проведением горной подготовки по-прежнему ведали комдив Евстигнеев и комиссар штаба Гурович, с которыми я в дальнейшем встретился на фронте в районе Клухорского перевала...

Во время инспектирования я всячески нажимал на темпы подготовки, так как по всему чувствовалось, что скоро будет не до этого. Обстановка на Кавказе становилась все более серьезной. Торопило и командование: оставалось сделать совсем немного, чтобы завершить это большое и новое дело. Пока же комдив приказал сформировать специальную сводную роту альпинистов и назначил меня ее командиром. Предполагалось, что рота альпинистов будет выполнять специальные задания в случае начала боевых действий в горной местности.

В сжатый срок я написал для командования подробный отчет о состоянии горной подготовки в дивизии.

А события развертывались в нарастающем темпе. Обстановка на Кавказе с каждым днем обострялась. Продвигаясь по основной железнодорожной магистрали Кавказа, заняв Армавир и Черкесск, противник вынудил некоторые советские части, отрезанные от основных сил, отходить к перевалам Главного Кавказского хребта.

Из армейских сводок, которые теперь ежедневно объявлялись в штабе дивизии, стало известно, что 3-й стрелковый корпус уже ведет бои где-то в районе Клухора и Маруха. Вошла в соприкосновение с противником и 20-я горнострелковая дивизия. Это означало, что 46-я армия стала действующей.

Зона боевых действий охватила значительную территорию Западного и часть Центрального Кавказа. Это были не только ущелья, ведущие к перевалам, но и труднодоступные высокогорные участки. Бои развернулись в Белореченском, Умпырском, Сынчарском, Марухском, Клухорском и Эльбрусском районах.

Мы, альпинисты, и раньше писали рапорты с просьбой направить на фронт. Принялись писать снова, хотя это вызывало недовольство командира 9-й горнострелковой.

- Зря вы думаете, что наша дивизия век будет сидеть во втором эшелоне! сердито говорил он.

Полковник Евстигнеев был прав, и мы это понимали. Но ведь дивизию могли направить не на горный участок фронта! Потому и решили: будь что будет напишем рапорт прямо в штаб 46-й армии. Поступили так, потому что ждать дальше не могли и

верили: наш волевой и мудрый комдив правильно поймет мотивы такого поступка.

Но разъяснять ничего не пришлось. Неожиданно поступил запрос от члена Военного совета 46-й армии бригадного комиссара В. Н. Емельянова. Он требовал сообщить фамилии альпинистов дивизии, знающих район, где развернулись боевые действия. В своем донесении штаб 9-й горнострелковой назвал четверых: Кельса, Шпилевского, Гусака и меня. Вызов пришел только на одного человека, и в штаб армии был направлен Гусак. Мы с завистью провожали его. Однако Николай вернулся уже через два дня, чтобы составить списки наиболее подготовленных для действий в горах бойцов и командиров нашей дивизии, а также найти или составить описание района Клухорского и Марухского перевалов.

Описание района Клухора имелось. Но разве могло оно заменить человека, хорошо знающего местность?! Мы решили просить члена Военного совета срочно направить всех четверых на перевалы и одновременно сообщили данные об опытном альпинисте Ю. Н. Губанове, присутствие которого на перевалах было бы очень желательным и полезным. (Накануне мы получили письмо, в котором Губанов писал, что вернулся из Крыма в Тбилиси, и просил похлопотать о переводе в нашу дивизию.)

С тревогой и нетерпением мы ждали ответа.

На другой день в дивизию пришел приказ направить в Сухуми 121-й полк. Всем стало ясно: оттуда он пойдет на перевалы. Сборы были недолги. На вокзале эшелон провожало много народу: жители Батуми и окрестных селений, семьи товарищей, отправлявшихся на фронт. С полком уходили и наши командиры инструкторы горной подготовки.

Провожали товарищей и мы, альпинисты дивизии. По-дружески распрощавшись с инструкторами и знакомыми по сборам бойцами, я пообещал, что скоро непременно встретимся в горах, а затем пошел проститься с командиром полка майором И. А. Оршавой. Его провожали жена и дочь. Это была их последняя встреча.

Я стоял чуть в стороне и ждал удобного момента, чтобы передать через майора записку начальнику штаба 3-го горнострелкового корпуса подполковнику Мельникову с просьбой вызвать нас в корпус для направления на перевалы. Просил посодействовать в этом деле и Оршаву, Он обещал добиться моего назначения в свой полк.

А на следующее утро в штаб дивизии поступила телеграмма об откомандировании Гусева, Гусака, Кельса и Шпилевского в распоряжение штаба 46-й армии в Кутаиси.

Тепло простились с полковником Евстигнеевым. К сожалению, мне так и не довелось больше встретиться с ним. Боевой путь 9-й горнострелковой начался позже, на северных отрогах хребта. Дивизия героически сражалась и на Голубой линии в районе Новороссийска. Ничего больше о судьбе этого соединения и тех, кто воевал в его составе, мне неизвестно.

Командование дивизии щедро снабдило нас альпинистским снаряжением и продуктами: служить нам предстояло не в штабе армии, а на перевалах, и все отлично понимали это.

На фронт

Поезд из Батуми уходил ночью. Друзья-однополчане заботливо усадили нас в вагон. Прощай Батуми! Прощай море! Нас ждет другая стихия: горы, тревожные сейчас снежные горы...

На другой день мы уже шагали по улицам Кутаиси, разыскивая штаб 46-й армии. Каковы же были наша радость и удивление, когда на одном из перекрестков столкнулись с Юрием Губановым, который направлялся туда же. Впятером дружно зашагали по мостовой, выбивая искры из булыжников металлическими шипами, укрепленными на подошвах наших высокогорных ботинок.

В штабе нас без промедления принял член Военного совета бригадный комиссар Василий Нестерович Емельянов. Он ввел нас в обстановку, которая сложилась на перевалах и на Кавказе в целом. Мы подробно доложили об особенностях местности в районе развернувшихся боев. Мне неизвестно, бывал ли бригадный комиссар в горах прежде, но он отлично понимал специфику горной войны и четко представлял, какую роль может сыграть в ходе боевых действий знание этой специфики.

Член Военного совета тут же определил наши обязанности. В предписании указывалось, что по заданию командования мы направляемся для организации и проведения разведки в районах боевых действий. Каждому было предложено выбрать наиболее знакомый район. Прощаясь, Емельянов тепло пожелал нам успехов.

Мне и моим товарищам понравился член Военного совета: внимательный, приветливый, энергичный. Понравилась и его убежденность в том, что альпинисты должны быть на передовой в горах.

После беседы с членом Военного совета армии нам выдали документы. Шпилевский направлялся на Мамисонский перевал, Кельс и Губанов - на эльбрусское направление, мы с Гусаком должны были следовать на Клухор.

В нашем распоряжении оставались только вечер и ночь. Провести их предстояло в незнакомом, но чудесном грузинском

городе Кутаиси. Гусак вспомнил, что здесь живет добрый его друг альпинист доктор А. И. Мельничук. Без труда разыскали его в военном госпитале. У Мельничука оказалось немало старых фотографий района Эльбруса и Сванетии, куда мы должны были двинуться на рассвете, и он с удовольствием показал их нам. В дружеском кругу мы вспоминали горы, прошлые походы и пили по этому поводу прекрасное старое вино.

Вскоре доктор, аккомпанируя себе на гитаре, запел:

По горам, по вершинам наша молодость шла,
Голубыми туманами наша юность прошла.
Пронеслася и скрылася, как лихой буйный шквал,
А теперь на пути у нас новый встал перевал.
Что же, верные други мои, снова надо в поход,
За любимую Родину зашагаем вперед.
Помня молодость милую, помня тех, кто упал,
Зашагаем, товарищи, на седой перевал...

Когда в окно нашей комнаты заглянула заря, мы спели песню моего брата Виктора, ставшую очень популярной:

Были два друга в нашем полку,
Пой песню, пой.
Если один из друзей грустил,
Смеялся и пел другой...

Когда отзвучала песня, выпили последний бокал, обнялись и тронулись в путь...

В сторону Сухуми уезжали четверо. Дорога Володи Шпилевского на Мамисонский перевал начиналась прямо из Кутаиси. Не знали мы, что в то яркое утро прощались с нашим другом навсегда...

На станции Ингури сошли Леонид Кельс и Юрий Губанов. Их фигуры на фоне далеких гор долго были видны нам из окна уходящего поезда.

На следующее утро прибыли в Сухуми мы с Николаем. Отправились искать штаб 3-го стрелкового корпуса. Ослепительно сияло знойное солнце. Радовали глаз синее море, зелень горных склонов, стройные пальмы вдоль улиц и набережной. Но город изменился: на мостовой и тротуарах виднелись битый кирпич и стекло ночью Сухуми бомбила вражеская авиация. Город опустел. Только военные деловито шагали по улицам, да изредка проносился мотоциклист или проходила машина.

Комендант сказал, что штаб корпуса расположился за городом, и мы зашагали туда по шоссе. А навстречу - тележки с домашним скарбом, нагруженные вещами ослики. Так возвращались в оставленные дома успокоившиеся после ночного

налета жители.

Подполковник Мельников встретил нас приветливо и рассказал в общих чертах о событиях на перевалах. Так, по мере приближения к фронту, мы постепенно узнавали детали развернувшихся здесь боев. Но тогда далеко не все было понятным. Только спустя много лет, когда я прочитал подробное описание боевых действий на Кавказе и познакомился с их анализом в книге Маршала Советского Союза А. А. Гречко "Битва за Кавказ" и некоторых других книгах, мне полностью стала ясна картина этой битвы, в исходе которой не последнюю роль сыграли бои на перевалах Главного Кавказского хребта, где участвовали и подготовленные нами бойцы-альпинисты.

Позволю себе в связи с этим небольшое отступление.

В агрессивных планах германских милитаристов, грезивших о мировом господстве, всегда уделялось особое место захвату Кавказа. Он должен был стать по их замыслу колонией Германии, а главное - сыграть роль плацдарма для распространения агрессии на Ближний Восток, Индию, в Азию. Эту мечту правители Германии лелеяли еще в первую мировую войну.

Чем кончилась их затея в годы первой мировой войны - хорошо известно.

В период второй мировой войны гитлеровцы вновь планировали захватить Кавказ. Уже в 1941 году они предприняли для этого конкретные шаги. 21 октября был захвачен Ростов-на-Дону, который противник не без основания считал воротами Кавказа. Однако уже 27 октября армии Южного фронта нанесли мощный удар по ростовской группировке врага с севера, востока и юга и 29 октября освободили город. Гитлеровцы были вынуждены поспешно отступить на правый берег реки Миус. Так была сорвана их первая попытка проникнуть на Кавказ. Не принесла успеха и другая попытка, предпринятая в том же году, когда немецко-фашистские войска попробовали прорваться на Кавказ через Крым.

А дальше ситуация в этом плане стала складываться вообще неблагоприятно для немцев. Красная Армия нанесла серьезное поражение их войскам под Москвой, Ростовом, Тихвином и навсегда похоронила гитлеровский план "молниеносной войны". Война приняла затяжной характер. Поэтому, планируя летнюю кампанию 1942 года, германское командование решило захватить важнейшие экономические районы на юге СССР. "...Оставалась единственная возможность: подорвать экономическую мощь России, ударить по материальной основе ее вооруженных сил, - пишет по этому поводу английский военный историк Фуллер. - Было решено, что для этого нужно лишить Россию донецкого

промышленного района, кубанской житницы и кавказской нефти"{2}.

О том, какое значение придавали гитлеровцы захвату Кавказа, свидетельствует заявление министра иностранных дел Германии Риббентропа: "Когда русские запасы нефти истощатся, Россия будет поставлена на колени"{3}. А Гитлер по этому поводу высказался на совещании в штабе группы армий "Юг" 1 июня 1942 года так: "Моя основная мысль - занять область Кавказа, возможно основательнее разбив русские силы... Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен ликвидировать войну..."{4}

Тщательно был разработан противником план захвата Кавказа - "Эдельвейс". По этому плану немцы намерены были вначале оккупировать Северный Кавказ, а затем тремя путями проникнуть в Закавказье: обойти Главный Кавказский хребет с запада и востока и одновременно силами горнопехотных частей преодолеть перевалы.

Осуществление плана по захвату Кавказа возлагалось на группу армий "А" под командованием генерал-фельдмаршала Листа. В ее состав входили: 1-я танковая армия генерал-полковника Клейста, имевшая задачу наступать через Грозный, Махачкалу на Баку, и 17-я армия генерал-полковника Руоффа, которой предстояло действовать вдоль Черноморского побережья. Кроме того, намечалось, как только обозначится успех в продвижении главных сил группы армий "А", переправить через Керченский пролив соединения 11-й армии.

49-й горнопехотный корпус генерала горных войск Р. Конрада действовал в составе 17-й армии. Этот корпус имея задачу наступать через Главный Кавказский хребет от дороги на Туапсе до Мамисонского перевала. В состав корпуса входили: 1-я горнопехотная дивизия "Эдельвейс" генерала Ланца - одно из лучших соединений немецкой армии, 4-я горнопехотная генерала Эгельзеера, а также 97-я и 101-я легкопехотные дивизии. Горнопехотные соединения были укомплектованы альпинистами, жителями горных районов Германии.

Кроме того, для действий на горных перевалах в распоряжении командования группы армий "А" находился румынский кавалерийский корпус в составе 5, 6 и 9-й кавалерийских дивизий. В Крыму готовилась к форсированию Керченского пролива и затем к действиям в горах 3-я румынская горнопехотная дивизия генерала Фильчинеску.

Наличие в группе армий "А" большого количества специальных горных войск свидетельствовало о том, что противник придавал большое значение прорыву через Кавказский хребет в Закавказье и заранее готовился к проведению таких

операций с учетом особенностей войны в горах.

Впоследствии стало известно, что еще до 1941 года гитлеровцы проводили разведку различных районов Кавказского хребта в целях детального изучения местности. Фашистский журнал "Кораллы", издававшийся во время войны, в одном из номеров прямо писал об интенсивной подготовке немецких горнопехотных войск: "Перед войной наших егерей часто можно было увидеть на учениях в Альпах. Правда, для того чтобы их увидеть, нужно было очень внимательно всматриваться. Тысячи туристов бродили тогда в Альпах, не замечая войск, ибо оставаться незаметным - важнейшее правило альпийского стрелка. Только перейдя удобные дороги и взобравшись по горным тропам вверх, вы могли натолкнуться на группу солдат, усердно занятых лазанием по скалам. Имея хороший бинокль, вы могли с какой-нибудь вершины наблюдать за тактическими занятиями: дерзкие маневры, захваты важных пунктов, молниеносные обходы следовали один за другим. Егеря, как кошки, взбирались на неприступные вершины диких скал, на секунду прилипали к острым карнизам и бесследно исчезали где-то в темных расселинах...

В самые холодные зимние дни в засыпанных снегом горах можно было видеть белые фигуры лыжников с тяжелым грузом на спине. Они неслись с отвесного склона, внизу стряхивали снег и снова пускались в бешеное преследование невидимого противника: на глетчерах они преодолевали глубокие ледяные овраги, на вершинах гор устанавливали орудия и минометы, искусно строили из льда и снега теплые убежища..."{5}

Нельзя не отметить особого отношения немецкого командования к специальным горнопехотным соединениям своей армии: даже в самые тяжелые моменты их почти не вводили в бои в условиях равнины. Важно учесть и то, что многие офицеры таких соединений имели довольно солидную горную подготовку и обладали опытом ведения боев, приобретенным в период действий немецкой армии в горах Норвегии и на Балканах. К слову сказать, на Кавказе использовались и специальные горные соединения тогдашних союзников фашистской Германии - Румынии и Италии, в армиях которых с давних пор готовили специально обученные соединения в горных районах названных стран.

Несколько иначе обстояло дело со специальной подготовкой частей и соединений Красной Армии. Но срочные меры, предпринятые командованием, помогли улучшить положение. Однако нужды огромного фронта настоятельно требовали свежих сил. Из-за этого некоторые специально обученные части и

соединения использовались порой без учета их специализации. Это коснулось нескольких горнострелковых соединений, в том числе и тех, в которых серьезно проводилась подготовка личного состава к боевым действиям в горах. Примером тому могут служить 9-я и 20-я горнострелковые дивизии, личный состав которых удалось лишь частично использовать на высокогорных участках фронта...

Прежде чем перейти к описанию событий непосредственно на перевалах Главного Кавказского хребта, необходимо хотя бы кратко познакомить читателей с географией района боевых действий.

Главный Кавказский хребет протянулся огромной грядой на 1200-1300 километров от Апшеронского полуострова на Каспии до берегов Черного моря. Хребет условно делится на три части: Восточный Кавказ - от Апшеронского полуострова до горы Казбек (около 500 километров), Центральный Кавказ - от Казбека до Эльбруса (около 200 километров) и Западный Кавказ - от Эльбруса до Анапы (около 500 километров). Наиболее высокая часть хребта - центральная. Средняя высота гор достигает здесь четырех километров. А вершины Эльбрус, Казбек, Дых-тау, Каштан-тау, Пик Пушкина, Джанги-тау, Мижирги имеют высоту более пяти километров.

Самая высокая гора - Эльбрус. Высота его западной вершины 5642 метра, восточной -5621 метр. Снеговая линия на Кавказе проходит на уровне 3200 метров. Выше нее круглый год - царство снега и льда. Хребет от Эльбруса и Казбека постепенно снижается к берегам Каспия и Черного моря.

В районе южной границы центральной части хребта через перевал Крестовый пролегает Военно-Грузинская дорога, а через перевал Мамисон Военно-Осетинская дорога. К западу от Эльбруса, через перевал Клухор, проходит Военно-Сухумская дорога. Эти дороги строились в прошлом веке, и сами названия говорят об их стратегическом значении.

Кроме названных хребет пересекают с севера на юг другие, менее значительные дороги и тропы. Но только некоторые из них пригодны для движения колесного транспорта, да и то лишь в летнее время. Большая часть дорог и троп доступна главным образом для движения вьючного транспорта и пешеходов. Но на любом, даже самом трудном участке хребет могут преодолеть группы опытных альпинистов.

На северных и южных отрогах Главного Кавказского хребта идут через перевалы дороги и тропы из одного ущелья в другое. Они пригодны в основном для вьючного транспорта и пешеходов.

Эти боковые перевалы приобретают огромное значение во

время военных действий в горах, так как именно через них можно зайти во фланг или в тыл противника. Большую роль могут сыграть они и в случае партизанской войны.

Такова в общих чертах характеристика проходимости Главного Кавказского хребта и его отрогов. Она очень важна для оценки возможностей действия различных родов войск. Это хорошо понимали не только мы, но и противник.

Вряд ли следует перечислять и описывать все перевалы Кавказа. Но рассказать о перевалах, расположенных на участке хребта от Эльбруса до Маруха, где развернулись боевые действия, освещенные в этой книге, считаю необходимым.

Массив Эльбруса расположен несколько к северу, в стороне от Главного Кавказского хребта. Он соединен с ним перемычкой, на которой находится перевал Хотю-тау. Через него из Карачая по ущелью реки Кубань идет дорога в Кабардино-Балкарию - в Баксанское ущелье, ведущее к Нальчику. На этой перемычке, рядом с перевалом, лежит обширное снежное поле.

К юго-востоку от Эльбруса, на Главном Кавказском хребте, три перевала: Чипер-Азау, Донгуз-орун и Бечо. Через них вьючные тропы ведут в Сванетию. Это наиболее простые перевалы Центральной части Главного Кавказского хребта.

К северо-западу от Эльбруса, на Главном Кавказском хребте, расположены перевалы Чипер-Карачай, Морды, Гандарайский, Нахар, Клухор, Марух. На пять из них дороги идут от Теберды и Учкулана. Основная дорога на Марухский перевал начинается из станицы Зеленчугской. Все эти перевалы в разной степени проходимы для вьючного транспорта. И что очень важно в военном отношении, дороги и тропы через все названные перевалы имеют выход на Военно-Сухумскую дорогу в различных ее участках.

До войны к Клухорскому перевалу с юга из Сухуми и с севера из Теберды вели автомобильные дороги. Но они доходили только до подступов к перевалу. Центральный участок дороги через перевал был пригоден местами для колесного, а в основном для вьючного транспорта, и то лишь в летнее время.

Оборона перевалов Главного Кавказского хребта была возложена на 46-ю армию Закавказского фронта еще в ноябре 1941 года, после вторжения немецко-фашистских войск в Крым. Но меры по ее укреплению были приняты недостаточные. В июне 1942 года та же армия вновь получила задачу не допустить выхода противника к Черному морю и в Закавказье через перевалы Главного Кавказского хребта.

В тот период 46-й армией командовал генерал-майор В. Ф. Сергацков, членом Военного совета был бригадный комиссар В. Н.

Емельянов, начальником штаба полковник А. П. Рассказов.

Полоса обороны 46-й армии была огромной и очень разнообразной по характеру местности (начиналась она от южного побережья Черного моря и тянулась до высокогорных областей). В состав армии входили следующие соединения: 9-я горнострелковая с уже известным нам расположением частей, 394-я стрелковая, 20-я горнострелковая дивизии и 51-я стрелковая бригада, объединенные в 3-й стрелковый корпус. Входившие в его состав соединения обороняли районы побережья от Поти до Гудаут и от Гудаут до Лазаревской (см. схему No 1). Кроме того, 20-я горнострелковая держала оборону от перевала Белореченского до перевала Аишха, 51-я стрелковая бригада вместе с 394-й стрелковой дивизией от перевала Санчаро до Эльбруса. На участке от Эльбруса до перевала Мамисон оборонялась 63-я кавалерийская дивизия, штаб которой расположился в Сванетии. Позже ее сменила 242-я горнострелковая дивизия. Оборона Мамисонского перевала была поручена 351-й стрелковой дивизии, а на Военно-Грузинской дороге, в районе Кавбеги, обосновался штаб 267-й стрелковой дивизии, охранявшей Крестовый перевал. Один из полков 351-й стрелковой находился в Кутаиси в распоряжении штаба армии.

Задачи, возложенные на 46-ю армию, были очень серьезны, а сил для их решения было явно недостаточно. В какой-то мере это, видимо, объяснялось недооценкой возможности вторжения противника в Закавказье через перевалы Главного Кавказского хребта. В силу этого обстоятельства, а также в силу того, что многие командиры считали Главный Кавказский хребет непреодолимой преградой для неприятеля, подготовке перевалов к обороне не придавалось должного значения. В основном их обороняли силы от роты до батальона, а некоторые перевалы вообще не были заняты нашими войсками.

Так было, в частности, и на направлениях, где действовал 3-й стрелковый корпус. Северные склоны перевалов не оборонялись, разведка там не проводилась. Основные силы соединений расположились ближе к морю, а на перевалах находились небольшие отряды, связь с которыми была не очень надежной. Личный состав таких отрядов не был подготовлен к действиям в горах, люди плохо знали горы и потому не могли ни создать надежную оборону, ни предвидеть возможные действия опытного противника. И это происходило в то время, когда весь личный состав 9-й и значительная часть бойцов и командиров 20-й горнострелковых дивизий уже прошли серьезную горную подготовку. А значит, эти соединения могли сыграть большую роль в обороне перевалов.

Прибывший на Кавказ представитель Государственного Комитета Обороны категорически противился предложению перебросить на перевалы не только всю 9-го горнострелковую дивизию, но даже отдельные ее части. 121-й горнострелковый полк, например, был направлен на Клухорский перевал без его ведома.

А между тем наступал август, и уже в первых числах 49-й горнопехотный корпус генерала Конрада из района Невинномысекой и Черкесска начал двигаться к перевалам. В горы шли хорошо обученные, полностью укомплектованные, обеспеченные специальным альпинистским снаряжением соединения. В экипировку личного состава входили удобная крепкая горная обувь и верхняя одежда, палатки, спальные мешки, походные спиртовые индивидуальные кухни и примусы, темные очки. Снаряжение состояло из ледорубов, "кошек", веревок, скальных и ледовых крючьев и карабинов, горных спасательных средств. Высокогорные части обеспечивались также специальным высококалорийным питанием.

Путь на перевалы от Санчаро до Эльбруса оказался, по существу, открытым.

Так сложилась общая обстановка на Кавказе к началу боев на

перевалах. Используя сохранившиеся фронтовые документы, мои собственные записи и впечатления, а также рассказы фронтовых товарищей, я намереваюсь на этом общем фоне подробно описать боевые действия на самих перевалах Главного Кавказского хребта и словно в лупу рассмотрю детали этих, на мой взгляд, уникальных событий.

Итак, разделившись на четыре группы, войска генерала Конрада устремились по долине реки Большая Лаба в направлении перевалов Санчаро и Псеашха, по долинам рек Марух и Большой Зеленчук - к перевалам Наурский и Марух, а по долине реки Теберда - на перевал Клухорский и перевал Домбай-Ульген. Одна группа направилась по долине реки Кубань к перевалам Нахар, Гондарай, Морды, Чипер-Карачаевский на Главном Кавказском хребте и далее к Хотю-тау. Этому направлению противник придавал большое значение: путь через перевал вел к Эльбрусу и в тыл наших частей, отходивших вверх по Баксанскому ущелью. Именно в этой группе гитлеровцев находился отряд альпинистов капитана Грота, впоследствии занявший "Приют Одиннадцати", метеорологическую станцию на южных склонах Эльбруса и установивший на его вершинах фашистские флаги с эмблемами 1-й и 4-й горнопехотных дивизий. Само восхождение егерей никакого военного значения не имело. Но, заняв горный массив Эльбруса, противник мог господствовать над Баксанским ущельем и ставил под удар пути, ведущие на перевалы Донгуз-орун и Бечо, а также получал возможность пройти по ущельям рек Ненскрыры и Секена на Ингурскую и Военно-Сухумскую дороги в глубокий тыл наших войск, оборонявших перевалы с юга.

После второй мировой войны и у нас, и за рубежом было выпущено немало монографий и мемуаров о боевых действиях на Кавказе, и в частности на перевалах Главного Кавказского хребта. Но описания боев непосредственно в горах часто грешат неточностями. Детали многих событий трактуются по-разному. И это не случайно. В условиях высокогорья связь между частями была крайне затруднена, отдельные подразделения нередко действовали в полной изоляции друг от друга. Вот почему даже сейчас неизвестны подробности многих событий, до сих пор не выяснены не только судьбы отдельных людей, но и некоторых подразделений.

О боях на Кавказе писал, в частности, генерал Р. Конрад в своей книге "Битва за Кавказ", изданной в 1954 году в Мюнхене. Поскольку он командовал в то время 49-м горнопехотным корпусом, воспоминания Конрада представляются мне любопытными. И кое-где в своей книге я буду цитировать его

мемуары. Это позволит осветить войну на Кавказе с разных позиций, что, на мой взгляд, даст возможность читателям лучше представить истинную картину тех уже далеких событий.

Конрад описывает продвижение сил своего корпуса через Черкесск, Микоян-Шахар, Теберду, Архыз к подступам на перевалы. Говорит о сопротивлении наших разрозненных частей, отходивших по этим же маршрутам, о нарастающих трудностях снабжения войск корпуса, растянувшихся при выходе на перевалы, и особенно в условиях бездорожья на их южных склонах. Надо отметить, что сведения о дорожных условиях, имевшиеся в его распоряжении, были точны и достоверны.

Итак, противник шел на перевалы. Но нельзя сказать, что его продвижение было беспрепятственным. По ущельям в сторону хребта отходили разрозненные части, отрезанные в предгорьях от основных сил нашей армии. Эти части оказывали сопротивление на наиболее выгодных для обороны участках.

Большинство отходивших двигались без карт, причем мало кто знал горы. Большую помощь в выборе правильного пути на перевалы оказывало им местное население и партизаны.

Таким образом, бойцы и командиры, отходившие по основным ущельям и дорогам, достигали перевалов, встречали там наши части и благополучно попадали на побережье, где происходило переформирование. Однако многие отряды постигала печальная участь. Преследуемые врагом, они попадали в боковые ущелья, заканчивающиеся отвесными скалами, крутыми снежными склонами и нагромождениями ледников. Тут могли пройти только опытные альпинисты. И люди гибли от лавин, камнепадов, гибли в бездонных трещинах ледников, гибли от пуль настигавших их гитлеровцев. Много лет прошло с тех пор, но и сейчас еще находят в горах останки бойцов и командиров, пытавшихся прорваться к своим через суровые заоблачные выси гор и погибших здесь, но не сдавшихся врагу.

В тот период в горах и предгорьях интенсивно развертывалась партизанская война. Партизанские отряды П. Грицая, Г. Царяпина и Пуда в Кабардино-Балкарии, отряды, возникшие в Карачае и других районах Северного Кавказа, активно помогали Красной Армии на всех этапах оборонительных боев, не давали врагу покоя ни днем ни ночью в течение всего периода оккупации, а затем громили его в дни начавшегося наступления Красной Армии...

Обстановка на Кавказском хребте становилась все более напряженной, и Ставка Верховного Главнокомандования дала Закавказскому фронту специальную директиву, требовавшую принять немедленные меры по усилению обороны перевалов. В

ней, в частности, говорилось:

"Враг, имея специально подготовленные горные части, будет использовать для проникновения в Закавказье каждую дорогу и тропу через Кавказский хребет, действуя как крупными силами, так и отдельными группами... Глубоко ошибаются те командиры, которые думают, что Кавказский хребет сам по себе является непроходимой преградой для противника. Надо крепко запомнить всем, что непроходимым является только тот рубеж, который умело подготовлен для обороны и упорно защищается. Все остальные преграды, в том числе и перевалы Кавказского хребта, если их прочно не оборонять, легко проходимы, особенно в данное время года.

Исходя из этого, Ставка требует наряду с созданием прочной обороны на основных оперативных направлениях немедленно усилить оборону Главного Кавказского хребта, и особенно Военно-Грузинской, Военно-Осетинской и Военно-Сухумской дорог, исключив всякую возможность проникновения противника на этих направлениях"{6}.

В директиве указывалось на необходимость перекрыть и все другие перевалы через Главный Кавказский хребет.

Для усиления обороны Черноморского побережья в 46-ю армию передавались 61-я стрелковая дивизия и несколько частей, а в городах Закавказья и на побережье шло ускоренное формирование резервов.

Большую работу проделали партийные органы Азербайджана, Армении, Грузии. На наиболее важные участки были направлены ответственные работники ЦК КП(б) Грузии, Совнаркома Грузинской ССР, обкомов партии Абхазии, Аджарии, Осетии.

Продолжался отзыв альпинистов из частей, где они служили. Их направляли в войска Закавказского фронта. Примерно тогда же на Кавказ для обороны перевалов была направлена группа альпинистов из состава отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), сформированной в войсках НКВД из добровольцев спортсменов различного профиля и находившейся под Москвой в резерве Ставки Верховного Главнокомандования. Решением штаба Закавказского фронта эти альпинисты были оставлены для организации горной подготовки. В то же время командование 46-й армии дало указание использовать для обороны на перевалах альпинистов, уже находившихся в ее соединениях.

Между тем части 1-й немецкой горнопехотной дивизии "Эдельвейс" из корпуса Конрада продолжали продвигаться к перевалам.

К моменту подхода противника Клухор обороняли

подразделения 1-го батальона 815-го полка 394-й стрелковой дивизии. Одна рота расположилась на седловине перевала, а две - на его южных склонах. 2-й батальон этого же полка находился в селении Ажары в средней части ущелья реки Кадор, 3-й - в Сухуми.

Гитлеровцы наступали несколькими колоннами. С севера шли хорошо обученные тирольцы и баварцы, для которых горы были родным домом. Преодолев скалистые склоны, доступные только для обученных частей, они обошли с флангов наших оборонявшихся бойцов, неожиданно атаковали одну роту, находившуюся на перевале, потеснили ее на южные склоны и захватили перевал.

Неудача, которая постигла оборонявшихся, объяснялась двумя причинами: во-первых, незнанием гор (многие наши воины попали в горы впервые) и, во-вторых, неподготовленностью перевала к обороне. Оборонявшиеся считали, что скальные склоны непроходимы, а сам перевал, где шла тропа, надежно заперт ими. И вдруг увидели вражеских стрелков на флангах и даже в тылу выше перевала...

"Ввиду того что большинство командного состава войск фронта, - писал впоследствии в своей книге Маршал Советского Союза А. А. Гречко, - не имело опыта боевых действий в горах, оборона и система ее огня организовывались, как правило, только непосредственно на перевале, вместо того чтобы выносить огневые средства на ближние и дальние подступы к нему. Ряд направлений, допускавших подход к перевалам не только отдельных групп, но и целых подразделений противника, не был обнаружен и никем не оборонялся. Это явилось следствием того, что детальная рекогносцировка районов, примыкающих к перевалам, не производилась. Более того, на позициях оставлялось лишь наблюдение, а сами гарнизоны располагались на южных скатах хребта, в населенных пунктах и кочевьях, удаленных от перевалов..."{7}

Связь по ущельям рек Клыч и Кадор от Сухуми до перевала была налажена слабо, и в штабе армии узнали о боях на перевале только 16 августа. В помощь защитникам перевала были посланы 3-й батальон 815-го полка, учебный батальон стрелковой дивизии, отряд Сухумского пехотного училища и отряд НКВД.

В то время автомобильная дорога из Сухуми, проходившая по ущелью, кончалась в Захаровне. Отсюда до перевала нужно было преодолеть еще около 80 километров. Продвижение больших воинских групп шло медленно. А в это время противник продолжал теснить подразделения 815-го полка. Подкрепление подошло тогда, когда был уже занят участок ущелья реки Клыч до

водопада. Немного ниже от него по ущелью, в тринадцати километрах от перевала, находилась промежуточная туристская база "Южная палатка", состоявшая из нескольких небольших деревянных строений. Отсюда передовые отряды противника, используя теперь свое преимущество наступающих сверху, устремились к слиянию Клыча с Гвандрой, в район селения Геицвиш, находившегося в 30 километрах от Клухора по дороге в сторону Сухуми.

Вот что пишет по поводу этих событий в своих воспоминаниях Р. Конрад:

"16 августа, поднимаясь на Клухорский перевал, на развилке горных дорог, я встретил командира 1-й горнопехотной дивизии, возвращающегося с рекогносцировки занятого противником перевала. "Обход перевала с запада почти завершен. Завтра мы его возьмем", - доложил генерал-лейтенант Ланц. Он был уверен в успехе.

Накануне, 15 августа, фон Хиршфельду удалось ввести противника в заблуждение. Дважды переходили его солдаты бурный, сковывающий движение, доходящий до пояса поток ледниковых вод на большом высокогорье. Им удалось обойти отсечные позиции врага. Теперь фон Хиршфельд стоял лицом к лицу с главными силами противника, владевшего седловиной перевала. Обходный отряд фон Хиршфельда силой до двух рот с тяжелыми пулеметами и гранатометами после многочасового восхождения, подвергаясь ежеминутной опасности, овладел господствующим над местностью крутым западным гребнем перевала. Отсюда можно было вести постоянное наблюдение за занятым противником перевалом.

Вскоре положение защитников перевала ухудшилось: опасаясь быть полностью отрезанными от своих и уничтоженными, с наступлением темноты они попытались отойти. В этих условиях фон Хиршфельд провел еще одну атаку, на этот раз с фронта, и в ночном бою овладел перевалом. Но он был недоволен ходом боя, ведь его целью было полное окружение и уничтожение противника. Эта задача не была выполнена..."

Против защитников перевала Клухор Р. Конрад посылает полк майора Залминтера. О его действиях он пишет: "В последующие дни майор Залминтер в условиях нарастающего вражеского сопротивления прорвался к выходу из труднопроходимого, длиной 15 километров ущелья. 23 августа он выслал в обход 2-3 роты автоматчиков под командованием Песситера на крутые горные склоны с запада и высокие склоны, где никогда еще не ступала нога человека, с задачей ударить по противнику, оборонявшему выход из ущелья, с тыла..."

О судьбе этого отряда мы узнаем позднее. А пока хочу вернуть читателей к тому августовскому дню 1942 года, когда мы с Николаем Гусаком прибыли в штаб 3-го стрелкового корпуса. Тогда нам не удалось довести до конца разговор с начальником штаба подполковником Мельниковым. Был поздний вечер, в штабе началось срочное совещание. Ожидать пришлось в саду, окружавшем штаб. Совещание шло долго.

Только на рассвете нас вызвали к начальнику штаба. Из рассказа подполковника Мельникова мы поняли, что противник не ограничился наступлением на Клухор. Немецкие части вышли на перевал Марух и двигались в сторону Хотю-тау, занимая перевалы на Главном Кавказском хребте от Клухора к Эльбрусу. Этими действиями гитлеровцы прикрывали свой фланг и тылы частей, продвигавшихся к Эльбрусу, и одновременно создавали угрозу тылам наших частей, находившихся на Военно-Сухумской дороге.

Наступление на перевалы немцы сопровождали бомбардировкой Сухуми. Их самолеты штурмовали наши войска, двигавшиеся к перевалам.

Узнав о продвижении егерей на важный горный узел Хотю-тау, мы посоветовали начальнику штаба опередить их, перебросив туда самолетами специальный отряд. Мы были уверены, что посадка легких самолетов на снежные поля Хотю-тау возможна. Самолеты, конечно, могли доставить только небольшой отряд, но и этого было бы достаточно, чтобы обороняющиеся продержались до подхода подкрепления из Баксанского ущелья.

Посылка такого отряда выходила за пределы полномочий командования корпуса, и подполковник Мельников обещал доложить предложенный нами план командованию 46-й армии. Нам он приказал готовиться к срочной отправке в расположение штаба 394-й стрелковой дивизии, который находился в то время у селения Генцвиш. Туда уже выехали командир 3-го стрелкового корпуса генерал-майор К. Н. Леселидзе и члены Военного совета фронта.

На ночь опять расположились в фруктовом саду у штаба. Прямо под деревьями разложили спальные мешки. Поужинали грушами, висевшими над головой, и уснули с мыслями о завтрашнем дне, о том, что ожидает нас на перевалах.

Первый бой

Получив последние указания и напутствуемые добрыми пожеланиями подполковника Мельникова, мы отправились с попутной машиной в Захаровну, чтобы оттуда быстрее попасть в штаб 394-й стрелковой.

По дороге в Захаровну я невольно вспоминал 1928 год, когда

впервые попал в горы и, перейдя Клухорский перевал с туристской группой, спускался по Военно-Сухумской дороге, чтобы впервые увидеть море. С перевала до Цибельды в то время ходили пешком, а от нее до побережья добирались на лошадях, на "линейках". Сейчас вместо одиночных старомодных "линеек", запряженных парой лошадей, и медлительных абхазских арб в обе стороны стремительно неслись пикапы, газики, "зисы", эмки. Встречался и гужевой транспорт, и вьючные караваны. Дорога была загружена до предела...

Трудное тогда было время для наших войск в этом районе. Части дивизий и подразделения некоторых полков были разбросаны на широком фронте. Иногда подразделение одного полка находилось в расположении другого и на ходу передавалось ему. Все это усложняло управление частями и подразделениями, затрудняло связь между штабами частей. Уже после войны командир 815-го полка майор В. А. Смирнов рассказывал, что, находясь на Марухском перевале, он ни разу не видел командира 394-й дивизии, непосредственно руководившего обороной на Клухорском направлении, и все боевые указания получал прямо из штаба 3-го стрелкового корпуса.

Очень трудно было и со снабжением наших войск на перевалах. По плохой дороге надо было перебросить и подкрепление, и продовольствие, и боеприпасы. Противник и в этом имел преимущества: дороги к перевалам с севера были короче и лучше. Автомобильная дорога доходила до Гоначхира. А потому гитлеровцы вьюками доставляли своим войскам продовольствие и боеприпасы на расстояние не более 30 километров, а до нашей передовой линии грузы шли из Захаровки, которая находилась в 80 километрах. Пришлось немедленно сформировать специальные вьючные подразделения, а для срочной доставки самого необходимого использовать авиацию. Но далеко не все можно было сбрасывать с воздуха. Большие трудности возникали с эвакуацией в тыл раненых. Тяжелораненых невозможно было ни транспортировать на вьюках, ни перенести на носилках. Самолеты же не совершали посадок вблизи передовой. Прифронтовые госпитали были переполнены...

Итак, наш путь на автомашине закончился в Захаровке, примерно в 30 километрах от Сухуми. Здесь был перевалочный пункт и располагались тылы 394-й дивизии. Всем, кто находился в Захаровке, надо было попасть на перевалы как можно скорее. Мы везли с собой снаряжение. А потому для дальнейшей транспортировки нужны были лошади. Нам обещали выделить к вечеру двух лошадей и погонщиков. Пришлось ждать.

На левом берегу Мажарки собиралась в дорогу какая-то часть. Направились туда, рассчитывая присоединиться, если путь ее лежит к перевалу. Какова же была радость, когда узнали, что это 121-й полк 9-й горнострелковой. Полк направлялся к перевалам на помощь нашим частям, отходившим под ударами противника. Приятно было встретить своих учеников и друзей, а их тут оказалось очень много. Командир полка майор И. А. Оршава предложил идти на перевал вместе, но свободных лошадей у него не было. Решили догнать Оршаву в пути, ведь полк, конечно, будет двигаться медленнее нас.

Погонщики с лошадьми пришли в условленное место поздно вечером. Заночевали в низине на берегу, в копне свежего сена. Холодная звездная ночь с туманами в низинах обещала хорошую погоду...

Вышли с рассветом, поднялись по каменистой дороге на небольшую террасу над селением. Внизу началось движение: подходили автомашины из Сухуми, строились длинные цепочки караванов, а когда совсем рассвело, к перевалам потянулись самолеты У-2. Они летели к передовой, чтобы сбросить там ящики с продовольствием для сражающихся частей. Гул самолетов всю дорогу сопровождал нас, и крылатые тени, скользя по склонам, быстро обгоняли караваны, медленно двигавшиеся по тропам.

Утро было прохладным. Бодро шагали отдохнувшие за ночь лошади. Мы с Николаем шли налегке. И довольно быстро добрались до Багатских скал известного на Военно-Сухумской дороге участка пути, где полоска дороги проходит по узкому карнизу, высеченному в отвесных скалах. Над нами высились двухсотметровые стены скалы, которые отвесно обрывались к бешено мчащемуся по дну ущелья мутному потоку реки Кадор. Этот участок пути был заминирован на случай прорыва противника. Говорили, что немцы уже пытались бомбить его с воздуха, чтобы затруднить и без того сложную задачу снабжения советских войск на перевале.

Целый день навстречу нам тянулись группы раненых в окровавленных бинтах. Поддерживая друг друга, они медленно шли к Захаровке, где их ждали санитарные машины...

Как мы ни торопились, но только в темноте подошли к селению Чхалта. Хотели двигаться дальше ночью, но хозяин лошадей Саркис совсем ослабел, да и лошадям требовалось задать корм: мы прошли без остановок почти 60 километров. Прикинув все это, решили заночевать невдалеке от Чхалты.

На рассвете - снова в путь. Наши провожатые постепенно начали отставать: сказывалась вчерашняя перегрузка. Вскоре

стали слышны разрывы мин и снарядов, доносившиеся с верховий ущелья. Невдалеке от селения в реку Клыч впадает река Чхалта. Ущелье ?той реки ведет к Марухскому перевалу, где тоже шли тяжелые бои. Дороги же с Клухора и Маруха сходятся в Чхалте. Поэтому от успеха действий на одном направлении в значительной мере зависела судьба другого направления. Это учли егеря, совершая при штурме Клухора обходный маневр через Марух.

Кроме раненых и возвращавшихся вьючных караванов к Сухуми шли разрозненные группы бойцов, которым удалось уйти через перевал от противника. Те, кто отходил по дорогам, выглядели нормально. Те же, кому чудом удалось прорваться через хребет без дорог и троп, были истощены и оборваны. Все они направлялись на побережье, где находились сборные пункты для отдыха и последующего формирования.

Еще до рассвета над ущельем, подобно большим пчелам, опять загудели У-2. На одном из коротких привалов, на подходах к селению Ажары, мы наблюдали, как эти самолеты, кружась в зажатом хребтами ущелье, сбрасывали свой груз на берег реки.

У селения Ажары мы догнали обоз 121-го горнострелкового полка. Движение замедлилось: внимание бойцов привлекли лыжи на наших вьюках. Молодой паренек, видимо впервые попавший в горы, задиристо крикнул:

- А деж вы литом снигу знайдете? Мабуть, с собой везете в мишках? - И весело рассмеялся...

В Ажарах узнали, что штаб дивизии находится в селении Генцвиш на правом берегу Клыча.

Я стал обгонять медленно двигавшийся обоз, стремясь добраться до головной колонны полка. Разрывы снарядов слышались здесь уже совсем близко. Вскоре над ущельем появились фашистские самолеты. Иногда они снижались и били длинными очередями из пулеметов по колоннам наших войск и вьючным караванам...

Передовой отряд полка мы догнали в лесу на подходе к селению Генцвиш. Отряд только что расположился на отдых. Двигаться дальше без разведки было рискованно: впереди были слышны не только разрывы мин, но и винтовочная стрельба и автоматные очереди. Командира полка Оршавы здесь не было. Он с небольшой группой бойцов и командиров отправился в расположение штаба дивизии.

Минут пятнадцать отдыхали в роте автоматчиков лейтенанта К. И. Зеленина и политрука И. А. Блиндера - наших лучших учеников по сборам. Через несколько часов оба погибли в первом же бою, обороняя штаб дивизии всего в одном-двух километрах

от того места, где мы отдыхали...

В штаб я решил идти один. И это было неразумно. Вскоре выяснилось, что прорвавшийся о гряд гитлеровцев находился уже в тылу штаба дивизии и вел наблюдение за тропой, идущей со стороны селения Ажары. Но я плохо понимал тогда, что здесь творилось. Тропинка вилась по густому лесу. Ни впереди, ни сзади никого не было видно. Кругом шла стрельба, и я побежал вперед, стараясь не показываться на полянах. На выходе из леса меня, к счастью, задержал наш патруль.

Штаб 394-й стрелковой дивизии разместился в нескольких домиках, окруженных редкими буковыми деревьями.

Вблизи домиков, в неглубоких окопах, вырытых на кукурузном поле, находилась штабная рота. Здесь же, в небольших ровиках, изготовились для стрельбы расчеты пулеметов и несколько стрелков с противотанковыми ружьями. Прямого применения для петеэровцев пока не было, и они приловчились стрелять по самолетам.

Меня провели в штаб. Над картой склонилась группа командиров. Майора Оршавы среди них не было, наверное, я обогнал его где-то в лесу. Мне указали на командира дивизии полковника И. Г. Кантария. Я начал докладывать, но тот остановил меня, сказав, что здесь находится старший по званию. И действительно, попав после яркого солнечного света в дом с небольшими окошками, я не сразу разглядел командира корпуса генерал-майора К. Н. Леселидзе, которому через несколько дней предстояло стать командующим 46-й армией. В домике находились также член Военного совета фронта, народный комиссар внутренних дел Грузии А. Н. Саджая, представители Военного совета армии.

Я представился генералу. Прочитав мой документ, он удивился столь быстрому приходу из Захаровки, спросил, не встречал ли я 121-й полк, и, узнав, что передовой отряд этого полка стоит поблизости в лесу, а командир направился в расположение штаба, видимо, остался доволен этим известием.

Через несколько минут в комнату вошел и сам майор Оршава. Прибытия его полка все ждали с нетерпением. Поздоровавшись с майором, Леселидзе попросил его подождать минуту-другую и, обратившись ко мне, сказал:

- Вы нам крайне необходимы. Но сейчас, в данный момент, основная задача состоит в том, чтобы ликвидировать большую группу вражеских автоматчиков{8}, прорвавшуюся в расположение штаба и, возможно, уже окружившую нас. Вам надлежит находиться пока вблизи штаба.

Вскоре из дома вышел майор Оршава с группой охраны и

направился к коновязи. На ходу бросив мне, что получил задание ликвидировать группу фашистских автоматчиков, он вскочил на коня и поскакал к передовому отряду полка.

Сам генерал Леселидзе во главе другого отряда тоже направился в лес, только в противоположную сторону - к передовой. Я не раз слышал о смелости и решительности командира корпуса. И в тот момент убедился в этом воочию.

Все в штабе приготовились к обороне. Я зашагал на розыски Гусака и нашел его на краю полипы у развьюченных лошадей. Вместе с ним и вьюковожатыми мы, скрываясь в кустах, перетащили все снаряжение в сарайчик около штаба. Затем я отпустил Саркиса и его друга, а сам с Гусаком остался на крыльце дома, в котором размещался штаб. Кругом шла беспорядочная стрельба. Через некоторое время стрельба в лесу усилилась: это подразделения полка и штабная рота вступили в бой с прорвавшейся к штабу группой гитлеровцев.

На противоположном склоне реки часто рвались снаряды и мины. Смотришь на склон, и вдруг как подкошенное рушится дерево. На его месте возникает облако дыма, а вниз, набирая скорость, мчатся огромные каменные глыбы, сметая другие деревья на своем пути... Наконец перестрелка в лесу начала постепенно затихать. На тропинке, ведущей к штабу, показался незнакомый лейтенант. Он вел пленного. В то время пленные были еще редкостью, и потому каждому хотелось взглянуть на обер-ефрейтора. Допрашивали немца в домике. Он оказался минометчиком и находился в группе, прорвавшейся к штабу. Одежда с эмблемой эдельвейса на рукаве и шапке, хорошие высокогорные ботинки, обитые специальными шипами, - все говорило о принадлежности к горным войскам. Да пленный и не скрывал этого.

Вначале он держался вызывающе. Но это длилось недолго. Парень был молодой, но, видимо, понял, что помощи ждать неоткуда, и перетрухнул не на шутку. Он рассказал, что по заданию командования войск, наступавших по Военно-Сухумской дороге, были сформированы и направлены через перевал три специальных отряда общей численностью в 300 человек. Они должны были обойти по склонам ущелья фланги советских войск, встретиться у селения Генцвиш и совместно начать активные действия. Отряд, в котором находился пленный, был разделен на мелкие группы. Они обстреливали расположение штаба и бойцов на тропах, вступали в перестрелку с постами охраны штаба. В отряде имелись легкие ротные минометы. В плен обер-ефрейтора захватили, едва он вышел из леса на тропу.

Гитлеровец совсем сник, когда к домику стали приводить все

новых пленных и приносить раненых егерей. Бессильно опустившись на скамейку, он испуганно оглядывал окружающих. На следующий день обер-ефрейтора и других пленных отправили в штаб корпуса.

Среди тяжелораненых немцев оказался один офицер. Просматривая его документы, я обнаружил спортивную медаль альпиниста и горнолыжника, выдаваемую чуть ли не за 100 восхождений на сложные вершины. Хотел расспросить раненого об альпинистском составе дивизии, но он умирал и уже не мог говорить.

Вскоре вернулся разгоряченный боем Оршава с группой бойцов. Потом появились командир корпуса генерал-майор К. Н. Леселидзе и комиссар 394-й дивизии П. Я. Сячин.

Бой затихал.

Бойцы Оршавы захватили склад противника, в котором перед началом боя были оставлены рюкзаки: в наступление немцы пошли налегке. В рюкзаках оказалось альпинистское снаряжение. Ни теплой одежды, ни запаса продуктов там не было. Видимо, егеря были твердо уверены в успехе и рассчитывали быстро прорваться к теплому морю...

* * *

День 27 августа стал переломным в ходе боев на Клухорском направлении. Именно тогда у селения Генцвиш наши подразделения сорвали попытку трех отрядов егерей разгромить штаб 394-й дивизии, окружить наши части под Клухором и поставить в тяжелое положение советские войска на Марухском перевале. Если бы врагу удалось выполнить задуманное, он получил бы возможность осуществить основными силами прорыв к морю, к Сухуми.

Планы противника были сорваны благодаря решительным действиям бойцов 121-го горнострелкового полка, отряда курсантов Сухумского пехотного училища и штабной роты. Егеря, прорвавшиеся к штабу, были почти полностью уничтожены или пленены. Избежать этой участи удалось немногим. Но и их судьба оказалась плачевной. В этом мы убедились чуть позже, когда начали продвигаться вперед. Несколько десятков оборванных, голодных, полуживых гитлеровцев, отчаявшись прорваться к своим, вышли из леса на тропы и сдались в плен...

Утомленный длительным переходом и боем, в конце дня 121-й полк стягивал на ночь силы к месту расположения штаба. Костров не разводили, чтобы не демаскировать себя. Под вечер над ущельем на довольно большой высоте появлялся немецкий самолет. Покружив над ущельем, он сбросил наугад две бомбы и скрылся в направлении Клухорского перевала.

Погода была прекрасная. Личный состав штаба устроился на ночь вокруг домиков, под навесами сарайчиков и даже просто под открытым небом.

Надолго запомнил я первый бой в горах. В память врезался яркий солнечный день, ослепительная красота гор и разрывы снарядов, кромсавших эту сказочную землю... Долго не могли уснуть мы с Николаем, обсуждая пережитое. А над нами, как в доброе мирное время, светили яркие звезды...

На Клухорском направлении

Перевал Клыч

Утром 28 августа в ущелье было удивительно тихо: ни выстрела, ни разрыва снаряда, ни самолета в безоблачной вышине над горами.

Командир 394-й стрелковой дивизии представил меня и Гусака работникам штаба и подробно разъяснил нам обстановку на передовой.

В районе "Южной палатки" располагался штаб полка 1-й немецкой горнопехотной дивизии, подразделения которой наступали на наш 815-й полк. Обходный маневр оказался для гитлеровцев легкоосуществимым, так как командир 815-го полка майор А. В. Коробов сосредоточил силы только на дне ущелья у дороги. А склоны и проходившие по ним тропы не были прикрыты.

Вражеским автоматчикам удалось захватить мост у слияния рек и отрезать полк Коробова от штаба дивизии. На гребне у слияния рек расположились наблюдатели и корректировщики противника. Они радировали своим самолетам о появлении наших вьючных караванов.

Обстановка в ущелье реки Гвандра была неизвестна. Из двух посланных туда отрядов один не вернулся, а другой, потеряв проводников, дошел, видимо, только до середины ущелья и двинулся назад.

Вернувшиеся сообщили: горы кругом неприступны, противник не обнаружен и вряд ли может там появиться. Содержание донесения свидетельствовало о том, что те, кто его подготовил, не знали гор. В действительности роль ущелья Гвандры в общем ходе боев была очень существенной. И не случайно вслед за разведкой командование направило туда значительную часть 220-го кавалерийского полка во главе с его командиром, но о судьбе конников сведений пока не поступало.

В ущелье Гвандры противник мог проникнуть и из ущелья реки Клыч через хребет Клыч, как это, видимо, сделали немецкие корректировщики, а также через перевал Гондарай на Главном Кавказском хребте.

Что же касается ущелья реки Секен, по которому шла тропа с перевала Морды в наши глубокие тылы, то оно пока не беспокоило командование, так как путь от перевала до выхода на Военно-Сухумскую дорогу был длинный. Не вызывало опасений и ущелье реки Чхалты - там на перевале Марух находился 810-й полк и все было пока спокойно (тяжелые бои за этот перевал начались позже).

Под Клухором в это время находились основные силы 815-го стрелкового полка, подразделения 256-го артиллерийского полка, 220-й кавалерийский полк, присланные недавно для подкрепления, подразделения 155-й стрелковой бригады, отряд курсантов Сухумского пехотного училища и только что прибывший 121-й горнострелковый полк (см. схему No 2).

Из донесений следовало, что подразделения 815-го стрелкового полка, обескровленного многодневными боями, с трудом сдерживали натиск гитлеровцев. Выше селения Генцвиш располагался в ущелье командный пункт дивизии. На КП находился начальник штаба дивизии майор А. И. Жашко с группой штабных офицеров и комендантским взводом. Это был смелый и грамотный офицер. В какой-то период ему пришлось временно командовать дивизией, и Жашко успешно справился с этим. С полком и командным пунктом дивизии была установлена прерванная накануне связь. 815-й полк улучшал оборону, эвакуировал раненых. Обстановка на какое-то время стабилизировалась. Воспользовавшись этим и учитывая, что прибыло подкрепление, наше командование решило взять инициативу в свои руки...

С этим, видимо, и был связан наш вылов к командиру дивизии. В домике находились также прибывшие в штаб члены Военного совета армии и генерал-майор Леселидзе. Нас с Гусаком попросили охарактеризовать окружающую местность, рассказать о тропах, соединяющих соседние ущелья, о путях возможного захода в тыл наших войск и о путях, ведущих в тылы противника.

Мы обстоятельно ответили на все вопросы.

Наступление в лоб вверх по ущелью реки Клыч было трудной задачей. Поэтому наше командование решило сочетать его с фланговыми обходами и с выходом в тыл основным силам противника. Командир корпуса поинтересовался, возможен ли переход из ущелья Гвандры в ущелье реки Клыч, где находился немецкий штаб. Мы знали, что недалеко от "Южной палатки" начинается тропа, ведущая в ущелье Гвандры. Этой тропой пользовались сваны для перехода на пастбища в зону альпийских лугов на хребте Клыч и в верховьях реки Гвандры. Там имелось несколько пастушьих хижин - кошей. По этой тропе можно было

провести большой отряд с вооружением до батальонного 80-миллиметрового миномета включительно.

Для выхода в тыл немецкому штабу требовалось около полутора суток при условии, что на пути не окажется заслонов. Но сведения, поступившие от отряда разведки, ходившего в ущелье раньше, были туманны и разноречивы. 220-й полк, поднявшийся по ущелью Гвандры почти до кошей, откуда начинается тропа на гребень хребта, противника не встретил. Однако немцы могли о успехом замаскироваться на склонах.

В результате обсуждения сложился следующий план боевых действий на Клухорском направлении. Отряд 220-го кавалерийского полка, вести который было поручено мне и Гусаку, должен был проникнуть из ущелья реки Гвандры в расположение штаба полка гитлеровцев, находящегося в районе "Южной палатки". Подойдя к "Южной палатке" к 10 часам утра 31 августа, отряд начнет атаку штаба полка. За час до атаки артиллерия дивизии, подтянутая к передовой в ущелье реки Клыч, произведет массированный обстрел расположения штаба и всей обороны противника. 815-й стрелковый полк вместе с его резервными подразделениями нанесет удар по гитлеровцам в направлении вверх по ущелью реки Клыч.

Провожал нас комиссар дивизии П. Я. Сячин, смелый, решительный и простой человек, горячо веривший, что отряд вместе о альпинистами, прибывшими в дивизию, сыграет большую роль в период боевых действий в горах, тепло попрощался с нами и от души пожелал успехов.

В 220-м полку, куда мы прибыли для комплектования отряда, первым делом уточнили возможности перехода через хребет Клыч. В том случае, если противник окажется на хребте, целесообразно было идти двумя отрядами. А вероятность встречи с гитлеровцами была велика: там уже находились наблюдатели и корректировщики, поэтому меньший по численности отряд должен был прикрыть фланг основного отряда, который будет двигаться на хребет по тропе.

С меньшим отрядом в составе 25 человек шли лейтенант М. И. Максимов и Николай Гусак. Тропы на их маршруте не было, и бойцам предстояло подниматься по трудной дороге, в верхней части которой могли встретиться крутые скалы.

Лейтенанты Г. И. Хатенов, К. И. Голубев, О. И. Сали и я с отрядом в 60 человек должны были проникнуть в глубь ущелья и перейти хребет по тропе через перевал Клыч. Провожать отряды до участка, где начинался подъем на хребет, решил сам командир полка Р. К. Ракипов с эскадроном. Бойцы обоих отрядов тоже были на лошадях.

С самого начала мне было неясно, кто будет руководить действиями отрядов. В приказе штаба дивизии указывалось, что 220-й кавалерийский полк сформирует отряд для захода в тыл, и перечислялись его основные задачи. Приказа штаба полка я не видел, а по поведению командиров в отряде так и не понял, кто из них является старшим начальником. Позднее выяснилось, что все считали старшим меня, поскольку я был направлен в отряд из штаба дивизии, являлся в отряде старшим по званию, а к тому же знал горы лучше любого из них. Но какой же из меня строевой командир, когда я гидрограф?

Солнце уже начало садиться, а наш отряд все еще находился в тенистой роще на берегу Клыча, где расположился полк, маскируясь от авиации противника.

С полудня нас опять начали беспокоить вражеские самолеты, а позже возобновился и артиллерийский обстрел: немцы обстреливали мост у слияния рек и селение Генцвиш. Огонь усиливался, как только в селении, по дороге к мосту и особенно на самом мосту появлялись наши караваны.

Наблюдая эту картину, я еще раз убедился, что на хребте Клыч находятся немецкие корректировщики.

Это означало, что на перевале или на подходе к нему мы встретили противника. В такой ситуации исключалась возможность нашего неожиданного удара по штабу гитлеровцев.

Таковы были мои предположения. Убедиться во всем мы могли только на месте.

Отряды были готовы, но ждали вечера чтобы противник не обнаружил нас во время движения. Обстрел района, прилегавшего к мосту, не прекращался, но дальше ждать было нельзя: в полной темноте мы не смогли бы пробираться по нижней, наиболее лесистой части ущелья Гвандры.

Первым вышел отряд лейтенанта Максимова. Ему надо было лишь немного углубиться в ущелье и уже ночью начать подъем на гребень. Отряды растянулись длинной цепочкой по узкой дороге. Поляны проскакивали мелкими группами галопом. Перед выходом из леса большая часть бойцов скопилась на поляне у левобережной части селения Генцвиш. Местность здесь была открытой до самой переправы, на которую время от времени падали мины. Гитлеровцы, видимо, решили продолжать обстрел этого участка, несмотря на сгущавшиеся сумерки.

Одну из групп, пытавшуюся проскочить открытое место, накрыло минами. Там появились убитые и раненые. Сообщил об этом неожиданно вернувшийся боец: его лошадь, напуганная близким разрывом мины, понесла седока обратно.

Ситуация сложилась такая, что нельзя было терять ни

минуты. Первым понял это командир полка.

- За мной! - скомандовал он и, пришпорив коня, помчался к переправе. Я старался не отставать от майора Ракипова, но для этого не потребовалось особых усилий: хорошая кавалерийская лошадь мчалась во весь опор. Позади нас скакали галопом бойцы отряда.

На пустынных улицах селения, среди разрушенных домов и поваленных деревьев, рвались мины. Майор еще быстрее погнал коня. Я - тоже. Мы промчались мимо группы бойцов, выводивших из-под огня раненого, выскочили из селения и повернули к мосту. Тут моя лошадь вдруг захрапела и остановилась на полном скаку. Потом шарахнулась в сторону: ее напугал лежавший впереди конский труп. Я чудом удержался в седле, но быстро пришел в себя и бросился догонять командира полка. Он не поехал по шаткому мосту, а, свернув, направился к реке. Конь его в несколько прыжков одолел быструю, но неглубокую и не очень широкую реку, а затем стремительно выскочил на крутой берег. Вскоре я поравнялся с ним. В разных местах по обе стороны моста перебирались через реку остальные бойцы отряда.

Стараясь не потерять в темноте тропу, наш отряд стал медленно втягиваться в ущелье. Навстречу нам кавалеристы вели лошадей спешившихся бойцов отряда лейтенанта Максимова.

Вскоре продвигаться верхом стало невозможно. Все спешились и шли, ведя лошадей в поводу. Через некоторое время догнали отряд Максимова. Разглядеть людей в темноте было невозможно. Но мы поняли, что они здесь, так как в стороне от тропы слышались тихие голоса. Я выкрикнул фамилию Гусака. Он отозвался. Мы перебросились несколькими фразами и расстались.

Впереди, отыскивая тропу, двигалась группа недавно побывавших здесь кавалеристов. Мы двинулись за ними. Перебрались ощупью по узенькому мосточку на левую сторону реки. Тропа начала подниматься. Лошади шли совсем медленно, осторожно ступая и часто фыркая: их пугали светящиеся под ногами гнилушки. Но вскоре мы сбились с тропы. Пришлось буквально карабкаться по крутому склону, густо поросшему соснами, с трудом продираясь между деревьями. Лошади опасно скользили по корням деревьев, и только их стволы спасали нас от падения. Как только выбрались на более пологий склон, отряд остановился. Командир приказал расставить караулы.

Я остановился невдалеке от майора Ракипова, присутствие которого определил только по голосу. Лег на землю в метре от дерева, привязал к нему лошадь, ослабив предварительно подпругу и вынув изо рта животного мундштук. С минуту слышал, как она похрустывала сорванными с куста листьями у

самой моей головы, и тут же крепко заснул.

С наступлением рассвета мы быстро нашли потерянную накануне трону и продолжили чуть верхом. Тропа тянулась по склону узкого ущелья, поросшему густым лесом. С влажной земли поднимались испарения, и струи тумана тянулись к вершинам деревьев.

В стороне от тропы кое-где виднелись начавшие уже разлагаться лошадиные трупы. Чьи это были лошади, узнать так и не удалось.

Вскоре ущелье расширилось, и дорога пошла почти но его дну через редкий буковый лес. Здесь мы спешились, чтобы распрощаться с провожавшими нас кавалеристами и вернуть им лошадей, так как дальше начиналась тропа на перевал Клыч. Командир полка майор Ракипов возвращался в часть, оставив в ущелье группу бойцов для связи.

Остановились на короткий отдых, затем закинули за спину вещевые мешки и зашагали пешком дальше. Гребень хребта Клыч имел здесь довольно плавное очертание, склоны его только в самой нижней части поросли лесом, а выше простирались альпийские луга, Вскоре тропа разветвилась. Отсюда начинался подъем на перевал.

Отряд расположился в лесу на тропе. Разожгли костры и сварили мясо, так как наверху такая возможность могла не представиться. Неожиданно раздались очереди немецких автоматов. Вокруг засвистели пули. Мы быстро притушили костры, укрылись за деревьями и стали наблюдать.

Стрельба периодически повторялась. Огонь вели из двух точек со склона, на который нам предстояло подняться. Били, видимо, наугад.

Кто стрелял? Почему обнаружил себя? Этого мы не знали. Ясно было только одно: встреча с противником на перевале, а возможно, и на подступах к нему неизбежна. С таким сообщением я направил связного к кавалеристам, оставленным внизу для связи с командиром полка.

Стрельба со склонов неожиданно прекратилась. Мы снова начали подъем по тропе. Вперед послали разведку, по сторонам двигалось боевое охранение, бойцам приказали рассредоточиться и разделили отряд на три группы. Бойцы боевого охранения прочесывали лес. А мы продолжали осторожно подниматься.

После полудня из ущелья вверх по склонам поползли небольшие кучевые облака, образовавшиеся в результате охлаждения поднимающегося из ущелья теплого влажного воздуха. Эти облака делали нас невидимыми для врага.

Кончился лес, и тропа стала зигзагами подниматься по

крутому травянистому склону. Ближайшее облако накрыло склон, и видимость сразу уменьшилась до трехсот метров. Вверху, метрах в ста от нас, смутно виднелся пастушеский шалаш, сплетенный из веток, а вокруг него - силуэты бойцов из посланной нами разведки. Они дали знать, что можно продолжать движение. Кругом царила тишина, и мы старались идти так, чтобы не слышно было ни ударов обуви о камни, ни звяканья котелков, ни бряцания оружия, ни наших голосов.

На краю склона, в нескольких метрах от шалаша, находилось сложенное из камней укрытие для пулемета, обращенное в сторону ущелья. Вокруг было разбросано много уже окисливших гильз - явные следы произошедшей здесь стычки.

Прежде чем продолжать путь, требовалось изучить рельеф, чтобы не оказаться под огнем противника, как только уплывет со склона накрывавшее нас облако. Автоматные очереди, прогремевшие недавно в горах, были явным свидетельством того, что немцы не отдадут без боя перевал Клыч.

Легкий ветерок медленно гнал облака вверх по склонам, космы их цеплялись за выступы скал, гребни на склонах словно сопротивлялись действию ветра. Мы укрылись в траве среди камней и стали ждать. Когда облако проплыло, нам тут же открылся склон до самых подступов к гребню хребта. Но гребень был все еще невидим. Только вечернее похолодание заставит облака опуститься вниз, и тогда мы узнаем, что делается на гребне. А пока надо было всячески соблюдать осторожность.

Убедившись, что на видимом участке гитлеровцев нет, я разделил отряд на четыре группы.

Первую группу повели по склону центрального травянистого гребня я и Хатенов, лейтенант Сали вторую - по левой лощине, лейтенант Голубев третью по правой. Четвертая группа - группа прикрытия, замаскировавшись, осталась у шалаша. Ей надлежало вступить в бой, если противник попытается нас окружить.

Примерно через час мы без всяких приключений подошли к гряде скальных лбов и по травянистым склонам между ними вышли на участок, откуда можно было увидеть гребень. Но его по-прежнему скрывали облака. Здесь была намечена встреча трех групп отряда (четвертая должна была ночевать возле шалаша). Группы Сали и Голубева тоже не встретили ничего подозрительного на своем пути. Тщательно замаскировавшись, мы стали ждать момента, когда очистится хребет. Не выяснив обстановку и характер рельефа, было рискованно двигаться дальше.

С приближением вечера становилось все холоднее, облака начали стекать вниз по лощинам. Гребень постепенно очистился,

но за него зашло солнце, и потому мы увидели только его контуры. Все, у кого были бинокли, не отрываясь следили за гребнем, пытаясь рассмотреть каждую извилину рельефа. И вдруг мы увидели на гребне людей. Приглядевшись, убедились, что это немцы. Решили, ничем не выдавая себя, продолжать наблюдение до наступления темноты, запомнить очертания хребта и оценить силы егерей, оборонявших перевал.

Наблюдения позволили зафиксировать три ясно выраженные перевальные точки. Центральная из них была наиболее низкой и доступной. Над перевальными точками поднимались довольно высокие скальные вершины с небольшими прожилками снега в кулуарах.

С наступлением ночи бойцы стали располагаться на отдых. Выставили боевое охранение, на всякий случай приготовились к круговой обороне.

Обстановка меняла наши планы. Я созвал командиров групп и сообщил, что перевал придется брать с боем.

Не дожидаясь утра, мы направили к двум седловинам разведчиков. Им предстояло выяснить, есть ли гитлеровцы на подступах к гребню.

Пользуясь образовавшейся у нас цепочкой связи (шалаш - хижины в ущелье группа бойцов кавполка в лесу), я послал донесение в штаб дивизии. К рассвету связные должны были вернуться обратно.

Хорошо, что мы успели сварить мясо внизу: сейчас, после утомительного подъема и перед завтрашним не менее трудным днем, надо было как следует подкрепиться. Огня не разводили, разговаривали шепотом и курили, накрывшись шинелями.

Вместе с командирами групп я расположился на отдых под скалой. Спать пришлось урывками, по очереди. Да и не спалось, несмотря на усталость: все с нетерпением ждали возвращения разведки. Часа в три ночи сверху послышались осторожные шаги и негромкий разговор - это красноармейцы боевого охранения встречали возвратившихся разведчиков. Группа, побывавшая под правой седловиной, не заметила никаких признаков присутствия противника. Те, кто направились на левую седловину, примерно на половине пути к ней обнаружили боевое охранение егерей.

До рассвета мы обсуждали, как лучше наступать на перевал. Об открытом штурме нечего было думать. Значительное расстояние и характер склонов создавали неблагоприятную ситуацию для наступающих: нас могли перебить на дальних подступах к гребню. Решили осторожно приблизиться к нему.

Едва посерело небо на востоке, командиры групп развернули бойцов в цепь, и отряд двинулся в сторону перевала. Я шел с

группой Хатенова в центре, справа и слева, немного ниже нас, двигались группы лейтенантов Сали и Голубева. На месте ночевки мы оставили несколько человек с ручным пулеметом.

Мы с Хатеновым шли в голове разведки, остальные бойцы - метров на пятьдесят ниже по склону. Вскоре я понял, что допустил оплошность, нельзя было находиться впереди сразу двум командирам: в первой же стычке оба могли погибнуть и отряд был бы обезглавлен.

Солнце уже освещало верхнюю часть склонов. Четкая граница света и тени, характерная для гор, находилась впереди нас. Вскоре солнечные лучи осветили наших бойцов. Мы находились теперь на склоне, который вел непосредственно к гребню и седловине перевала. Впереди - никаких признаков противника. Не могли же немцы оставить перевал без боя. А между тем до него оставалось не более 600 метров. Видимо, сюда и добиралась вчера наша разведка, встретившая боевое охранение егерей. Склон, травянистый вначале, изобиловал дальше голыми скалами, верхняя часть которых могла служить хорошим укрытием для противника. Выше шла осыпь, подступавшая прямо к перевалу. Мы продолжали очень осторожно продвигаться: немного впереди и по сторонам - два бойца, затем я, Хатенов и чуть ниже - еще два бойца. Отряд двигался чуть позади нас, но в тог момент он скрылся в одной из складок местности.

Два бойца, шагавшие впереди, начали обходить скалы. Едва они скрылись, раздались два винтовочных выстрела... Мы в это время тоже обошли скалу и оказались на пологом травянистом склоне, окруженном выступами скал. Бойцы лежали за камнями. Прогремел залп, началась беспорядочная стрельба. Я упал на землю и укрылся за небольшим камнем. Пули свистели где-то рядом и ударялись о камни, находившиеся вокруг меня. Стал осторожно оглядываться, чтобы хоть немного сориентироваться в обстановке. Наши не отстреливались. "Неужели убиты?" - с тревогой подумал я. Впереди и левее меня сзади ничком лежали в траве четверо бойцов. Хатенов успел укрыться за скалой и оттуда вел наблюдение. Немцы опять открыли огонь по неподвижно лежащим бойцам. Надо было немедленно отходить.

- Вы живы? - услышал я тихий голос Хатенова.

- У вас надежное укрытие. Стреляйте, - так же тихо ответил я. - Будем отходить за скалы.

Наметив скалу метрах в пятнадцати позади, я осторожно отстегнул лямку тяжелого рюкзака, вскочил, быстро сбросил рюкзак и помчался к скале, каждую секунду ожидая пули в спину. Стрелял Хатенов, стреляли и немцы. А я кубарем скатился по склону под скалу.

Хатенов продолжал стрелять короткими очередями. Фашисты, видимо, засели метрах в шестидесяти. Четверо наших бойцов лежали без движения. Чтобы дать им возможность отойти, я начал длинными очередями обстреливать точки, из которых вели огонь егеря. Трое бойцов где перебежками, где ползком стали отходить к скалам. Один так и остался на склоне, в стороне виднелся его автомат.

Обстрел прекратился. Среди скал, за кустами рододендронов, появились две каски. Казалось, сейчас можно было расквитаться за погибшего товарища, но подвел автомат: заело забитый землей затвор. В этот момент ко мне подполз один из бойцов и протянул винтовку. За кустами мелькала уже только одна каска. После моего выстрела каска исчезла...

Подошла остальная часть нашей группы. Фашисты молчали. Было тихо и справа от меня, где находилась группа лейтенанта Сали.

Хатенов с частью своих людей пошел влево, в обход позиции егерей. Вскоре там послышались выстрелы, и я поднял бойцов. Перебежками мы приблизились к скалам. А когда поднялись на них, то увидели, как под огнем Хатенова и его бойцов к перевалу бегом отходил десяток егерей в зеленых куртках. Туда же пытались пробраться несколько егерей с левой седловины. Мы тоже начали стрелять по отходящим, и они залегли за крупными камнями: то ли хотели выждать удобный момент для отхода, то ли решили отсидеться здесь до вечера.

До перевала оставалось метров четыреста. Оборонявшие гребень егеря вели себя довольно смело - поднимались во весь рост, спокойно прохаживались по гребню. Но после нескольких очередей из ручного пулемета два гитлеровца, взмахнув руками, исчезли, а остальные стали осторожнее.

Рубеж у нас был хороший: мы видели оборону врага почти на всем ее протяжении, подходы к перевалу и, изучив их, могли начать наступление. Однако в тот момент силенок у нас оказалось маловато: для активных действий можно было использовать только сорок человек, остальные прикрывали тыл и были расставлены по цепочке связи. На перевале же находилось не менее роты егерей. Особенно беспокоил меня наш тыл. Фашисты могли спуститься в ущелье Гвандры и с других, более удаленных от перевала районов гребня. Если же учесть, что там осталось всего несколько бойцов, то нас могли легко окружить и уничтожить. Обо всем этом я послал подробное донесение в штаб дивизии. Срок намеченных совместных действий с частями дивизии миновал, и теперь надо было ждать новых указаний.

Наступила ночь. Выставив боевое охранение с ручными

пулеметами на открытый склон, мы с Хатеновым возвращались к основной группе, когда со стороны ущелья надвинулась гроза. Почти всю ночь лил дождь. Бойцы укрывались в расщелинах скал, но к утру все сильно промокли и промерзли.

За ночь фашисты, видимо, забыли об опасности и утром опять стали расхаживать по гребню. Но огонь наших пулеметов разогнал их. Правда, я не разрешил много стрелять: неизвестно было, когда к нам подойдет подкрепление, которое доставит боеприпасы.

Солнце освещало склоны с нашей стороны, и мы в деталях могли изучить рельеф, что было просто необходимо для разработки плана штурма перепала.

Три седловины были видны теперь совсем близко. Левая представляла собой, очевидно, ложный перевал и вела через верхнюю часть бокового гребня в ущелье Гвандры. Вчера там были егеря, но к утру они, видимо, ушли на центральную седловину. Вот эта седловина и являлась, по существу, участком понижения гребня и имела многочисленные скальные зубцы -"жандармы". К ней вела 300-метровая осыпь. Слева от нее поднималась довольно высокая скальная вершина, изрезанная желобами и кулуарами, забитыми снегом. Справа виднелась небольшая скальная вершина, а дальше гребень опять резко понижался. Там и лежала основная седловина перевала, через которую шла тропа, находившаяся справа от нас внизу на склонах. Мы предполагали, что основные силы противника и их огневые точки, оборудованные из обломков скал, располагались именно в центре, перед нами. Правда, основная седловина перевала была не видна нам, ее закрывал травянистый гребень. Конечно, и там противник держал оборону. Это настораживало: ведь гитлеровцы могли скрытно спуститься оттуда ц зайти нам в тыл.

К перевалу надо было выслать разведку и держать там хотя бы небольшую группу бойцов в качестве заслона. Но взять людей было негде, и я решил временно ограничиться разведкой. Вернувшийся из разведки Хатенов сообщил, что тропа идет к перевалу по узкой, с крутыми травянистыми склонами лощине. Склоны обращены в сторону перевала, на них нет ни одного камня, который можно было бы использовать для укрытия. На перевале были замечены несколько егерей, но основные их силы, очевидно, находились за перевалом.

Теперь становилось ясно, почему немцы организовали такую сильную оборону именно на среднем понижении хребта, как раз напротив нас: отсюда было проще наступать на гребень, а путь через эту часть хребта вел на тропу в тыл основной седловины

перевала. Так, в ожидании известий из штаба дивизии мы постепенно уточняли обстановку и конкретизировали план штурма перевала.

Штаб дивизии прислал нам не только необходимые указания, но и подкрепление - отряд численностью в тридцать человек, возглавляемый лейтенантом П. И. Петровым. Новый отряд имел два ручных пулемета и ротный миномет.

Командир дивизии приказывал взять перевал и укрепиться на нем. Ущелье реки Гвандры приобретало все большее значение для развития наступления на Клухорском направлении. Поэтому в район, где начинался подъем на перевал Клыч, передислоцировался 220-й кавалерийский полк, что было очень кстати. Теперь мы могли действовать, не оглядываясь на свои тылы, и смело штурмовать перевал.

Вечером я собрал под скалой командиров групп и изложил им план наступления. На левую седловину шла группа лейтенанта Голубева с задачей взять ее. Это было необходимо для прикрытия левого фланга нашего отряда. Поскольку перевал на левой седловине считался ложным, можно было полагать, что особого сопротивления там наши не встретят. Другую группу я послал направо, чтобы закрыть лощину, где шла тропа на основную перевальную точку. По тропе можно было пройти и в наш тыл к шалашу, где по-прежнему находилась только группа связных. На центральную седловину с основными силами отряда шли Хатенов, Сали, Петров и я. Достигнув непосредственных подступов к перевалу, мы с лейтенантом Петровым должны были остаться с центральной группой, а группам Хатенова и Сали предстояло разъединиться, чтобы наступать на перевал по скальным гребням слева и справа.

Основной командный пункт отряда оставался у нас под скалами, на месте ночевки. В качестве резерва и для охраны КП были выделены 10 бойцов с ручным пулеметом.

Я не рассчитывал, что мы в первый же день возьмем перевал. Гитлеровцы, конечно, понимали, что судьба перевала в значительной степени определяла судьбу их основных сил в ущелье реки Клыч. Поэтому оборонявшимся наверняка пришлют подкрепление. Но мы знали, что любой ценой необходимо занять высоты, господствующие над перевалом, чтобы затем, когда подойдет помощь, уверенно идти на штурм.

Вечером разделили скромный запас продуктов, раздали боеприпасы. Все было готово к завтрашнему наступлению. Вышли, когда было еще совсем темно. Сначала двигались плотной цепочкой, потом разделились на три группы. Две из них стали постепенно удаляться в разные стороны и к рассвету

оказались на боковых гребнях. Мы с лейтенантом Петровым двигались во главе центральной группы. Впереди была видна осыпь, до перевала оставалось 300-400 метров.

Нам повезло: к рассвету на хребте задержались облака, не успевшие сползти в ущелье. Облака лежали на перемычках, а над ними возвышались уже знакомые нам скальные вершины.

Закрытые облаками егеря не видели нас. Но мы все же соблюдали осторожность и перебирались от камня к камню, готовые в любую секунду спрятаться в укрытие.

Стало совсем светло. Фашисты, видимо, услышали шум наших шагов по каменной осыпи и открыли беспорядочную стрельбу. Но вскоре остатки облаков сдуло с хребта легким ветром, и мы увидели гребень, усеянный гитлеровцами. Они мгновенно исчезли за укрытиями. На нас обрушился ураганный винтовочный и автоматный огонь, в который периодически вплетались длинные очереди двух или трех пулеметов. Пришлось залечь. Началась перестрелка. Наша центральная группа, как и следовало ожидать, попала в наиболее трудное положение. Укрыться от огня с седловины гребня мы могли за камнями, но огневые точки противника находились и на боковых гребнях справа и слева от нас. Их огонь был особенно опасен.

Наши фланговые группы уже дошли до скал боковых гребней и скрытно передвигались от расселины к расселине, от выступа к выступу. Но действовали эти группы пока не столь активно, чтобы облегчить наше положение.

Огонь с флангов усилился. Мы с лейтенантом Петровым оказались за одним камнем и на какое-то время потеряли возможность не только управлять отрядом, но и вообще наблюдать за происходящим. Отряд оказался в тяжелом положении. Мы попали в огневой мешок. К обстрелу с перевала добавилась методическая стрельба снайперов о боковых хребтов. К счастью, мы с Петровым находились в небольшом углублении за камнем, И хотя немецкие снайперы заметили нас, их пули с обеих сторон не доставали нас. Ударяясь, они откалывали крупные куски гранита и как бы указывали уровень, выше которого было рискованно подниматься.

Лежа в этой выемке, я впервые испытал, так сказать, "моральную силу" снайперского огня: ведь каждая пуля была предназначена именно нам. Испытал также и одну из особенностей горного боя, который протекает как бы в трехмерном измерении. Здесь недостаточны представления о фронте, фланге и тыле. Решающую роль начинает играть то, что происходит над тобой и под тобой. Вероятно, что-то похожее имеет место и в воздушном бою.

Итак, мы хорошо укрылись с лейтенантом от огня в горизонтальной плоскости, но оказались уязвимыми сверху. Из укрытия мы видели только тех бойцов нашего отряда, которые лежали ниже нас по склону. Невдалеке за довольно большим камнем находился расчет миномета. Минометчики оказались явно в лучшем положении. Я крикнул, чтобы они собрали сведения о состоянии группы и передали команду окопаться (ч тех условиях это означало - сделать укрытия из камней). Вскоре минометчики передали: "Вся группа прижата огнем к скалам, но большинство людей укрылось достаточно надежно. Среди бойцов есть несколько легко раненных".

Положение наше было трудным, но я знал: скоро наступит облегчение. Дело в том, что в последние дни стояла жаркая погода. Как всегда в такую погоду, к полудню со дна ущелий вверх по склонам начинают подниматься, все разрастаясь, гонимые восходящими потоками воздуха облака. Много раз любовался я этим явлением природы в мирное время, находясь на Эльбрусе, Эти облака, точно стада огромных белых баранов, поднимались на пастбища по зеленым склонам альпийских лугов. После полудня облака собирались воедино и закрывали хребты, вершины и весь массив Эльбруса сплошной волнистой пеленой. К вечеру как бы нехотя, цепляясь за гребни, они сползали вниз, и тогда вновь открывались взору грозные вершины, а двуглавый великан, раньше всех встречающий и позже всех провожающий солнце, стоял могучий, как белый остров среди моря облаков, заполнивших ущелье...

Теперь происходило то же самое. Снизу на нас надвигалось облако. Рядом и чуть в стороне проплывало другое. Они укроют нас... Ночью или даже днем вот в таких облаках мы сможем на ближних подступах к перевалу накопить силы для последнего броска. Но для уменьшения потерь группе бойцов необходимо подняться на одну из вершин и огнем сверху парализовать действия противника так же, как он парализовал сейчас наши действия. Перевал мы должны взять, но сделать это надо с минимальными потерями.

Ожидая, когда нас накроет облако, я приказал минометчикам пристреляться по перевалу, чтобы вести затем огонь и в облаках. Но удалось это не сразу, опять сказалась особенность, связанная с горами: не учли превышение цели, ведь гребень находился высоко над нами...

Наконец долгожданное облако прикрыло нас, и стрельба со стороны гитлеровцев сразу утихла. Я подозвал бойцов и послал их для связи с фланговыми группами. При первой возможности они должны были подниматься на склоны и вести огонь по

перевалу. На правый фланг направил группу бойцов, которым поставил задачу выйти на самый гребень, чтобы обнаружить и уничтожить немецких снайперов. На левом фланге скальные склоны были почти отвесны, поэтому здесь пока было невозможно добраться до вражеских снайперов.

Используя короткое затишье, мы с Петровым обошли цепи бойцов нашей группы и приказали им передвигаться вперед только после того, как на склон наползет облако.

Посоветовали каждому заранее выбрать впереди себя подходящий для укрытия камень. Так и поступили наши подчиненные. Мы с лейтенантом тоже перенесли свой командный пункт вперед, к большому камню. Позади нас расположились двое бойцов для связи.

Пока минометчики перетаскивали свое имущество, облако стало редеть, в нем начали появляться просветы. По пути минометчики что-то замешкались, а в это время облако неожиданно сдвинулось в сторону, сразу открыв скалы перевала.

- Скорей, бегом в укрытие! - закричал я.

И сразу грянули выстрелы. Один из бойцов упал. Двое бросились к нему, но боец был уже мертв. Стрельба усилилась. Однако минометчики, укрывшись в камнях, открыли огонь по врагу. Мины ложились прямо на гребень, и фашисты приутихли.

Облака продолжали периодически накрывать нас, и в одну из таких передышек пришли связные от лейтенантов Сали и Хатенова. Дела у них шли неплохо. Заняв удобные позиции, бойцы наносили противнику ощутимый урон, а сами, к счастью, потерь почти не имели. Красноармеец Ощепко, забравшись выше седловины перевала (как он потом говорил в "орлиное гнездо"), уничтожил 14 фашистов. Теперь ни один вражеский солдат не рисковал высунуть нос из-за хребта.

Все новые и новые облака появлялись над перевалом. И мы благодаря им продвигались все выше. Фашисты стали прошивать нижнюю часть облаков пулеметными очередями. У нас появились новые потери. За день отряд значительно поубавился - кто был убит, кто ранен. Часть раненых мы отправили с сопровождающими в тыл. А вскоре вышли из строя минометчики и умолк миномет. В нашей группе осталось двадцать шесть человек. Мы почти вплотную приблизились к перевалу, но боеприпасы были на исходе, кончилось продовольствие Скоро начнут уплывать вниз и наши "союзники" - облака. Прикинув все это, решили спешно закрепляться на занятых позициях до подхода подкрепления. Особое внимание уделили укреплению позиций фланговых групп: именно у них обозначился основной успех.

А между тем гитлеровцы снова открыли интенсивную стрельбу, судя по всему, у них появились новые пулеметные точки. Все это наводило на мысль, что противник получил подкрепление, однако его контратаки казались пока маловероятными. После того как мы заняли хорошие позиции, я решил спуститься на наш командный пункт. Старшим оставил лейтенанта Хатенова. До моего возвращения активные действия отряда прекращались. Внизу я рассчитывал узнать о подкреплении для штурма перевала, организовать ночью эвакуацию раненых в тыл и доставку к нашим позициям боеприпасов и продовольствия.

Набежало очередное облако, теперь уже сверху. Я начал спускаться, используя приклад карабина как ледоруб при спуске по крутым склонам. "Вот если бы из приклада при необходимости можно было выдвигать штырек! Какая была бы удобная комбинация оружия со специальным горным снаряжением", - невольно подумалось мне.

До командного пункта добрался быстро: ведь я старался не отстать от облака. Встретил меня боец с ручным пулеметом. А облако, как по заказу, унеслось со склона, когда я присел отдохнуть под скалой.

Не успел выпить кружку воды, в воздухе прошипела мина и грохнул взрыв. Немцы стреляли с перевала. Значит, действительно им подбросили подкрепление. Положение усложнялось. Надо было маскировать и укреплять наш командный пункт, тем более что рядом скопились раненые.

На КП мне вручили донесение лейтенанта Голубева и сообщение командира кавалерийского полка майора Ракипова. Голубев писал, что беспрепятственно вышел на перевал и занял оборону, приспособив для этого оставленные врагом каменные блиндажи. Как я и предполагал, перевал оказался ложным и вел в ущелье Гвандры. Голубев, по сути дела, выполнил свою задачу. Я отозвал его вместе с группой в расположение КП, а на перевале предложил оставить лишь нескольких бойцов.

Полк находился уже в ущелье и расположился вблизи сванских хижин, у ведущей к нам тропы. Командир полка сообщил через связного, что в ущелье реки Клухор пока затишье и что основные действия развиваются у нас, на хребте Клыч. В связи с этим он выслал для усиления отряда еще один спешенный эскадрон. Связной знал, что эскадрон уже поднимается к горы и будет ночевать у шалаша под нами. От группы, направленной в лощину, где проходила тропа на перевал Клыч, никаких сведений до сих пор не поступало.

В это время на склоне ниже нас начали рваться мины. Били

два батальонных миномета. Очевидно, фашисты пристрелялись к шалашу, не иначе как решали, что именно там находится наш командный пункт.

Я подготовил донесение в штаб дивизии, перечислил в нем потери, подробно описал обстановку, изложил наш план наступления на перевал.

Близились сумерки. Собравшиеся у КП легкораненые готовились начать спуск. Тяжелораненых - кого на импровизированных носилках, а кого на себе - решили спускать после наступления темноты, чтобы, не опасаясь обстрела сверху, действовать не спеша, осторожно. Наибольшие потери, естественно, понесла центральная группа, но имелись раненые и в составе фланговых групп. Под вечер сверху пришел лейтенант Сали. У него была прострелена кисть правой руки. Рана оказалась рваная, поэтому Сали тоже пришлось отправить вниз...

Командир кавалерийского полка не сообщил мне о задании, которое получил направленный на помощь нам эскадрон. Не ясен был и характер взаимоотношений комэска с командирами нашего отряда. Мне предстояло встретиться с ним у шалаша и продумать общий план действий. Поскольку каждый человек был на счету, пришлось идти без сопровождающего.

Смеркалось. На перевале гремели одиночные выстрелы. Небо было безоблачным, быстро холодало, и трава покрывалась росой. Ноги вскоре промокли по колено. Я двигался не спеша, причем не по прямой, а все время уклоняясь влево, с тем чтобы разглядеть лощину, где шла тропа на перевал и где находился наш заслон. Неожиданно из-за склона передо мной возник человек. Я не сомневался, что это наш боец, связной, направляющийся от шалаша на КП отряда. Но боец, видимо, не был уверен, что встретил своего, ведь я спускался сверху, а там находились не только наши. Смущала, видимо, его и моя форма: лыжные брюки, штурмовая куртка, немецкие альпинистские ботинки. Трофейный рюкзак необычной формы тоже, вероятно, заставил его призадуматься, прежде чем решить, кто стоит перед ним. Необычная форма уже вторично подводила меня, но я не снимал ее: в горах она была очень удобна. Не хотелось отказываться и от ледоруба, который мог стать необходимым на трудных участках пути, да и рюкзак был несравненно удобнее вещевого мешка. Но в тот момент положение мое оказалось скверным. Боец стоял боком ко мне, направив в мою сторону ствол автомата. Надо было начать разговор.

- Откуда и куда направляетесь? - спросил я, не придумав ничего иного.

- Наверх, - ответил боец.

- К Гусеву, что ли?

- Фамилии не знаю, - неохотно откликнулся боец.

- Если к Гусеву, то давай письма мне - я и есть Гусев.

Ответа на мое предложение не последовало. Показывать документы в наступившей темноте было бессмысленно, да боец и не подпустил бы меня к себе. Разговор явно не клеился. Что делать? Я-то знал, что встретил нашего русского человека, а он не верил ни одному моему слову и в любой момент мог нажать на спусковой крючок. Крепко выругавшись с досады, я решил идти вниз. Медленно, осторожно мы обходили друг друга. Когда я удалился шагов на десять, боец клацнул затвором автомата. Я быстро сбежал в лощинку. Теперь боец не видел меня. Чтобы как-то успокоить его, я начал петь. Неизвестно почему, на ум пришла ария Тореадора.

Потом выяснилось, что нерусское слово тореадор, несколько раз повторяющееся в этой ария, окончательно убедило бойца, что перед ним гитлеровец.

В полной темноте добрался до шалаша. Здесь, внизу, накрапывал дождь. При подходе никто не окликнул и не остановил меня. Эскадрон отдыхал, не выставив боевого охранения. В шалаше познакомился с комиссаром эскадрона П. К. Коханным, который временно возглавлял эскадрон.

Меня досыта накормили дымящейся бараниной, угостили водкой. На плечи мне кто-то из кавалеристов накинул сухую шинель. С полчаса отогревался, подсунув ноги под кошму, которой была прикрыта кучка тлеющих углей. Вокруг кошмы таким же образом обогревалось еще несколько человек (так пастухи на горных пастбищах поступают в холодную погоду).

Я ознакомил собравшихся командиров с обстановкой на перевале, рассказал о событиях последних дней. Самостоятельных решений мы пока не принимали, поскольку наутро меня вызывал для доклада командир кавалерийского полка майор Ракипов. Письменное распоряжение на сей счет как раз и нес мне боец, с которым я встретился во время спуска.

Лагерь затих. Приятно было засыпать в натопленном шалаше, под убаюкивающее шуршание слабого дождика.

Проснулся от негромкого разговора. Уже рассвело. Боец, голос которого показался мне знакомым, тут же в шалаше взволнованно рассказывал что-то командирам. Он, видимо, недавно вернулся, насквозь промокший. Четко расслышал я только конец его фразы:

- Тут он прыгнул в канаву и быстро пошел прочь. И что-то запел не по-русски...

Я сразу догадался, о ком рассказывал недавно пришедший

боец. Сбросив чужую шинель, послужившую мне одеялом, я приподнялся. Боец взглянул в мою сторону, присмотрелся, и лицо его расплылось в улыбке.

- Так значит, товарищ старший лейтенант, вы все же Гусев? А я не поверил. Думал, что встретил немца. Даже пожалел, что не выстрелил, когда вы прыгали в канаву...

Утром вместе со связным мы быстро спустились по знакомой тропе; накануне мне не удалось попасть к Ракипову, надо было сделать это как можно скорей и именно сегодня. После хорошего отдыха почти бегом преодолели спуск по извилистой дороге.

Коханный будет ждать моего возвращения. Перед уходом я направил связного к лейтенанту Хатенову. Связной должен был напомнить лейтенанту, чтобы тот не предпринимал активных действий, а держал оборону на занятых рубежах, стараясь не раскрывать своих сил.

В расположении кавалерийского полка выяснилось, что майора Ракипова вызвали в штаб дивизии. Полком временно командовал начальник штаба майор А. И. Курилов. Он сообщил, что получен приказ из штаба дивизии и нашему отряду предстоит 8-9 сентября захватить перевал. Для усиления отряда полк Ракипова выделял нам подкрепление. Одновременно должно было начаться наступление и основных сил дивизии по ущелью реки Клыч. После взятия перевала отряду предлагалось преследовать противника в направлении "Южной палатки".

Тут же получили подкрепление для моего отряда. К нам влилось 80 бойцов с двумя батальонными минометами.

На мой вопрос о судьбе отряда Максимова майор Курилов сообщил, что здесь находится лейтенант Гусак. Радостной была наша встреча. Николай сильно похудел, от истощения и холода покрылся фурункулами. Их отряд успешно поднялся на гребень, не встретив противника, и занял оборону. Вниз были посланы связные с донесением. Связные не вернулись. Шло время. Кончилось продовольствие. Отводить людей без приказа М. И. Максимов не решился. Еще дважды посылал он связных в штаб, но никто из них не вернулся. Тогда командир направил вниз, как наиболее опытного, Гусака. Николай добрался в полк вчера поздно ночью, не встретив по пути никого из ушедших связных. Не оказалось их и в полку. Люди, видимо, погибли то ли при спуске с крутых скал, то ли в стычке с егерями. С группой бойцов отряду тут же послали продукты. Николаю же необходима была передышка. Поэтому он должен был выйти чуть позднее с таким расчетом, чтобы нагнать товарищей у наиболее трудной части подъема.

Поскольку больше не требовалось оборонять гребень в этом

районе, отряд лейтенанта М. И. Максимова отзывался на отдых в расположение кавалерийского полка. Но судьба бойцов Максимова сложилась трагически. Следившие за отрядом фашисты напали на наших врасплох. На месте лагеря остались лишь разбитые о камни винтовки. Эту печальную картину увидели на следующий день Николай Гусак и поднявшиеся с ним на гребень бойцы. Тщательно осмотрев местность вокруг, наши товарищи нашли тело лейтенанта Максимова. Его отряд погиб, но до конца выполнил свою задачу: прикрыл левый фланг моего отряда и заставил уйти с хребта немецких корректировщиков...

Однако обо всем этом мы узнали значительно позднее. Я провел с Николаем около часа и стал собираться в обратный путь. Наверх с нами решил подняться и исполнявший обязанности командира полка майор Курилов. На время предстоявшего вскоре штурма перевала он переносил свой КП в район шалаша, где стоял эскадрон Коханного.

После обеда мы вместе с вновь сформированным отрядом направились на лошадях к перевалу. Там, где тропа была очень крута, мы спешивались, чтобы облегчить подъем лошадям, и шли, держась за их хвосты. Такой способ подъема оказался очень удобным: наши верховые лошади родились в степях и неуверенно шли под седоком по горной тропе.

Достигнув шалаша, я с отрядом продолжил подъем на мой КП теперь уже пешком. Комиссар Коханный с эскадроном должен был присоединиться к нам на другой день. Вслед за ним собирался подняться и майор Курилов, Это было 6 сентября, а штурм перевала предстояло начать в ночь на 9 сентября.

На КП нашего отряда выяснилось, что фашисты его обнаружили и обстреляли из минометов. Прямым попаданием мины были убиты два пулеметчика и уничтожен станковый пулемет. Погиб старшина Хромов, смело дравшийся в первые дни наступления на перевал. Трое бойцов были ранены. Найти более подходящего места для КП не представлялось возможным. Пришлось скрыть его прямо под скалой и возвести защитную стенку из обломков камней. Наш резерв отвели в лощину и частью рассредоточили в скалах вокруг командного пункта.

Утром следующего дня в ожидании эскадрона Коханного и майора Курилова мы продолжали укреплять КП, хотя и шел вялый миномётный обстрел.

"Пора бы уже им прийти. Что задержало эскадрон?" - беспокоился я.

Внизу под нами появилась небольшая группа бойцов. Среди них я разглядел в бинокль майора Курилова.

- Где Коханный? - был мой первый вопрос.

- А разве его нет в отряде? - удивленно произнес майор.

Оказалось, что Курилов тронулся в путь на рассвете, а эскадрон в составе 90 человек вышел еще ночью.

Может быть, Коханный повел людей по тропе на основную седловину перевала. Если так, их требовалось срочно остановить. Мы терялись в догадках. Не хотелось думать, что с кавалеристами приключилась беда.

Не теряя времени, направили к Коханному связных. Не успели они удалиться, как с основной седловины перевала послышалась пальба. Мы тут же послали вслед за связными около 40 бойцов с командиром, а сами приготовились отразить возможную атаку из района центральной седловины.

Стрельба продолжалась с полчаса. Потом наступила тишина, только редкие выстрелы доносились к нам из лощины. По склону бегом вернулись связные, Они принесли печальную весть...

Вот что рассказали потом уцелевшие кавалеристы из состава эскадрона.

Из района расположения (у шалаша) эскадрон направился не к нам, а к основному перевалу. Гитлеровцы, видимо, еще ночью обнаружили конников и подпустили их именно к тому участку склона, где не было ни одного камня, пригодного для укрытия. Тут-то и начали егеря расстреливать наших из пулеметов и винтовок. Многие погибли уже от первых залпов. Эскадрон смешался. Люди попытались отстреливаться, но, не найдя укрытий, вынуждены были спускаться кто по тропе, кто вниз по склонам на дно лощины. Противник, оказавшийся на гребне, по склону которого шла тропа, воспользовался этим и стал скатывать вниз огромные валуны...

Из конников уцелели немногие, и среди них сам Коханный...

Гибель эскадрона осложнила предстоявшее наступление на перевал. Гитлеровцы вели себя бдительно. Мы - тоже, но силы наши значительно поубавились, Для осуществления штурма у нас было теперь всего 150 человек. Правда, майор Курилов обещал прислать еще один отряд, но он не мог прибыть немедленно, а изменить срок наступления на перевал было уже невозможно. Поэтому прок от подкрепления выходил небольшой, вновь прибывшие могли только увеличить наш резерв.

Над центральной седловиной, куда мы собирались наступать, возвышалась вершина. Именно на ее крутых склонах расположились вражеские снайперы, огонь которых затруднял движение нашей основной группы. Поднявшись на вершину, можно было не только выяснить расположение сил противника на перевале, но и парализовать действия снайперов или уничтожить их. Захватив вершину, мы получили бы большие преимущества

для развития дальнейших действий.

Вот почему, прежде чем утвердить скорректированный план наступления, я решил подняться на вершину для разведки. Майор Курилов одобрил мое намерение. Путь наметил по узкому заснеженному кулуару, начало которого, обращенное к нам, было скрыто от противника.

При подъеме по кулуару выяснилось, что двое из четырех пошедших со мной бойцов по таким скалам подниматься не умеют. Их пришлось вернуть на КП. Нас осталось трое.

Погода стояла плохая. Вначале шел дождь, потом - мокрый снег. Скалы стали скользкими. Двинулись по кулуару. На пути подъема встретилась скальная полка, которая вела от края кулуара к перевалу. Очень заманчиво было пробраться по ней насколько возможно и заглянуть на перевал.

Осторожно, чтобы не задеть ни одного камня, шли сначала по узкой полочке скал, затем пришлось почти что ползти. Видимость была плохой: облака закрыли и нас, и перевал, но мы решили некоторое время переждать, надеясь, что в облаках появится просвет. Он действительно появился. Стали видны склоны, где находились наша передовая линия и КП. А невдалеке от нас на гребне неожиданно появился гитлеровец. Но я запретил стрелять. Егерь стоял лицом к ущелью и негромко подавал команды. Раздался выстрел миномета. Вероятно, он был установлен совсем рядом, за гребнем. Завтра этот миномет будет первой нашей мишенью...

Облака сгустились снова, и фигура егеря начала растворяться в тумане.

Основной целью разведки являлась вершина, и, чтобы не терять светлого времени, мы стали отходить. Облака сгущались, снег усиливался. Опять осторожно карабкаемся по кулуару. А снегу все больше, кое-где на нем образовалась плотная корка, скалы местами покрылись ледком. Идти становилось все труднее, особенно бойцам, у которых не было, как у меня, горных ботинок. Бойцы начали падать. Двигаться дальше стало невозможно. Но разведку нельзя было прекратить. Я решил один подняться на вершину, чтобы разведать путь, а бойцам приказал спускаться.

Дело шло к вечеру. Я рассчитывал, что снайперы вернулись на ночевку за перевал, и начал осторожно подниматься по кулуару, который все сужался и становился менее глубоким. В одном месте, чтобы не идти по крутым склонам, полез через снежный грот - небольшой туннель, образовавшийся в снежном завале, а когда выбрался из него, то вершина оказалась совсем близко.

Отдыхаю перед последним участком пути и думаю: "Где вы,

друзья-альпинисты? Был бы кто-нибудь сейчас рядом, чувствовал бы я себя иначе..." И вдруг выстрел! Он прогремел очень близко, чуть выше того места, где я находился. Мне даже показалось, что выстрелил мой собственный карабин. Но мгновение спустя сообразил, что рядом за скалой лежит немецкий снайпер. Выстрелил он, вероятно, вниз в просвет, образовавшийся в облаках. Что делать? Жду, затаив дыхание, и с ужасом замечаю цепочку следов, которую оставил, выходя из грота. Снег, правда, сыплет крупными хлопьями и скоро прикроет их, но я не знаю, что будет делать снайпер в ближайшие минуты. Если встанет и увидит следы - тогда конец, ведь он сверху первым обнаружит меня... Вдруг слышу негромкий шум и голос над собой. Это снайпер окликнул соседа. Последовал ответ. Видимо, они советовались, не пора ли отправляться на перевал. Где и как ом пойдут? Вместе, врозь? Заглянут ли в кулуар?.. На всякий случай я быстро съехал по склону в снежный грот и стал наблюдать оттуда. Убедившись, что немцы удалились, вылез из своего укрытия...

Разведка удалась. Теперь я знал не только дорогу на вершину, но и точки, где днем располагаются немецкие снайперы. Знал примерно и время их ухода с позиций на перевал. Прикинув все это, я тут же определил, что в предрассветной мгле мы сможем беспрепятственно подняться на вершину.

Из густых облаков посыпал липкий снег. В наступивших сумерках стало трудно различать детали рельефа, и я с большой осторожностью продолжил спуск по кулуару.

Под скалой меня встретили два насквозь промокших, окоченевших автоматчика. Мы с ними быстро зашагали на КП, где с нетерпением ждали результатов разведки.

План завтрашнего наступления на перевал был составлен довольно быстро. Начало штурма назначили на четыре часа утра.

Когда стемнело, гитлеровцы начали обычный предупредительный обстрел. Трассирующие очереди пулеметов пересекали склоны в разных направлениях. Над нами периодически взлетали осветительные ракеты - фашисты опасались диверсий. Пули всю ночь посвистывали над укрытиями, а отряд отдыхал, и только боевое охранение бдительно бодрствовало всю ночь да бойцы-подносчики, припадая к земле при каждой вспышке ракет, двигались на промежуточную базу, где накапливались боеприпасы для завтрашнего боя.

Штурм

Ночь перед наступлением были темная. Я поднял свою группу в половине двенадцатого. Мне с четырьмя бойцами надо было

начать подъем по крайней мере за час до выхода отряда, поскольку наш путь был более сложным: он вел на вершину над перевалом. Отсюда ровно в четыре часа утра мы должны были забросать гранатами часть гребня перевала, находящуюся под нами, и открыть огонь из стрелкового оружия. Действия моей группы являлись сигналом к началу штурма. Я заранее согласовал о Хатеновым все детали. Назначив место встречи на перевала и пожелав друг другу удачи, мы с ним по-братски обнялись перед боем.

Над головой .сверкало звездами небо. Трава на склонах, не высохшая от вчерашнего дождя, покрылась еще и обильной росой. Такие приметы предвещали хорошую по-" году на завтра. А нам это было совсем ни к чему. Но мы надеялись взять перевал вскоре после рассвета.

Нелегко выбрать в темноте путь к вершине. К счастью, нам удалось быстро сориентироваться. Пройдя последний пост, сделали перекур у подножия вершины. Дальше курить не придется.

Больше часу все вокруг было тихо, и вдруг гитлеровцы полоснули длинной очередью по склону. Вслед за тем взлетела ракета и, освещая все мертвенным светом, стала медленно опускаться на парашюте. Мы припали к земле. Прямо перед нами черным клыком вздымалась к небу вершина, на которую предстояло подняться.

Ракета вскоре погасла, но разноцветные строчки трассирующих пуль продолжали пронизывать ставшую еще более непроглядной ночную тьму. До появления очередной ракеты надо было укрыться в кулуаре. Мы быстро начали подъем.

Рюкзак с веревкой привычно лежал на спине, приятно согревая ее. Сзади след в след шагали четверо бойцов. Мне даже показалось, что иду с альпинистами на сложную зачетную вершину, как не раз ходил перед войной. Но эта иллюзия длилась только мгновение. Вместо ледоруба я держал в руках карабин, который сразу вернул к действительности. Наша пятерка довольно быстро продвигалась вверх по кулуару, используя вспышки осветительных ракет для выбора пути. Здесь нас пока не могли обнаружить с перевала. Каждый раз, когда над склоном загоралась ракета, мы пытались разглядеть внизу начавший движение отряд, но заметить его так и не удалось. Это означало, что наши бойцы были начеку и успевали скрыться при появлении ракет. Не слышно было никаких звуков. Только однажды, перед тем как зажглась очередная ракета, с осыпи донесся неясный шум. Видимо, оступился кто-то из бойцов. Но фашисты ничего не заметили.

Приближался час штурма. Надо было как можно скорее подняться на вершину, избежав встречи с немецкими снайперами.

На этот раз со мной шли более опытные бойцы - Федоров, Никифоров, Нурулиев, Ощепко. Я отобрал тех, кто хоть раз побывал в горах, и обеспечил людей трофейными горными ботинками. Мы благополучно приблизились к месту, где вчера я чуть не столкнулся с фашистскими снайперами. До появления очередной ракеты посидели, прислушиваясь, у снежного грота. Кругом царила тишина. Рядом начинался выход на предвершинные скалы. Поползли по двое, друг за другом, держа на изготовку оружие. Наконец достигли вершины. Пробираясь ползком, обшарили всю площадку. Никого! Егеря, видимо, еще спали на перевале. С края площадки осторожно заглянули на седловину. Она лежала перед нами в каких-нибудь сорока метрах. На одном из краев площадки, чуть ниже ее, в расселине скал обнаружили замаскированное гнездо снайпера. Вокруг валялись стреляные гильзы. Скольким нашим товарищам немецкие пули принесли смерть!

Теперь надо было ждать назначенного срока, до которого осталось чуть больше получаса, и попытаться разглядеть в предрассветной мгле, что делается на перевале. Я полагал, что к этому времени основные силы отряда уже подошли на исходный рубеж для атаки и укрылись в скалах, ведущих с осыпи непосредственно к гребню. К рассвету предупредительный огонь с перевала ослабел. Только изредка с седловины неслись светящиеся струи трассирующих пуль. Надо было засечь, откуда они начинали свой полет, чтобы направить огонь сверху по этим точкам.

Заалели снежные склоны наиболее высоких вершин, тьма начала отступать в ущелья. Уже можно было разглядеть склон, где залег наш отряд. Там никакого движения - значит, все вовремя укрылись в скалах, На перевале стали видны блиндажи и сгорбившиеся фигуры продрогших от холода немецких часовых. Кое-где на скалах мы заметили пулеметы. Но гитлеровцев почти не было - наверное, спали в укрытиях.

4 часа. Пора! Чуть приподнявшись, мы одновременно метнули на перевал по нескольку гранат. Взрывы грянули дружно. На перевале заметались высыпавшие откуда-то гитлеровцы. Внизу загремели выстрелы - это пошел в атаку наш отряд. Фашисты поняли, что русские находятся и над ними, только тогда, когда мы начали обстреливать их сверху. Я опасался, что егеря попытаются сбить нас, поднявшись по идущему с перевала гребню, а потому направил к краю площадки двух бойцов, а сам о двумя продолжал вести огонь.

Гитлеровцы некоторое время пытались отстреливаться, но это получалось у них неорганизованно. Вражеский лагерь охватила паника. А снизу уже доносился шум поднимавшихся по осыпям основных сил отряда. Фигуры наших бойцов были чуть видны в предутреннем тумане. Шли они молча, и атака от этого казалась еще более впечатляющей. На перевале слышались голоса, выкрики, команды.

Несколько наших бойцов уже вырвались на гребень, Заметив это, мы поспешили вниз, чтобы присоединиться к ним.

На гребне среди скал лежали трупы, в беспорядке валялось брошенное оружие, боеприпасы, альпинистское снаряжение.

Как и было предусмотрено приказом, одна часть отряда после взятия перевала начала преследовать противника, а другая - осталась на гребне для обороны на случай контратак.

Хатенов находился на противоположном краю седловины. Я направился туда по гребню. За одним из скальных выступов лежал навзничь труп немецкого офицера. Мне надо было перешагнуть через него. Увидев лицо убитого, невольно остановился, так как повял, что где-то встречал этого человека. В памяти промелькнуло сосредоточенное лицо одного из пассажиров самолета, доставившего меня незадолго до войны в Минеральные Воды. Желая убедиться, что не ошибся, я склонился над мертвым. Пуля пробила голову, не повредив лица. Передо мной лежал мой давний попутчик! Я обыскал труп, надеясь найти какие-либо документы, но не обнаружил ничего, кроме нескольких фотографий немецких солдат, запечатленных на улице украинской деревушка...

Рассказал Хатенову о своей странной встрече. Он засомневался, не изменила ли мне память. Этого быть не могло, именно зрительная память была у меня хорошей, и я был уверен, что не ошибся...

Допускаю, что приведенный эпизод может показаться не очень правдоподобным. Однако из песни слова не выкинешь... Хочу лишь добавить к сказанному одну существенную деталь. Еще в мирное время, готовя нападение на Советский Союз, гитлеровцы забрасывали на Кавказ своих разведчиков. Те проникали в нашу страну под различными личинами, а в основном под видом туристов и альпинистов. Не исключено, что кто-то из них ходил в горах и с нашими альпинистами. Очень возможно, что именно такие "альпинисты" во время войны стреляли в нас из снайперских винтовок и автоматов я проводили по известным им тропам отряды егерей.

Между тем внизу на склонах, ведущих в ущелье реки Клыч, продолжалась стрельба. Это били по отходившим фашистам наши

бойцы. Правда, егеря уже достигли леса и им удалось укрыться в нем.

Благодаря внезапности наши потери при штурме перевала были невелики. Легкораненые просили не отправлять их в тыл: вдохновленные успехом, люди рвались преследовать врага.

О результатах боя послали донесение в штаб дивизии. Я дал указание группе, преследовавшей противника, остановиться на опушке леса (тропа вела оттуда к истокам водопада и далее к "Южной палатке") и выслать вниз разведку.

В ущелье стояла тишина. Где находятся основные силы нашей дивизии, а где притаился противник, было неясно.

Ожидая прихода майора Курилова и известий от нашей разведки, мы наблюдали за ущельем реки Клыч, пытаясь понять, что там происходит.

Майор Курилов вскоре поднялся на перевал, но связной, присланный из полка, передал ему приказ вернуться вниз. Нам командир дивизии приказал, преследуя противника, спуститься в ущелье и объединиться с основными силами соединения, продвигавшимися вверх по ущелью реки Клыч.

Именно в этот момент мы заметили в верховье ущелья, в том месте, где тропа шла серпантином прямо к Клухору, большой караван вьюков и цепочки немецких солдат, направлявшихся к перевалу. Противник, видимо, опасался окружения и начал отходить. Можно было предположить, что ему удалось оторваться от 121-го горнострелкового полка, сменившего 815-й полк 0 наступавшего вверх по ущелью реки Клыч.

Мы наблюдали в бинокли за отходом егерей, с горечью сознавая, что бессильны достать их огнем. А в синем небе над нами стали появляться, точно куски белой ваты, облачка разрывов. Это гитлеровцы обстреливали нас из ущелья шрапнелью, но обстрел, к счастью, не причинял нам никакого вреда. Однако сам факт обстрела означал, что еще далеко не все егеря покинули ущелье.

Егеря, видимо, и сами поняли бессмысленность предпринятого ими орудийного обстрела, потому что вскоре прекратили его.

И все же, к нашей великой радости, врагу не удалось уйти от возмездия. Над перевалом вскоре появились три советских бомбардировщика, вызванные, очевидно, для поддержки начавшегося общего наступления 394-й стрелковой дивизии.

Наши летчики действовали не только умело, но и со знанием специфики гор. Сначала они ударили по самой колонне, но эффект оказался невелик, так как она была рассредоточена. Тогда последовал бомбовый удар по склонам гор над дорогой, где

находились егеря. Взрывами оторвало множество огромных глыб. Увлекая все на своем пути, эта грозная каменная лавина понеслась на колонну гитлеровцев. Склон покрылся густым облаком желтой пыли. А когда облако рассеялось, мы увидели картину полного разгрома колонны. Каменная лавина смела почти всех егерей. А уцелевшие лошади и мулы, как безумные, метались по склону, растаптывая солдат, которые чудом остались в живых в том каменном хаосе...

Отгремели разрывы бомб, самолеты ушли в сторону моря. В ущелье под нами опять воцарилась тишина. Теперь мы могли осмотреть отбитый у врага перевал Клыч. Немцы основательно укрепили его в ходе боев. Удачно расположили пулеметные точки, хорошо защищенные обломками скал. Соорудили из них одиночное гнезда-окопы, искусно использовав при этом каждый естественный выступ гребня. За гребнем из камней быта сложены небольшие склады для продовольствия и боеприпасов. Судя по числу окопов, эту перемычку обороняло около роты егерей. Примерно такое же количество солдат находилось и на основной седловине перевала.

Когда мы закончили осмотр бывшей позиции врага, пришло сообщение от нашей разведки. Бойцы спустились до скал, нависших над дорогой, но протавника по пути не встретили.

Солнце пряталось за вершины гор. Трудный день, показавшийся нам таким долгим, подходил к концу, когда мы приблизились к группе разведчиков, расположившихся у леса. Здесь и решили заночевать:спускаться на ночь в ущелье не было смысла.

Все сильнее давала знать о себе осень. Днем на гребне перевала дул пронизывающий ветер. Ночь наступила очень холодная. Я поднялся до рассвета и обошел лагерь. Разжигать костры было запрещено. Многие бойцы не спали: согревались цигарками и разговорами. А разговоры у них шли интересные. Я невольно прислушалея к ним.

- Да хиба ж це вийна? - о досадой говорил товарищам один из бойцов, вспоминая, видимо, бои на перевале Клыч. - Куда стрелять - не бачу, видкиля стреляють - не бачу. Це не вийна, а душегубство...

Рядом шла речь о доме, о колхозных делах, о милых сердцу краях, в сравнение с которыми никак не может идти это нагромождение снега и скал, куда их забросила война.

- Разве это земля? - донеслось до меня. - И земли-то нет! Одни камни да лед... Коли не прошли даже танки, трактору нипочем по таким горам не проти. А какая может быть жизнь в деревне без трактора!.. Луга? Тут ничего не скажешь луга здесь

хороши. Только что в них проку? Ни одна корова без привычки не заберется на такие кручи!.. А реки! Странные реки... Вот шуму от них много, это верно...

Прошел дальше - и услышал уже иное. Тут в беседу включился не иначе как уроженец здешних мест. Лица говорящего рассмотреть в темноте невозможно. Но голос выдает волнение:

- Не знаю, как для кого, а для меня, генацвали, нет воздуха лучше, чем воздух горных лугов, нет краше вида, чем горные великаны со снегом на могучих плечах. Нет богаче стад, чем стада, пасущиеся на склонах альпийских лугов. Нет чище воды, чем вода горных: рек, в которых резвится красавица форель. А конь в наших местах! Да это ведь неудержимый вихрь! И всадник достоин коня: что не парень - то орел! А ко всему, на нашей прекрасной земле находятся еще и самые красные вершины - Эльбрус, Казбек, Арарат...

С интересом и удовольствием слушал я то, о чем говорили солдаты. А у самого перед мысленным взором возникали березовые перелески Подмосковья...

Большая Медведица уже заканчивала свой ночной путь по небу, ее ковш почти касался горизонта. Скоро рассвет. С небольшой группой я направился к нашему передовому отряду, оставив Хатенова за себя.

В ущелье по-прежнему дремала тишина. Все будто вымерло вокруг. Но тишина была тревожной. Даже деревья казались настороженными. В такой обстановке все чувства обостряются до предела. И мы были очень насторожены: ведь враг мог затаиться где-то рядом.

Лежа на скалах, все молча наблюдали за дорогой в ущелье. Со стороны Генцвиша показалась люди. Прильнули к биноклям. Судя по всему, наши. Начали снова спускаться в ущелье. Тропа стала совсем крутой. В одном месте на скалах болтался кусок каната. Ясно: он служил егерям для облегчения спуска и подъема людей, а во время отступления его обрубили. Мы закрепили свою веревку. Она была особенно необходима для тех, кто нес пулеметы, части минометов, ящики с боеприпасами. Что же касается тяжелой плиты миномета, то с ней без веревок здесь вообще мудрено было совершить спуск.

Те, кто шел по ущелью, заметили наш отряд, узнали нас и теперь открыто двигались по поляне. Это были бойцы 121-го горнострелкового полка. Я поспешил вниз, им навстречу. Вот уже и Военно-Сухумская дорога. Слева от тропы со скал гремел водопад. Над каскадами в брызгах воды солнце зажгло небольшие радуги. Невдалеке от водопада расположились отдохнуть. И

вспомнилось мне, как давно, в 1928 году, утомленные спуском с перевала, мы, туристы, купались по пути к морю в бодрящих струях этого водопада...

Первыми к нам подошли разведчики дивизии. В следующей группе находился начальник штаба соединения майор Жашко с несколькими командирами. Дивизия напала наступать, и майор выбирал новое место для штаба. После того как я подробно описал обстановку в ущелье, разведчики дивизии пошли дальше.

Наш отряд, продолжавший спускаться, постепенно собрался у дороги. Подъехал на лошади комиссар дивизии Сячин. Он расцеловал меня и, собрав всех, кто вышел на дорогу, поздравил с выполнением задания. Прощаясь, Сячин приказал представить к наградам бойцов и командиров отряда. Радость наша, однако, была омрачена печальным известием: 121-й горнострелковый полк понес серьезные потери. Погиб и его командир майор Оршава. Комиссар полка чуть позже рассказал, что после ухода нашего отряда на перевал полк вел ожесточенные бои. Бойцы действовали в горах умело, и противник, не выдержав, начал отступать. Но во время одного из боев прямым попаданием мины в блиндаж был убит майор Оршава, а находившийся рядом с ним начальник штаба капитан Кожемякин получил тяжелое ранение. Майора Оршаву посмертно наградили орденом Ленина. Тело его для захоронения отправили в Сухуми...

Подразделения 121-го горнострелкового полка двигались без остановки - они стремились нагнать противника, арьергард которого, как доносила разведка, находился у тропы, ведущей на перевал Нахар. Бойцы спешили: нельзя было допустить, чтобы егеря укрепились на новых рубежах. Но двигаться приходилось осторожно, так как противник во многих местах заминировал дорогу. В этом мы убедились тут же, у водопада. Вместе с пехотой к перевалу поднималась и артиллерия. И когда она оказалась на одном из участков, по которому прошли уже несколько групп пехоты, грохнул взрыв...

Получив указание от майора Жашко отойти в район расположения штаба на отдых, мы направились - кто верхом, кто пешком - вниз по ущелью. А на перевале Клыч временно остались некоторые подразделения 220-го полка.

Здесь, в ущелье реки Клыч, на каждом шагу виднелись следы недавних боев. Саперы и специальные команды подрывали извлеченные мины, собирали боеприпасы и исправное оружие, хоронили убитых. В лесу стоял смрад от разлагающихся трупов. Фашисты сильно укрепили свои позиции на дороге и на ближайших склонах в непролазной чаще держи-дерева. Здесь не требовалась колючая проволока: пройти через чащу без топора

было невозможно.

В боях за перевал Клыч я четко понял, как велика в горном бою роль тех перевалов, что находятся на боковых хребтах. Понял, как важны они в период обороны, а особенно - наступления, когда становятся, по сути дела, основными путями для захода в тыл противника. Ведь только благодаря обходному маневру можно провести в горах без больших потерь наступление на противника. И еще для меня стало ясно, что сложный горный рельеф неизбежно как бы дробит боевые действия крупных частей и подразделений на действия все более и более мелких групп. И именно успех действий таких групп на хребтах и вершинах, нарастая, как лавина, распространяется вниз, передается более крупным подразделениям и, достигнув основного ущелья, где расположены главные силы наступающих, порой во многом решает судьбу всего сражения в горах.

* * *

В штабе дивизии, который готовился к перебазированию, я представился новому командиру соединения полковнику П. И. Белехову (прежний комдив был отозван в штаб армии). Полковник поздравил меня с выполнением задания, подробно расспросил о деталях боя на перевале Клыч, поинтересовался возможностью новых обходных маневров во время наступления дивизии в направлении Клухорского перевала.

Бой на перевале Клыч и наступление основных сил 394-й дивизии от селения Генцвиш по ущелью реки Клыч явились важной предпосылкой для развития дальнейших событий в районе Клухорского перевала. Теперь дивизия упорно продвигалась к нему. Но наступление было медленным и трудным. Враг, фактически остановленный к этому времени на всех перевалах, озлобленный неудачами и подхлестываемый приказами фюрера, отчаянно сопротивлялся, предпринимая частые контратаки. При этом следует помнить, что наступать нам приходилось снизу вверх и что гитлеровцы были основательно подготовлены к действиям в горах.

121-й и 815-й полки, сменяя друг друга, буквально прогрызали оборону противника. Командование дивизии проявило здесь большое искусство в организации и проведении каждой операции с учетом особенностей гор. В этом в определенной мере помогли и советы альпинистов.

Характеризуя стойкую оборону советских войск на перевалах Главного Кавказского хребта, генеральный штаб вермахта уже 19 августа 1942 года зафиксировал: "Перед 49-м горнопехотным корпусом противник упорно обороняется в долине Большая Лаба, 26 километров южнее Псемен, юго-восточнее перевала Клухор...

Постоянно усиливающийся противник обороняется восточнее перевала Чипер-Азау; перевал Дошуз-орун также занят его значительными силами".

Об этом свидетельствуют и другие признания фашистских военных деятелей и даже самого Гитлера. 21 августа генерал-полковник Ф. Гальдер записывал: "У фюрера большое возбуждение по поводу медленного овладения перевалами Кавказа"{9}.

Примерно в то же время ожесточенные бои развернулись и на других перевалах хребта до самой дороги на Туапсе. Но эти события не имели прямого отношения к действиям 394-й стрелковой дивизии.

Забегая несколько вперед, хочу отметить, что по мере изгнания противника с южных склонов Главного Кавказского хребта и занятия перевалов нашими войсками активность боевых действий постепенно уменьшилась. Этот процесс распространялся вдоль хребта от перевалов его центральной части на северо-запад, к району Туапсе. В какой-то мере такое явление определялось и самой природой гор. В первую очередь тем, что в высокогорье холода наступают раньше, чем в более низких районах хребта, то есть к северо-западу от Эльбруса.

На перевалах от Клухора до Чипер-Азау у Эльбруса фашисты оставили небольшие отряды. Это были заслоны, в задачу которых входило обеспечивать действия своих войск, вышедших на перевал Хотю-тау и на массив Эльбруса. Снижение же активности действий противника в районе ущелья реки Гвандра, ведущего в тыл наших войск, объяснялось нашим наступлением на перевал Клыч.

Бои на перевале Марух были тесно связаны с боями на Клухоре. Там дрался 810-й полк нашей дивизии под командованием майора В. А. Смирнова. Этот полк вовремя подошел к перевалу Марух и занял его. Более того, когда противник занял Клухорский перевал, полк был направлен по северным склонам хребта в тыл, к ущелью Гоначхир.

Уверовав в успех своих действий на Клухоре, гитлеровцы первое время не придавали большого значения Марухскому перевалу, но, узнав о продвижении 810-го полка, оказали ему упорное сопротивление. 810-й не был подготовлен к такому сложному походу по отрогам хребта, имел плохую экипировку. Он попал в тяжелое положение на Марухском леднике и под ударами противника отошел на перевал, а затем был вынужден сдать его. Однако ожесточенные бои за перевал продолжались, и Марух несколько раз переходил из рук в руки. В наиболее острый момент командование 394-й стрелковой дивизии направило к

перевалу на помощь майору Смирнову 155-ю стрелковую бригаду, несколько подразделений 815-го полка и артиллерийский дивизион. Благодаря массовому героизму бойцов и командиров противник был остановлен и на этом направлении, но ценою больших потерь.

Сражаясь под Клухором, мы знали об этих боях. Наши товарищи на Марухе так же, как и мы, преградили путь врагу к Чхалте и Сухуми.

Оборона Марухского перевала довольно подробно описана в книге В. Г. Гнеушева и А. Л. Попутько "Тайна Марухского ледника". Тем, кого интересует эта славная страница обороны Кавказа, советую прочитать названную книгу.

А вот что писал о тех событиях уже упоминавшийся мной генерал Р. Конрад:

"В это время, в период наших успешных, но, правда, несколько разрозненных действий на правом фланге (на перевале Марух и в районе Большой Лабы. - А. Г.), противник всеми своими силами обрушился на части 1-й горнопехотной дивизии, находившейся в долине реки Клыч. В действиях этих частей он видел самую непосредственную угрозу Сухуми.

Между тем полковник Кресс (он сменил полковника фон Штеттнера. - А. Г.) с нетерпением ждал 23, 24, 25 и 26 августа в долине реки Клыч атаки 2-го батальона 98-го горнопехотного полка (точнее, действий отряда в 300 человек, сформированного из состава этого батальона и направленного в тыл советских войск. - А. Г.) в тыл превосходящих сил противника, преграждавших нашим войскам путь вниз по долине. Но противник атаковал во фланг через восточные предгорья реки Клыч усиленный 3-й батальон 98-го горнопехотного полка (он оборонял перевал Клыч, который штурмовал наш отряд. - А. Г.).

Неразбериха боя была настолько велика, что в долине Гвандры дело дошло до совместной контратаки с фронта и фланга, когда наконец шум боя (на перевале. А. Г.) стал слышен в долине реки Клыч. Силы обеих сторон в этот момент были уже на пределе. Единственным средством, которое могло бы сыграть в данной обстановке решающую роль, являлась авиация, но ее не было. Обходный маневр не удался. Еще долгое время после 27 августа возвращались к своим после неисчислимых лишений до предела истощенные и измученные солдаты в одиночку или группами. Это были солдаты из роты 2-го батальона 98-го горнопехотного полка.

25 августа они контратаковали, но прорваться не смогли, затем были обойдены противником и вынуждены с нечеловеческим напряжением, неся тяжелые потери, вновь

пробиваться в горы, откуда они начали свой путь (здесь правдиво описана судьба немецкого отряда, пытавшегося нанести удар нашим войскам с тыла -А. Г.).

Нас начала беспокоить растущая активность противника, который укрепил свою оборону и начал действовать не на отдельных направлениях, а на широком фронте от Марухского перевала на западе и на востоке до перевалов в районе Эльбруса и высоты в 4500 метров".

Командир дивизии полковник П. И. Белехов предложил мне сохранить отряд альпинистов, как его теперь называли. В зависимости от характера боевого задания численность отряда могла увеличиваться. С основным составом мне надлежало проводить в свободное время занятия по горной подготовке. В отряд отобрали тех, кто участвовал в боях за перевал Клыч. Лейтенант Хатенов тоже был включен в состав отряда, хотя его, как опытного боевого командира, сперва не хотели отпускать из кавалерийского полка. Меня обрадовал перевод Хатенова, так как я уже успел подружиться с этим уравновешенным и смелым человеком.

Два дня отряд альпинистов отдыхал и экипировался трофейным горным снаряжением. Затем мы приступили к занятиям, готовясь к новым боям. Но, как и следовало ожидать, систематических тренировок не получилось. Уже на третий день мы отправились на выполнение нового боевого задания.

Перевал Нахар

121-й горнострелковый полк поднимался по ущелью и вел бои с немецким арьергардом, который стремился задержать наше наступление, чтобы дать возможность своим основным силам укрепиться на самом выгодном рубеже. В качестве такового фашистское командование выбрало теснину, образованную в верховьях ущелья реки Клыч крутыми склонами хребта Клыч невдалеке от его соединения с Главным Кавказским хребтом (у перевала Нахар) и скалистым боковым хребтом, идущим от горы Хакель на юг. За тесниной находилось широкое, с пологим дном, открытое ущелье. Здесь река разделялась на большое количество проток и довольно спокойно несла свои воды к теснине. Дорога из долины серпантином поднималась на склон Главного Кавказского хребта, а затем уходила к Клухорскому перевалу.

Чуть выше теснины, через которую по узкому, пробитому в скалах выступу шла Военно-Сухумская дорога, тропа вела на перевал Нахар, и южные скаты Нахарского перевала как бы нависли над тесниной. За тесниной, над всем участком дороги до перевала Клухор, господствовали склоны Главного Кавказского хребта, занятые егерями. Наступать, имея постоянную угрозу

сверху, было здесь чрезвычайно трудно. Выбранный противником рубеж для обороны подступов к перевалу оказался исключительно выгодным.

121-й горнострелковый полк с боем подошел вплотную к теснине, но был остановлен плотным огнем. Стало очевидным, что с ходу теснину не взять без крупных потерь. А для успеха дальнейшего продвижения за тесниной надо было сначала выбить гитлеровцев с перевала Нахар. Но пока наступать на него предстояло не по тропе, а в обход теснины справа по крутым склонам.

В роте, которой предстояло наступать на перевал Нахар, оказалось много моих знакомых по сборам в селении Кеды. Был среди них и политрук роты старший лейтенант А. П. Еремута - веселый, обаятельный человек, которого очень любили бойцы.

Выделенная рота успешно повела наступление на перевал. Ей удалось подойти вплотную к нему, но дальнейшему развитию событий помешала непогода. Бойцы вынуждены были заночевать под перевалом, Начавшийся еще вечером дождь сменился снегопадом. Резко упала температура. Мороз достиг 10 градусов. К утру в роте оказались обмороженные. В их число - и политрук Еремута{10}. Наступление пришлось прекратить, Пострадавших эвакуировали вниз. Оставшаяся часть роты получила подкрепление и теплое обмундирование. Только после этого началась подготовка к новому наступлению.

Перевал Нахар надо было взять во что бы то ни стало. Но фашисты успели основательно укрепить его. Вряд ли могла теперь принести успех атака в лоб. Полковник Белехов вызвал меня, расспросил о возможности захода в тыл Нахара для содействия нашим подразделениям, наступавшим с юга.

Обойти вражеские частя можно было через ущелье реки Гвандра и перевал Гандарай, а затем - из ущелья того же наименования через боковой хребет в ущелье реки Нахар. Но перевал Гандарай, конечно, обороняли немцы. Следовательно, непосредственно в тыл Нахара надо было идти только через Главный Кавказский хребет в месте ответвления от него хребта Клыч. Можно было попытаться пройти от этого участка к перевалу Нахар и по самому хребту. Дорога к началу подъема на хребет лежала по уже знакомому нам ущелью Гвандры до самых его верховий. Пройти через хребет ночью было трудно, а днем с перевала Гандарай нас легко могли обнаружить гитлеровцы. Это обстоятельство серьезно осложняло выполнение задачи.

Командир дивизии одобрил наши предложения, а начальник штаба майор Жашко поручил своим подчиненным разработать общий план наступления на Нахар. Начало совместных действий

роты и альпинистов с фронта и тыла назначалось на 6 часов 15 сентября, иначе говоря, на третий день после нашего выхода из расположения штаба дивизии.

И вот наш отряд из двадцати альпинистов вновь зашагал по тропе в ущелье реки Гвандры. Шли налегке - с небольшим количеством боеприпасов: всем необходимым для выхода в тыл нас должен обеспечить кавалерийский полк. Там же мы получим и пополнение.

220-й полк, в расположение которого мы добрались к полудню, находился на прежнем месте - у сванских хижин в начале подъема на перевал Клыч. Получив все необходимое и договорившись о связи, двинулись после отдыха, с тем чтобы подойти к месту подъема на хребет перед вечером, когда густые тени от гор лягут на склоны и закроют нас от противника.

Все сложилось, как было задумано. Наш подъем на хребет остался незамеченным благодаря скальному гребню, который прикрыл нас от противника, находившегося на перевале Гандарай.

Когда мы, пройдя травянистые склоны, подходили к скалам, уже стемнело. Погода начала ухудшаться: с запада на горы надвигалась пелена облаков. Ночь, однако, прошла спокойно. Утро было пасмурным, дул холодный ветер. На середине подъема к гребню хребта начался дождь, потом посыпал снег, а когда мы в темноте выходили на гребень, непогода разыгралась не на шутку. Ветер усиливался с каждой минутой. Облака плотным слоем окутали горы. Густо повалил снег. Видимость резко ухудшилась. Температура быстро падала.

Вправо гребень круто поднимался к узловой вершине, влево шел к перевалу Нахар, был не очень крут, но сильно изрезан впадинами. Во впадинах лежал снег.

Мокрая одежда стала покрываться ледком. Плащ-палатки заледенели и топорщились на плечах. По звуку падения камней, брошенных нами на противоположную сторону гребня, мы определили, что склон довольно крут. Что делать? Возвращаться и пережидать непогоду нельзя - завтра в шесть утра намечено наступление с двух сторон на перевал Нахар. Идти к перевалу по гребню тоже нельзя - ночевка на снегу погубят всех нас. Оставалось одно - осторожно спуститься в тыл противника, в ущелье Нахар, найти укрытое от ветра и снега место и там провести ночь.

Но как идти вниз, когда ничего не видно на расстоянии пяти метров? А идти все же пришлось. Связались имеющимися у нас веревками по группам и двинулись буквально ощупью по крутому невидимому заснеженному склону. Он привел нас опять к скалам. Дальше идти мы не могли - тьма стояла кромешная. Оставаться на снегу - это смерть! Посовещавшись, решили провести ночь в скалах, где лишь местами лежал снег. Альпинисты расчистили снег и стали располагаться на ночлег, стараясь тесно прижаться друг к другу. А снегопад не прекращался. Ночь предстояла тяжелая...

Мы с Хатеновым забились поблизости в расселину скалы. Весь лагерь был перед нами. Метель продолжала бушевать, и скоро лежащих альпинистов накрыло снегом. Утомленные бойцы, по-видимому, уснули, так как не было слышно ни одного голоса. Задремали и ближайшие соседи. Постов я не выставлял, но сам решил не смыкать глаз и периодически будить альпинистов, чтобы никто не замерз. Снизу из тьмы, когда ослабевали порывы ветра, слышался мерный шум. Это бурлила река Нахар, вздувшаяся после обильных дождей. И вспомнилось мне одно восхождение...

Незадолго до войны пошли мы вчетвером - Василий Андрюшко, Юрий Гильгнер, Александр Чудайкин и я - на вершину Джайлык. Вершина не ахти какая сложная для подъема, но все же, как говорят теперь альпинисты, "четверка", то есть четвертой категории трудности. Она привлекла нас своей необычной красотой, строгостью и изяществом формы...

Это было время начала развития советского альпинизма. Вершины еще не были "разложены по полочкам" трудности. Восхождения обычно планировались так: поднимешься, бывало, на одну из вершин, замрешь от восторга перед открывшейся тебе панорамой гор и тут же наметишь для себя новую гору и уже по успокоишься, пока не покоришь ее...

Вот так было и с Джайлыком: я взял его на заметку еще тогда, когда зимовал на Эльбрусе.

Восхождение прошло благополучно. На вершине друг друга не поздравляли. Оставили это до лагеря, так было принято у альпинистов, потому что спуск порой оказывался опасней восхождения. Спускались по очень крутой, местами даже отвесной скальной стене. Тут-то нас и застигла непогода. Неожиданно началась гроза с градом, потом все вокруг закрыли облака, вот так же, как сейчас здесь, на перевале Нахар.

Мы вчетвером сидели на узкой полочке, свесив ноги в пропасть, привязанные к крючьям, забитым в скалы. Накинули на себя палатки Сдарского - мешки из тонкой прорезиненной материи с окошечками из неорганического стекла. Под себя подложили веревки. Так просидели всю ночь, выбивая мелкую дробь зубами. А чтобы хоть чуточку согреться, периодически подкреплялись шоколадом и маленькими порциями спирта.

Трудная это была ночь, без единой минуты сна. Над горами бушевал настоящий зимний буран. В это время далеко внизу, в Нальчике, пронесся ураган, натворивший много бед в городе. Тяжелой была ночь, но и утро не порадовало нас. Всю стену залепило снегом. Не видно ни одной точки опоры, ни одной трещины, куда можно было бы забить крюк, чтобы обеспечить взаимную страховку веревкой, необходимую при движении по крутым скалам. Как мы уцелели при спуске - одному богу известно. А потом, чтобы выйти на уже относительно безопасный гребень перевала Голубева, надо было еще пересечь снежный склон очень большой крутизны, по которому со свистом скатывались одна за другой лавины свежего снега.

В нормальных условиях идти на такой снежный склон было равносильно самоубийству. Но иного выхода у нас тогда не было - оставаться под стеной дольше стало невозможно: со скальной стены тоже срывались лавины. И все-таки мы пересекли склон, подстраховывая друг друга веревками, и добрались до перевала Голубева, с которого увидели в разрывах облаков зеленое ущелье. Дальше предстоял спокойный спуск по снежному склону, безобидному ледничку и морене.

У звонкого ручья все четверо, как по команде, бросились на траву и долго молча смотрели в постепенно проясняющееся небо, которого уже и не чаяли больше увидеть. Да так и заснули на альпийском лугу среди цветов, согретые ласковым солнышком...

* * *

И опять я подумал: "Где вы сейчас, мои друзья-альпинисты? Как мне не хватает вас здесь в трудную минуту..."

Я не жалуюсь, дорогой читатель. Рядом со мной находились надежные боевые друзья. Но если здесь, в горах, я был опорой для них, то и мне в трудную минуту хотелось иногда на кого-нибудь

опереться, получить дельный совет... Как не хватало мне тогда могучего Василия Андрюшко, с которым мы благополучно прошли через столько опасностей в горах! Как нужны были бы здесь великий оптимист Саша Чудайкин и ловкий, как дикая кошка, скалолаз Серго Митривели, темпераментный Юра Гильгнер, спокойный и уравновешенный Саша Боровиков! Саша и Юра были моими учениками. Впервые я увлек обоих зимой в горы, когда они были еще студентами. Потом у Боровикова и Гильгнера можно было и самому кое-чему поучиться...

Недолго спали бойцы: многих разбудил холод. Пришлось будить всех, проверять состояние каждого и заставлять непрерывно двигаться - только в этом было спасение.

Соорудили из плащ-палаток нечто вроде общего покрывала и собрались все вместе, прижавшись спинами друг к другу. Бойцы закурили, а я стал рассказывать им увлекательные истории, связанные с альпинизмом. Так и скоротали остаток ночи, внимательно наблюдая, чтобы никто не заснул.

Наступал рассвет, а погода не улучшалась. Несмотря на принятые меры, пять человек в отряде обморозились, а один заболел. Судя по пульсу, у него была высокая температура. Решили немедленно отправить пострадавших с тремя здоровыми бойцами в ущелье Гвандры и заодно передали наше донесение.

Приближалось время начала наступления. Проводив больных, мы решили спуститься несколько ниже, в ущелье. Только выйдя из облаков и сориентировавшись в обстановке, мы могли определить характер дальнейших действий. Осторожно двинулись по покрытому снегом склону: опасность попасть на отвесные обрывы скал подстерегала буквально на каждом шагу. Иногда облака под нами редели. Тогда можно было заметить лес, темневший на дне ущелья. Но затем вновь наползали тучи, и нас опять окружала серая мгла. Однако шум потока из ущелья слышался все более отчетливо. Это говорило о том, что мы правильно держим путь вниз.

А время между тем подошло к шести утра. Ракету, возвещавшую о начале наступления, мы так и не увидели. На перевале было тихо. Примерно через полчаса до нас донеслись глухие выстрелы. Мы находились в тот момент уже несколько ниже перевала Нахар, в ущелье, занятом противником. Значит, это стреляли наши. С перевала им ответили, завязалась перестрелка. Мы решили попытаться создать панику в тылу гитлеровцев. Пустили в дело гранаты, бросив их вниз, в ущелье. Прогремели взрывы, а мы начали стрелять вниз и в сторону перевала из всего имевшегося оружия. В ущелье раздались одиночные выстрелы. На перевале застрекотали автоматы, но

скоро все опять затихло: будто облака, плотно накрывшие горы, поглотили все звуки.

Обстановка была неясной. Спускаться в ущелье и идти на перевал было столь же рискованно, сколь и оставаться здесь еще на одну ночь - уже больше половины бойцов получили обморожения. Посовещавшись, решили вернуться в ущелье Гвандры и ждать там указаний штаба.

До намеченной цели добрались уже в темноте. Спустились в ущелье прямо к ручью, окруженному низкорослыми березами и сосенками. Погода и здесь была плохой: облака забили все ущелье, дул холодный ветер, но шел уже не снег, а дождь. И хотя мокрые сучья плохо горели в костре, мы были твердо уверены, что здесь не замерзнем. А вот есть было нечего, наши запасы иссякли.

На следующий день погода улучшилась, облака немного поднялись, открыв заваленные снегом склоны. На вершинах вздымались космами "снежные флаги". Там усилился ветер, крепчал мороз. Похолодало и в ущелье. Ожидая указаний из штаба, мы за день высушились и даже подкрепились: бойцы поймали на склоне неизвестно как оказавшуюся здесь хромую лошадь...

Связные пришли только ночью. Отряду предлагалось вернуться в распоряжение штаба дивизии. Позднее мы узнали о событиях на передовой в ущелье реки Клыч.

Рота 121-го горнострелкового полка, усиленная несколькими подразделениями из других частей, несмотря на плохую погоду, начала наступление на перевал Нахар несколько позже назначенного срока. Противник встретил наших не очень интенсивным огнем. Вскоре наступавшие услышали разрывы гранат и стрельбу за перевалом. Огонь с самого перевала ослаб, и рота, продолжая наступление, вскоре вышла на гребень, который приняла из-за плохой видимости за перевал, и обосновалась в оставленных егерями укрытиях и блиндажах. Позже выяснилось, что бойцы оказались не на перевале, а на правой ,части его седловины. Фашисты, опасаясь окружения, отступили не за перевал, а на левую часть его гребня, идущего в сторону Клухорского перевала, и прочно укрепились там. Седловина перевала с тропой оказалась нейтральной зоной.

Это положение сохранялось довольно долго. Хотя перевал Нахар и не был занят советскими частями, условия для нашего наступления стали более благоприятными: подразделения, находившиеся на гребне у перевала Нахар, могли теперь прикрыть сверху продвижение главных сил полка через теснину к перезалу Клухор.

Пока мы двигались к штабу, погода продолжала улучшаться. Но мы понимали, что это явление временное. Приближалась зима, и это заставляло задумываться о новых трудностях, которые принесут с собой метели, морозы, лавины, глубокие снега. Скоро здесь и шага не сделаешь по склонам без лыж.

Выйдя из ущелья Гвандры, мы пошли вверх вдоль реки Клыч. Штаб дивизии перебазировался и находился сейчас в районе "Южной палатки". Туда нам и предстояло добраться. Во время короткого привала бойцы привели ко мне захваченного егеря. От истощения он еле передвигал ноги и даже говорил с великим трудом. Немецкий солдат был грязен, небрит, лицо и руки покрылись струпьями. Болтавшаяся на нем форма давно превратилась в лохмотья. Мои подчиненные обнаружили этого живого мертвеца невдалеке от дороги; он лежал рядом с трупом столь же истощенного товарища. Егеря скрывались долгое время где-то выше на склонах, но недавняя непогода согнала их вниз. Из невнятных ответов пленного мы с трудом поняли, что он находился в составе разгромленного отряда автоматчиков, именно того отряда, который в конце августа окружил штаб нашей дивизии. Они с товарищем уцелели и скрылись в лесу. Так и бродили вдвоем сначала с оружием, а потом бросили его. Найти дорогу к своим им так и не удалось. Питались чем попало. Попутчик сегодня умер, а о других пленный ничего не знал. Он так ослабел, что не смог жевать кусок хлеба, который сунул ему в руку кто-то из бойцов. И только непрестанно повторял шепотом: "Аллее капут, аллее капут". Бойцы попытались посадить пленного на ишака с седлом, который неизвестно когда прибился к нам в пути. Но солдат не мог сидеть. Тогда его перекинули через седло, как вьюк, и отправили с сопровождающим в район "Южной палатки"...

Выслушав мой доклад, командир 394-й стрелковой дивизии П. И. Белехов разрешил нам двухдневный отдых. Я разбил свою палатку у самой реки, здесь же, под навесами из плащ-палаток, расположились бойцы отряда. Хатенов остался на день в полку, чтобы в связи с переводом в отряд альпинистов окончательно сдать дела, связанные с его прежней должностью.

Под вечер с передовой привезли в штаб раненого вражеского солдата в альпинистской форме. У него была прострелена мякоть ноги выше колена. После официального допроса и перевязки пленный присел к костру, чтобы согреть раненую ногу. Он искренне удивлялся и радовался хорошему обращению. Видимо, ему внушали другое. К тому же раненый наверняка знал, как вели себя в нашей стране его соотечественники, и потому не ждал милости с нашей стороны. А ему перевязали рану, накормили,

дали даже закурить... Пленный сидел, растроганно улыбаясь.

Глядя на солдата, я подумал, что он, может быть, оказавшись раненным, не случайно скатился с гребня именно в нашу сторону и совершенно не сопротивлялся, когда его брали в плен...

Пленный оказался австрийцем. На допросе он сообщил ценные для нас данные об обороне теснины, где действовал наш 121-й горнострелковый полк. Судя по сведениям, которые стали известны, положение нашего полка было в общем невыгодным. Противник вынес пулеметные точки и гнезда снайперов вперед, что сковало движение на нашей передовой. Даже ночью фашисты открывали огонь, услышав малейший шум. Осветительные ракеты всю ночь взлетали над передовой линией. В невыгодном положении находились здесь и тылы нашего полка: та часть ущелья, где они расположились, просматривалась егерями.

Неоднократные попытки 121-го прорваться через теснину оканчивались неудачей. Не помогали и действия небольших групп, пытавшихся улучшить положение этого полка ликвидацией огневых точек и снайперов на склонах теснины. Действовать такие группы могли только ночью и, передвигаясь вслепую, нередко наталкивались на вражеские секреты.

Высота 1360

На второй день пребывания отряда в штабе соединения меня вновь вызвали к командиру дивизии. Полковник Белехов сидел за столом, на котором была разложена карта нашего района. Здесь же находились комиссар дивизии Сячин и начальник штаба Жашко. Речь шла о теснине, остававшейся пока непреодолимой для наших частей. Полковник спросил, может ли мой отряд ликвидировать огневые точки, мешающие входу в теснину. Я ответил, что реальность обхода этих точек или всей теснины в целом можно определить только на месте. Поэтому отряд необходимо направить туда для ознакомления с обстановкой.

Через два часа 26 человек, включая меня и Хатенова, двинулись вверх по ущелью реки Клыч на командный пункт 121-го полка.

Подошли к "Южной палатке", где в зарослях лавровишни, среди букового леса, находились тыловые подразделения полка. Миновали водопад, вдоль которого недавно спускались с перевала Клыч. После холодов погода установилась солнечная, теплая, но листва деревьев, прихваченная недавними морозами, уже окрасилась в цвета осени.

Через некоторое время приблизились к медсанбату. Он располагался на левом берегу реки Клыч. Напротив, на другой стороне реки, был виден вход в боковое ущелье.

Боковое ущелье Симли-Мипари было коротким и крутым, без

троп. Мало кто посещал его даже в мирное время. Я тоже по этому ущелью раньше не ходил и сейчас внимательно рассматривал его в бинокль. Боковой хребет, идущий от вершины горы Хакель, - одна из сторон этого ущелья - был скалист и крут почти на всем протяжении. В верхней части его возвышалась скальная вершина, обозначенная на наших военных картах как высота 1360. Склон этой вершины круто обрывался в сторону горы Хакель, а затем гребень отрога поднимался вновь, постепенно сливаясь с массивом вершины.

"А нет ли там перевала? - подумал я. - Хребет частично идет параллельно дороге с перевала Клухор и, если существует предполагаемый перевал, по нему можно проникнуть в глубокий тыл противника, обороняющего теснину. Нижняя часть ущелья Симли-Мипари поросла лесом, дальше начинаются альпийские луга, а к месту возможного перевала на хребте подходят хотя и крутые, но травянистые легкодоступные склоны. Судя по карте, оттуда должны быть видны и непосредственные подступы к Клухору".

От медсанбата было уже недалеко и до штаба полка. Он расположился на опушке леса. Отсюда в сторону теснины местность быстро повышалась. Дорога короткими зигзагами серпантина поднималась по открытому склону к входу в теснину, и только верхняя часть ее под нависшими скалами не простреливалась противником. На одном из таких защищенных участков и обосновался командный пункт полка. А его передовые позиции находились в теснине, недалеко от входа в нее. Бойцы расположились на узкой дороге и ее обочинах.

Большую часть пути от штаба до командного пункта можно было пройти только в темноте. Да и в самом расположении штаба следовало все время держаться в укрытых местах. Уже были случаи, когда пули вражеских снайперов поражали наших бойцов.

Кроме того, дорогу от КП до штаба полка днем и ночью методически обстреливали немецкие батальонные минометы. Но места расположения этих минометов установить не удавалось, а потому не удавалось и подавить их огнем подтянутой сюда полковой артиллерии.

С наступлением темноты по дороге на командный пункт начиналось интенсивное движение. Вверх шли подносчики боеприпасов и продовольствия, вниз эвакуировали раненых. Встреченные нами патрули поясняли, как миновать наиболее опасные участки дороги.

Командный пункт находился на дороге под скалой. Отряд пришлось оставить невдалеке в укрытии: на КП для всех не хватило бы места.

После гибели майора Оршавы полком командовал майор Г. И. Агоев. Он вместе с представителем штаба армии подполковником П. С. Неведомским как раз находился на командном пункте.

Здесь я и встретился с ними. Командир полка был рад нашему приходу. Одна из рот его полка, чтобы улучшить свои позиции, попыталась продвинуться несколько вперед. Фашисты предприняли контратаку, и рота, как сообщил ее командир, вот-вот могла оказаться отрезанной. Майор Агоев выслал на помощь своя резерв, но сам остался с очень малочисленной группой бойцов. Именно поэтому отряд альпинистов решили подтянуть поближе к командному пункту полка.

Ожидая, когда разрядится обстановка и можно будет переговорить с командиром полка о нашем задании, я мысленно прикидывал, что может сделать в сложившейся ситуации отряд альпинистов. В нашу задачу не входило участие ни в общем наступлении полка, ни в охоте за вражескими снайперами и пулеметчиками. Нам, видимо, предстояло иное. Насколько я понял, очень важным было в тот момент обойти противника справа и оказаться у него в тылу. Но этот вариант был нереален, гитлеровцы успели закрепиться начиная от дороги в теснине до самого хребта у перевала Нахар.

А что, если подняться по ущелью Симли-Мипари на перевальную точку у высоты 1560? Коли нам удастся перейти отрог, то мы сразу окажемся глубоко в тылу егерей, обороняющих теснину. В этом случае, накопив на перевале достаточное количество сил, можно будет отрезать гитлеровцев, обороняющих теснину, от перевала Клухор и тем самым помочь выполнению общей задачи - продвинуться через теснину к Клухору. Однако вряд ли фашисты не заняли перевал на отроге, если он маломальски проходим. Они здесь не первый день и, конечно, хорошо изучили местность, да и альпинистов среди них достаточно. Но если это так, то тем более надо произвести разведку в ущелье Симли-Мипари и прикрыть его. Ведь ущелье выходит к фактически необороняемому сейчас участку дороги в тылу 121-го полка и к медсанбату. Да и дальше, до самого штаба дивизии, на дороге нет, по существу, ни одного серьезного заслона. Вдруг фашисты используют именно это ущелье для своего нового наступления?!

Трудная ситуация в полку, к счастью, начала разряжаться. Вскоре выяснилось, что опасность окружения больше не угрожает передовой роте. Посланные оттуда связные дошли до командного пункта полка, не встретив противника. Теперь можно было переговорить с командиром полка.

Майор Агоев и подполковник Неведомский одобрили предложенный мною план, но, поглощенные своими заботами, приняли нас, как мне показалось, несколько сухо. Впрочем, это было понятно, ведь то, о чем мы говорили, не сулило им конкретной помощи л самое ближайшее время, а обстановка на участке обороны полка все время была достаточно напряженной.

Согласно указанию, полученному в штабе дивизии, я должен был сообщить о плане действий отряда непосредственно командиру соединения. Говорить в открытую по телефону я, конечно, не мог. А потому сообщил лишь кое-какие общие сведения о ближайших намерениях отряда и закончил тем, что подробности укажу в письменном донесении. Командир дивизии приказал действовать, поддерживая постоянную связь со штабами 121-го полка и дивизии.

Чтобы не попасть под огонь егерей, я повел альпинистов обратно в штаб полка, не дожидаясь рассвета, а уже оттуда мы направились в ущелье Симли-Мипари.

Тропы здесь не было. Перейдя реку, мы зашагали по крутому правому склону, поросшему густым лесом. По мере подъема он становился все круче, а нам приходилось карабкаться, цепляясь за стволы и корни деревьев. В лесу было тихо и душно, колючий кустарник обдирал руки, рвал одежду. Я даже пожалел, что мы не пошли по дну ущелья вдоль ручья. И все же наше решение оказалось правильным. Ведь именно там мы могли столкнуться с егерями, если они находились в ущелье. А так, незаметно выйдя из леса на травянистые склоны, удастся рассмотреть эту часть ущелья сверху.

Все говорило о том, что лесистый склон приведет нас к отвесным скалам перед гребнем отрога, который шел вправо от направления подъема и круто спускался к тес-пине. Теснина была теперь уже значительно ниже нас.

Пересекли лесистый склон, идя параллельно гребню. Лес начал редеть, и мы вышли на скалистый участок склона. Двинулись по скалам. Сначала они оказались нетрудными для движения, но постепенно склон стал гораздо круче. Пересекли его по скальным полочкам, держась за выступы. Идти так нам надо метров сто. А у нас всего две веревки - их не хватит даже на "перила". Идем без охранения. А под нами пропасть, смотреть вниз неприятно.

Часть отряда уже приближалась к противоположному краю стены, но остальные застряли где-то да ее середине. Движение застопорилось, потому что у одного из бойцов закружилась голова, а еще двое двигались по стене крайне неуверенно. Всех отставших пришлось вернуть назад, чтобы обошли стену внизу.

Нам же предстояло ждать их при выходе из леса на покрытые травой склоны. До этих склонов было уже не так далеко. Оттуда я рассчитывал увидеть седловину перевала. Лишь бы там не оказалось егерей! Нам не выйти на перевал, если его охраняют хотя бы десять солдат.

Приблизились к опушке леса. Не показываясь из-за деревьев, ведем наблюдение. Альпийские луга по краю леса спускались к самому дну ущелья. Само же ущелье не вело непосредственно к выбранной нами точке на отроге хребта. Оно переходило в обширный амфитеатр травянистых склонов, по правой стороне которого и шел путь к интересовавшей нас перемычке.

Разглядели верхнюю часть отрога. Там оказались две седловины. Более низкая - слева от высоты 1360 в сторону горы Хакель. Менее ярко выраженная и более высокая - справа от высоты 1360. Над всем отрогом, врезавшись клином в синее небо, господствовала сияющая снегами гора Хакель, на которую уже отсюда приходилось смотреть закинув голову.

И ниже и выше нас не было заметно никаких признаков жизни. Но противник мог легко укрыться на перевале. Одним словом, спешить с выходом не стоило. Решили понаблюдать еще. Да и бойцы пока отдохнут: неизвестно ведь, какая ночь ожидает нас сегодня.

Прошло не больше часа. Справа в кустах вдруг что-то зашевелилось, и из леса на склон выскочил тур. Это был крупный самец с мощными рогами, красиво изогнутыми над головой. Видимо, он спускался с дневной лежки на скалах к пастбищу и наткнулся на нас. Затаив дыхание, следили мы за туром, когда он большими прыжками помчался вверх по склону. Сейчас все выяснится: если тур пойдет на гребень (или тем более на перевал), - значит, там никого нет. Недаром охотники-сваны говорят, что тур никогда не ходит ниже человека. Великолепное чутье и зрение позволяют этому дикому зверю обнаружить малейшую опасность и уйти наверх, в неприступные скалы.

К нашей всеобщей радости красавец тур поскакал прямо к левой, наиболее низкой седловине, Преодолеть расстояние, отделявшее нас от седловины, ничего не стоило для тура. Прошло еще несколько мгновений, и его могучее серое тело скрылось в скалах.

Все ясно, перевал свободен! Теперь скорее туда! Но предварительно все же нужна разведка.

Пока мы поднимались к гребню, дважды на большой высоте появлялся вражеский самолет-разведчик. Шли мы рассредоточенно. Стоило показаться самолету, все, как по команде, падали на склон и "превращались в камни".

Разведка первой подошла к седловине и просигналила, что можно подниматься всему отряду.

Перед осыпью, ведущей уже непосредственно к гребню и седловине, оказалась небольшая, почти горизонтальная площадка с разбросанными по ней огромными камнями. Под нависшими краями глыб можно было укрыться от дождя. Мы выбрали эту площадку для базы отряда, сложили здесь боеприпасы и продукты, чтобы выйти на гребень налегке. Седловина перевала находилась почти на уровне площадки на расстоянии около пятидесяти метров от нас и представляла собой узкий проем в скалах. При входе в проем как коврик лежал небольшой снежничок. Круто вверх от проема в сторону горы Хакель уходил скально-травянистый гребень, вправо сначала очень круто, а затем почти горизонтально до склона высоты 1360 шел скалистый гребень.

Мне казалось, что из узкого прохода на седловине мы хуже разглядим ущелье на той стороне отрога, чем с правого гребня. Помня тура, я хотел все время находиться выше противника: ведь немцы могли притаиться за этим узким проходом и ждать, чтобы мы подошли поближе. А тут еще среди камней на площадке кто-то нашел и принес мне бумажные пакетики из-под какого-то концентрата и консервную банку. Выходит, егеря уже побывали здесь. Судя по следам, их было немного и времени с тех пор прошло порядочно. Но ведь не исключено, что они вновь поднялись сюда и следят за нами. Самое правильное было скорее идти на гребень справа от седловины, а разведку послать правее высоты 1360. Небольшую группу надо было оставить здесь, чтобы она, укрывшись в камнях, неотступно следила за проемом в скалах.

Жаль, что нас мало! На центральную часть гребня мы с Хатеновым могли взять с собой только семь человек. До гребня по прямой метров сто - двести, а по высоте примерно тридцать.

С волнением подошли к гребню. Сейчас должно все выясниться. Осторожно, не высовываясь из-за скал, поглядели на север и, как по команде, безмолвно сползли обратно... Внизу по снежному полю к занятому нами перевалу шли вражеские солдаты. Переглянувшись с Хатеновым, мы вновь осторожно подползли к гребню. То, что нам удалось увидеть в ущелье реки Клыч за отрогом хребта, на котором находились, мы оценили и изучили позднее. В тот миг внимание обоих было приковано к северным склонам за перевалом, по которым двигался отряд егерей. Солдаты шагали плотной цепочкой, их было около тридцати. По прямой нас разделяло не более трехсот метров. Шли они не спеша, с винтовками и автоматами за плечами.

Многие имели ледорубы, к их рюкзакам были прикреплены веревки...

Крутые, почти отвесные склоны горы Хакель слева от нас, столь же крутые скалы высоты 1360 и гряда скального гребня под нами как бы образовывали скальный цирк. Дно его было заполнено ледником, в верхней части засыпанным снегом. Пологий язык ледника спускался в ущелье Клыча. Перед ним находилась невысокая концевая морена, по которой, вероятно, и поднялся сюда отряд егерей. От верхней части снежного поля в сторону седловины протянулся быстро сужающийся снежник, входящий в кулуар. По нему и шел путь к прорези седловины. Именно туда направлялись егеря. Дна кулуара нам не было видно - его скрывали скалы гребня. Возможно, там уже находилась разведка противника. На перевал можно выйти не только по кулуару, но и по скалам, ведущим на наш участок гребня. Скалы поднимались довольно круто и состояли из крупных глыб, среди которых можно было хорошо укрыться от огня сверху. В тот момент мы не думали о седловине за высотой 1360, которую заметили еще снизу. Тогда нам было не до нее, но в дальнейшем выяснилось, что и оттуда нам могла угрожать опасность.

Солдаты поднимались спокойно, не маскируясь. Порой они отдыхали, оглядывая перевал. Присмотревшись, мы заметили еще одну большую группу гитлеровцев, отдыхавших на камнях морены под основанием высоты 1360, - ниже нас метров на четыреста. Во втором отряде насчитывалось, наверное, до сотни солдат.

Дело принимало серьезный оборот.

Вначале мы думали пропустить первый отряд в кулуар и там расстрелять его, В этом случае можно было даже взять пленных. Но пойдут ли гитлеровцы именно в кулуар, не рассыплются ли цепью, не попытаются ли выйти на перевал по скалам в разных местах? Гранат для ближнего боя у нас было совсем мало - по одной-две штуки на человека. А главное - мы не имели пулеметов. К тому же быстро надвигались сумерки. В темноте несподручно будет действовать против невидимого врага. В довершение ко всему в воздухе прошипела мина и где-то позади нас грохнул взрыв. Второй ударил на самой площадке. Третья мина разорвалась прямо перед нами на северной стороне скал. Взвыли на разные голоса осколки, и полетели куски отбитого взрывом гранита. Но для нас они не были опасны: склон как бы отразил их в противоположную сторону.

За считанные минуты по перевалу было выпущено 15 мин из миномета большого калибра. Каков смысл этого обстрела? Знают ли немцы, что мы находимся здесь, или на всякий случай

прощупывают перевал?

Видимо, все же знают, хотя первый отряд продолжает открыто двигаться вперед и уже приближается к скалам.

Надо немедленно принять решение, иначе егеря скроются за скалами под нами. Подаю команду приготовиться к стрельбе. Уславливаемся: я стреляю по первому гитлеровцу, Хатенов - по последнему, остальные - по всей цепочке. Затаив дыхание, следим через прицелы за немцами, продолжающими подъем. Они вдруг остановились, принялись обсуждать что-то, указывая то на кулуар, то на гребень, где мы залегли. До отряда егерей оставалось метров сто. Тут-то мы и ударили. Сначала прогремели два выстрела, затем залп и очереди из автоматов. Сразу упали семь фашистов. Остальные заметалась по склону, потом побежали вниз, бросая оружие и пытаясь тащить по снегу раненых.

Падали на бегу зеленые фигуры. Кое-кто пытался съехать или сползти по склону. Вскоре о скалы возле нас начали ударять пули.

Оказалось, что в азарте боя мы встали во весь рост на гребне, а второй отряд егерей, тот, что расположился на скалах, открыл огонь по перевалу. Быстро укрывшись за гребнем, мы перенесли огонь по отряду, который находился на морене.

Перестрелка стала затихать. Прекратился и минометный обстрел. Фашисты в ущелье, вероятно, не могли понять, что происходит на перевале. Ошеломленные неожиданным ударом и не зная точно наших сил, они больше не предприняли попыток подняться на перевал. А мы решили экономить патроны, так как хорошо понимали, что ближайшие дни будут для нас очень трудными.

На поле, где недавно гремели выстрелы, опустилась ночь. На снегу под нами темнели лишь камни да трупы немецких солдат...

Мы сидели на гребне и обсуждали сложившееся положение. Сегодня мы не пропустили гитлеровцев на перевал, а что будет ночью и завтра днем при таком соотношении сил? Каждый понимал, что нами занят важный рубеж, от которого в большой степени будет зависеть в ближайшее время ход событий на Клухорском направлении. Именно поэтому если не завтра, то в ближайшие дни противник сделает все возможное, чтобы выбить нас отсюда.

Вскоре к нам поднялись связные, пришедшие с левой, а затем и с правой стороны перевального гребня. Они не обнаружили ничего подозрительного.

Оставив на гребне группу бойцов, я с Хатеновым спустился к камню, где был устроен склад продуктов и боеприпасов.

Обстановка заставляла нас занять круговую оборону, а сил

для этого было очень мало. Семь бойцов остались на гребне, четверых надо было держать на левом фланге, троим предстояло закрыть выход на перевал. Расстановкой людей занялся Хатенов. Я должен был проводить на правый фланг двух бойцов к уже находящейся там паре. Троих решили направить завтра вниз, к участку, с которого начинался подъем из ущелья. А двоих бойцов еще раньше оставили на опушке леса. На другой день, если все будет благополучно, мы рано утром отправим по этой цепочке связи донесения в штаб полка и штаб дивизии. Один боец оставался связным.

Так выглядела оборона на нашем своеобразном рубеже, расположенном на высоте более 2000 метров над уровнем моря.

В донесении в штаб дивизии и командиру 121-го горнострелкового полка я подробно сообщил обстановку на занятом нами рубеже. Положение мы заняли очень выгодное, но крайне нуждались в подкреплении - иначе долго не продержаться. Сообщал также о необходимости закрыть достаточно сильным заслоном выход из ущелья Симли-Минари, на случай если противник все же возьмет перевал и попытается наступать дальше. Случись такое, и тогда полк, медсанбат да и вся дорога к штабу дивизии окажутся в очень опасном положении.

Все наиболее опасные места мы вроде бы прикрыли. Оставалось главное высота 1360. Она господствовала над всем гребнем, и тот, кто первым поднимется на нее, станет хозяином положения. А подняться можно было и с нашей стороны, и со стороны врага. Путь от егерей, правда, был значительно труднее, он имел и больший перепад высот, чем путь по идущему от нас гребню. Сегодня ночью немцы, конечно, туда не пойдут. А завтра надо при первой возможности самим подняться на вершину.

Размышляя обо всем этом, я повел бойцов на правую часть перевального гребня. Ночь плотно окутала горы. Мы пробирались ощупью, ориентируясь по звездам. Но вот из-за гор поднялась полная луна, идти стало легче. На гребень вел очень крутой травянистый склон с выходами скал. Вправо он становился все круче и обрывался в ущелье Симли-Мипари отвесными скалами. Гребень, как огромная пила с кривыми неровными зубьями, уходил направо вниз, в сторону теснины. Склоны гребня вдали были весьма крутыми. Это означало, что с той стороны можно не опасаться появления гитлеровцев, во всяком случае их крупных подразделений.

День накануне был жарким, и из ущелья Симли-Мипари к гребню, клубясь, поднимались облака. Кое-где из них вздымались ввысь облачные столбы. Они, как щупальца огромного спрута,

тянулись к гребню, обволакивая ближайшие склоны. Мы тоже оказались в их влажных объятиях. И когда, поднявшись выше, вырвались из туманной пелены, то глубокое ущелье, заполненное облаками, и отвесы скал, освещенные бледным светом луны, показались нам какими-то зловещими. Людям, впервые увидевшим эту картину, стало не по себе. И я понимал их состояние. Понимал и то, как усугубляет его тревожная обстановка нашей первой ночи под черным клыком вершины 1360.

Недалеко от гребня я негромко свистнул. Слева тихо ответили. Пошли туда и скоро обнаружили бойца, притаившегося между двумя скальными выступами. Теперь надо было разыскать второго бойца, находившегося здесь с вечера. Он оставался на правом фланге обороны этого участка гребня.

Нашли и его, но откликнулся он не сразу. Парень слышал дневную перестрелку и разрывы мин. Но известий от нас не было. Он, естественно, волновался. Неизвестность, полное одиночество в незнакомых горах, да к тому же ползущие из бездны облачные чудовища - все это способно было вывести из равновесия даже человека неробкого десятка. Кстати, боец, о котором идет речь, принадлежал именно к этой категории: успел повоевать, участвовал в штурме перевала Клыч, хорошо проявил себя там. А вот тогда я нашел его в состоянии, близком к умопомешательству... Мы подоспели вовремя. Увидев нас, выслушав наш рассказ о событиях на перевале, глотнув водки из висевшей у меня на поясе фляги, боец успокоился, пришел в себя. А когда я подозвал его соседа и приказал, чтобы до рассвета они находились вместе, он и вовсе повеселел.

Пора было возвращаться в лагерь, и я в одиночестве направился в обратный путь. Удаляясь, некоторое время слышал тихие свистки на гребне: ребята не дремали.

В лагере меня уже ждал Хатенов. Договорились, что первую половину ночи буду дежурить я. Забираясь в мой спальный мешок, Хатенов похвалил меня за предусмотрительность.

- Это не предусмотрительность, а опыт, - ответил я.

Облака спустились вниз и плотным слоем, точно ватой, заполнили ущелье под нами. Луна медленно перемещалась по небосводу, освещая уснувшие горы. Все затихло, все успокоилось вокруг. Бодрствовали только люди, настороженно ожидавшие рассвета.

С перевала мы не уйдем

Первая мина, разорвавшаяся рядом с нами рано утром, даже не разбудила меня. Мне просто приснилось, что кто-то ударил тяжелым молотом по наковальне. Проснулся потому, что меня

тормошил Хатенов, и тут же услышал посвист второй мины и оглушительный разрыв где-то совсем рядом. А дальше разрывы следовали один за другим. Фашисты били точно. Пришлось отправиться на гребень и перенести туда часть боеприпасов. Нам уже было известно, что лучшее средство уберечься в горах от минометного обстрела - это выбраться на самый гребень. Чем круче склоны гребня, тем спокойнее можно чувствовать себя там. Мины имеют крутую траекторию полета, а потому их точное попадание в гребень маловероятно. При небольшом перелете мина не принесет вреда, так как разорвется далеко внизу, на крутом склоне. Безопасна и мина, ударившая даже очень близко в склон перед тобой: осколки полетят в противоположную сторону. И, наконец, если мина попадет даже точно в гребень, она причинит минимальные потери: бойцы, лежащие среди выступов скал, находятся как бы в индивидуальных окопах, стены которых непробиваемы для осколков. Зная все это, мы и пошли к гребню.

Выпустив по перевалу около сотни мин, гитлеровцы начали наступать. Двинулись они по пути вчерашнего подъема отряда, но действовали уже не столь открыто.

Прячась в трещинах ледника и за камни на самом леднике, поддерживаемые интенсивным огнем с морены, к перевалу перебежками приближалось около двух взводов егерей.

Действия противника скорее напоминали разведку боем, чем серьезную попытку наступления на перевал. Так оно и оказалось.

Когда перестрелка затихла, мы с Хатеновым начали изучать обстановку в ущелье реки Клыч. Внизу хорошо была видна дорога, ведущая к перевалу Клухор. Непосредственно под нами она шла по широкой части ущелья. На дне его, у дороги, лежал огромный обломок скалы. Вокруг него ходили немецкие часовые. Глыба была обложена аккуратной стенкой для укрытия от обстрела. Видимо, там находился штаб части, оборонявшей теснину. Выше к перевалу шел серпантин. Вверху, на повороте дороги непосредственно к перевалу, постоянно дежурила группа солдат. По всей вероятности, там находилась пулеметная точка. Этот рубеж, занятый врагом, был очень выгоден для обороны ближайших подступов к перевалу Клухор. Там наверняка расположены не только пулеметы, но и минометы. Наступать здесь очень рискованно.

С гребня, где мы находились, седловина перевала Клухор не видна. Не видна и теснина, и склоны, ведущие к перевалу Нахар, - их закрывает массив высоты 1360. Эти два участка мы рассмотрели позже с гребня правее вершины. Видна была оттуда и белая глыба у дороги. От этой глыбы дорога шла к теснине. Сама теснина просматривалась не полностью. Сверху трудно

было разглядеть всю систему вражеской обороны, но она угадывалась по вспышкам выстрелов. Над тесниной были видны перевал Нахар и его южные склоны, занятые советскими частями и частями противника, а также склоны, идущие от Нахара в сторону Клухорского перевала. На них, значительно выше дороги, под высотой с отметкой 1550 за камнями расположилась не то артиллерийская, не то минометная батарея. Ей не грозила никакая опасность, и немцы не посчитали нужным замаскировать батарею. Оттуда и еще откуда-то снизу егеря обстреливали наш перевал. С этой очень удобной позиции они держали под огнем и советские части у входа в теснину и ущелье ниже нее. Егерям все было отлично видно со склона.

Место, где расположился командный пункт 121-го полка и его штаб, от нас скрыто. Но склоны над штабом и КП, ведущие к нашим частям на перевале Нахар, просматривались довольно четко. Командир полка собирался выдвинуть туда наблюдательный пункт для визуальной связи с нами. Сегодня надо попытаться сообщить условными ракетами о месте нашего пребывания.

Протяженность участка по ущелью реки Клыч, видимого от нас, равна примерно четырем километрам. Мы находимся над его серединой. В ущелье, занятом гитлеровцами, идет спокойная жизнь. Там привыкли, что оборона теснины надежна, а опасность сверху до сих пор этим местам не угрожала. С перевала движутся небольшие караваны лошадей и мулов, идут группы егерей. От большой каменной глыбы к реке бежит солдат с котелком, у глыбы ходит часовой с автоматом, два офицера разговаривают у входа в укрытие.

Ну, подождите! Только б нам удержаться! Накопим силы, погоним вас отсюда взашей!..

Мы с Хатеновым невольно размечтались о будущем, изучая обстановку в ущелье реки Клыч. Но действительность быстро напомнила о себе: начался новый минометный обстрел, открыли стрельбу автоматчики, о скалы зацокали пули.

Помня о вчерашнем бое, мы пока уделяли внимание главным образом центральному участку гребня. Но с каждой минутой становилось ясней, что наиболее слабым местом нашей обороны станет правый фланг, где пока было тихо.

Хатенов с группой бойцов направился туда.

Подъем с севера на центральную часть гребня был крут и сложен. Через перевальный проем в скалах, узкий и крутой, проникнуть к нам нелегко. Пробраться на высоту 1360 по гребню, идущему с ледника, за которым я приказал вести непрерывное наблюдение, гитлеровцы могут попытаться лишь в крайнем

случае. Поэтому я был более или менее спокоен за оборону названного участка. И все же здесь необходимо было держать какое-то минимальное количество стрелков. Переход же противника через Главный Кавказский хребет со стороны вершины Хакель был вообще маловероятен, однако разведку туда следовало направить при первой возможности. Но еще более срочно требовалось подняться на высоту 1360 и оставить там для прикрытия хотя бы двух-трех бойцов.

Прекратившаяся к середине дня перестрелка вечером возобновилась. Ей опять предшествовал минометный обстрел. Вновь на склонах появились егеря. Они пытались продвинуться вверх, но и эти попытки были нерешительными. К ночи все стихло. Скрылось во тьме ущелье, и только редкие огоньки перемещались по дороге внизу, указывая на движение вражеских караванов, да над ледником под нами взлетали осветительные ракеты.

День прошел сравнительно спокойно. Ночевали с Хатеновым опять под камнем. Утром - снова минометный обстрел перевала. Мы ожидали этого и быстро поднялись на гребень: Хатенов - на правый участок, я - на левый.

Противник будто почуял, что мы скрываемся от мин на остром гребне, и начал обстреливать наши позиции шрапнелью, которая здесь, на гребне, была для нас опаснее, чем мины. В течение часа артиллерия обрабатывала перевал. Чувствовалось, что немцы затевают что-то серьезное. Хорошо освоившись на хребте, мы пока не имели потерь, хотя некоторые бойцы получили ссадины от осколков камней.

Как только стих артиллерийский огонь, гитлеровцы начали перебегать от скалы к скале, от трещины к трещине на леднике и открыли стрельбу по перевалу. Послышались выстрелы и на правом фланге у Хатенова. Там нельзя было медлить, поскольку поверхность склона на дальних и на ближних подступах к гребню изобиловала крупными камнями, за которыми успешно могли укрыться и постепенно накапливаться под самым гребнем наступающие егеря. На нашем участке обороны рельеф позволял подпустить противника ближе.

Вскоре от Хатенова прибежал связной. Он сообщил, что отряд гитлеровцев численностью около пятидесяти человек наступает на гребень двумя цепями, которые попеременно поддерживают друг друга огнем из-за камней и что Хатенов просит прислать подмогу.

На наш участок тоже наступало около пятидесяти егерей, но обстановка у нас была более благоприятной: мы загнали вражеских солдат в трещины, откуда они не рисковали

высовываться. В помощь Хатенову я послал несколько бойцов. Я решился на это, поскольку нам хорошо помогали товарищи, находившиеся на левом гребне.

Интенсивная перестрелка справа от нас утихла к середине дня. У нас противник вовсе перестал наступать. Лишь изредка раздавалась очередь из пулемета да продолжали охоту снайперы. И хотя егерей было больше, хотя шли они с двух сторон, в их действиях чувствовалась осторожность. Им, видимо, не удалось определить наши истинные силы.

Во второй половине дня на перевал опять обрушились мины. Обстрел продолжался минут пятнадцать. Затем немцы вновь попытались наступать, причем более энергично, но теперь уже только справа от высоты 1360. У нас было совсем тихо, и я перешел к Хатенову. Его бойцы, не отрываясь от прицелов, следили за наступавшими, не давая им высунуться из-за камней. Сам Хатенов руководил огнем с высокой части гребня, указывая стрелкам места скопления вражеских солдат. Здесь, как и на других участках обороны, потерь не было.

Хатенов, наблюдавший за противником в бинокль, вдруг резко опустил его и прицелился, Я тоже увидел, как под самой стеной высоты 1360 пробираются двое солдат. Их, видимо, проглядели лежавшие слева бойцы. До егерей оставалось не более тридцати - сорока метров. Раздался выстрел. Один из них бросился вниз за камни, а другой медленно сполз по скале и растянулся на склоне. Не выпуская карабина, я прилег рядом с Хатеновым, и мы больше часа вели перестрелку с наступавшими на перевал гитлеровцами. Не добившись успеха, те начали отходить вниз по склону...

Нам повезло: в тот день не было облаков. Если бы они начали подниматься по склонам на гребень, обороняться нам было бы труднее.

В ту ночь мы не спускались с гребня. Голодные, усталые, сидели между скал, чутко вслушиваясь в тишину. Ночь была холодная. Отдыхали по очереди, опасаясь внезапной атаки. Судя по огням, движение по ущелью стало более интенсивным.

Наступил новый день. У нас - по сухарю на человека и совсем мало патронов. Подкрепление могло подойти только к вечеру.

Мины грохнули на перевале с первыми лучами солнца. Обстрел становился все более интенсивным. На травянистых склонах в результате разрывов все чаще возникали камнепады. А мы, прижавшись к скалам, ждали конца канонады, готовые встретить врага.

После третьего огневого налета появился немецкий самолет-разведчик и, снизившись, стал, как коршун, кружить над нами.

Дали по самолету залп из винтовок. Летчик огрызнулся длинной очередью, поднялся выше, сделал еще несколько кругов и скрылся.

Утро сменил знойный день. Такие дни нередко выпадают в горах осенью. Голод мучил бойцов. Забыв об осторожности, они ползали между камнями, собирая мелкую бруснику.

На командном пункте теперь никого не было. Мы спустились туда с Хатеновым, чтобы продолжить укладку каменной стены вокруг КП. В перерывах между работой посматривали то на гребень, где лежали наши стрелки, то вниз по склону - не показалось ли подкрепление. Внизу, на повороте в ущелье, был виден в бинокль первый пункт цепочки связи. Находящийся там боец тоже ползал по склону - не иначе как собирал бруснику. "Там ее больше, и она там крупней", - невольно мелькает в голове. Безмолвие царит в горах. Хоть бы птица какая пролетела над перевалом! Но нет здесь ни пернатых, ни четвероногих. Ничего живого! Одни только мы. То со злобой глядим покрасневшими от бессонницы глазами в сторону противника, то с надеждой оборачиваемся туда, откуда должна прийти помощь...

Пользуясь затишьем, решили разведать высоту 1360. Надо проверить, насколько сложен путь к ней со стороны противника, и заодно узнать, какие силы действуют против нас и много ли егерей находится в теснине. Все это можно было лучше определить с вершины, чем с гребней перевала. Договорились с Хатеновым, что на время разведки он поднимется к бойцам на гребень.

В разведку я взял трех бойцов: моего ординарца Нурулиева, числившегося у нас санинструктором Гурамишвили и опытного разведчика нашего отряда Федорова.

Вышли налегке: взяли только винтовки и боеприпасы.

Подъем на вершину начали справа от центральной части обороняемого нами гребня. Шли по крутым скалам, стараясь не высовываться, чтобы не попасть на мушку снайперам. Двигались медленно, особенно в начале подъема, где среди скал встречались заросли низкорослой брусники. Мы с жадностью набрасывались на нее и продолжали путь только тогда, когда все кустики были обобраны. Выше начинались сплошные, довольно трудные для подъема скалы.

Осенний день был тих и прозрачен. На небе - ни единого облачка. Деревья, росшие на склонах гор, только в самом низу сохранили еще темно-зеленый наряд, а выше полыхали красками осени, особенно яркими на фоне снежных вершин. Прямо на юге виднелся перевал Клыч с острым скальным клыком. Не так давно мы дрались там с фашистами. Там навеки остались наши

погибшие боевые друзья.

Подъем на вершину занял примерно полтора часа. Вот уже она совсем рядом. От вершины расходятся три гребня: один, по которому мы поднялись, другой ведет к нашему правому флангу, третий спускается к егерям. Этот гребень особенно крут. Пройдя немного, я поглядел вниз и увидел почти отвесные скальные стенки. Здесь гитлеровцы не пройдут: такой маршрут по плечу только опытным альпинистам, пользующимся веревкой и крючьями.

Ущелье реки Клыч было видно во всех деталях. Под основанием гребня, на котором находился наш отряд, расположилась какая-то немецкая часть. Видимо, она являлась заслоном против нас и именно ее подразделения наступали на наш перевал. От палаточного лагеря шли две тропы, по которым и наступали егеря.

Передний край гитлеровцев в теснине виден отсюда почти на всем протяжении. Большого оживления там нет. Слышны лишь редкие пулеметные очереди и отдельные выстрелы, у нас же на перевале периодически рвутся мины. С места, на котором я стоял, хорошо просматривались огневые точки противника: на склоне высоты 1505 - миномет, у камня, невдалеке от штаба - тоже миномет, прямо под нами в расположении лагеря - еще один. На подступах к перевалу Клухор артиллерийская батарея. Когда там появлялся огонь и дымок, над нами рвалась шрапнель.

Будь у нас минометы или хотя бы телефонная связь с нашими артиллерийскими позициями, не чувствовали бы себя фашисты так спокойно в ущелье реки Клыч. Но это, увы, была только мечта. На самом Клухорском перевале шло оживленное движение. Гитлеровцы держались уверенно, их было много, и они не маскировались. Новее это происходило далеко от нас. Туда и из миномета не достанешь.

Наши позиции на перевале тоже были видны мне. Это означало, что они хорошо просматривались и с самолета. Такое открытие не вдохновило меня, но и не привело в уныние. Главный вывод, к которому я пришел, был обнадеживающим. Разведка показала, что мы можем зайти в тыл вражеским частям, оборонявшим теснину. И теперь мы знали, как преодолеть препятствия, которые окажутся на пути. Это была удача. Но не зря, видно, говорят, что радость и печаль нередко ходят друг за дружкой. Занимаясь наблюдениями, мы так увлеклись, что в какой-то момент забыли об осторожности, и враг обнаружил нас. На первый разрыв шрапнели не обратили внимания. Но второй снаряд ударил в скалы метрах в десяти, и нас осыпало осколками камней. Едва мы успевали покинуть прежнее место, там

разрывался снаряд. В один из таких моментов мы увидели, что Федоров, шедший последним, покачнулся и рухнул вниз на крутые скалы.

В подавленном состоянии спустились к подножию вершины. На камнях обнаружили изуродованное тело нашего отважного разведчика. Здесь же под грудой камней я похоронили мы своего товарища.

Мне не забыть той долины,
Холмик из груды камней.
И ледоруб вполовину
Воткнут руками друзей.
Ветер тихонько колышет,
Гнет барбарисовый куст.
Парень уснул и не слышит
Песни печальную грусть...

С вершины я спустился с разбитым коленом, то ли ударился об острый выступ скалы, то ли рассек колено о камень, то ли царапнуло осколком. Обмотал ногу бинтом, похромал и перестал думать об этом. И только лет двадцать спустя у меня удалили разорванный тогда мениск...

Близился вечер, когда на командный пункт пришло донесение от Хатенова. Он сообщил, что мелкие группы немцев появились в начале склона и осторожно, без единого выстрела, прячась за камнями, движутся к перевалу.

Все, кто был со мной, поспешили за гребень. Там решили и ночевать. Оставаться кому-либо внизу не имело смысла: во-первых, на гребне крайне необходим был каждый боец, во-вторых, в случае прорыва противника здесь все равно не удалось бы организовать оборону. На гребнях же какое-то время мы могли продержаться даже в самой трудной ситуации.

Что задумал противник, было пока неясно. Не исключалось, что данные воздушной разведки побудили его предпринять решительный штурм перевала. Главное, чтобы это не началось ночью. Вот что было важно для нас.

К счастью, гитлеровцы оказались верны себе: с наступлением темноты движение на склоне прекратилось. Убедившись в этом, мы направили вниз на северный склон боевое охранение, чтобы нас не застала врасплох какая-либо неожиданность.

И опять началась бесконечно долгая ночь на перевале... Немало таких ночей провел я в горах в мирное время. Особенно запомнилась та, которую мы провели с Виктором Корзуном в засыпанной снегом метеорологической станции на Эльбрусе, когда в 1933 году вдвоем пришли туда на зимовку. Мороз стоял лютый. Ртутные термометры замерзли и перестали показывать

температуру. Каждый выдох снежинками оседал на лице. Но тогда у нас был единственный враг - холод...

Скорей бы рассвет, хотя он и принесет нам лишь новые испытания. От усталости, истощения, холода и перенапряжения кажется, что все камни на склоне начинают шевелиться, превращаясь в фашистов...

Гром артиллерии разорвал предрассветную дымку. Горы вторили ему, эхо во много крат усиливало гул канонады. Огневой налет был коротким, но оченъ мощным. И вот уже из-за камней на склоне пошла вражеская пехота.

Среди зеленых курток немецких егерей мелькали более яркие и светлые мундиры. Только потом мы узнали, что с частями 49-го горнопехотного корпуса действовали подразделения из состава итальянского соединения "Белая лилия". Наступало более ста солдат. Они уверенно продвигались к перевалу.

Первыми в перестрелку с наступающими вступили бойцы нашего боевого охранения, отходившего на гребень. Затем открыли огонь те, кто находился с нами. На левом фланге было тихо.

Из-за большого расстояния наш огонь, конечно, не мог остановить врага. Но потери он нес. И все же несколько мелких групп приблизились к середине склона. По мере того как разгорался бой, действия егерей становились все напористей. У нас пока не было серьезных потерь, но все чувствовали: вот-вот наступит решающий момент. Надежды на успех были не очень велики, и все же...

Около часа шла уже ожесточенная перестрелка. Фашисты подошли совсем близко, когда я - в очередной раз - оглянулся и посмотрел вниз... Не поверив глазам, быстро сполз с гребня и стал разглядывать в бинокль показавшуюся на склоне цепочку людей. Это были наши. Шло подкрепление!

- Ура! - закричал я не своим голосом и влез опять на гребень. Товарищи поняли меня правильно. "Ура!" прокатилось по всему перевалу, и огонь с гребня усилился. Но помощь была еще далеко. Надо было любой ценой продержаться здесь около часа. Иначе конец не только нашему отряду, будут разгромлены и те, кто спешит нам на помощь.

Момент был весьма серьезным. Надо было что-то предпринимать. Первым делом я послал связного на левый фланг с приказом оставить там трех-четырех человек, а остальных привести к нам. Раненного в руку бойца Хатенов направил вниз, навстречу спешившим к нам стрелкам. Связной должен был передать их командиру, чтобы, оставив груз, тот срочно поднимался с людьми к перевалу.

Теперь уже никто из нас не экономил патроны. Хатенов - опытный охотник, стрелял поразительно метко. Стрельнет, толкнет меня в бок, чтобы посмотрел на результаты, погладит приклад карабина и продолжает свое дело. Бойцы старались не отставать от Хатенова. Но гитлеровцы все же были уже рядом с перевалом. Некоторые подошли совсем близко и притаились за камнями. Когда они пытались продвигаться дальше, мы стреляли почти в упор.

На нашем правом фланге завязалась рукопашная. Несколько егерей выбрались на самый гребень. Ликвидировать их Хатенов поручил комсоргу нашего отряда К. Хвалынскому, возглавившему группу молодых бойцов. Ребятам удалось незаметно подобраться к гитлеровцам и скосить всех до одного очередями из автоматов.

Отбивая все новые атаки, мы потеряли ощущение времени. Минометный обстрел прекратился, так как основная часть наступавших оказалась непосредственно под перевалом, и немцы боялись поразить своих.

Кто-то быстро опустился рядом со мной. Поглядел и не поверил глазам сержант К. К. Иванов! Наш курсант из 9-й горнострелковой дивизии, отличный стрелок и лыжник, блестящий скалолаз! Первый из тех, кто шел нам на помощь. Как выяснилось потом, он, узнав, что отряд альпинистов попал в трудное положение, изъявил желание подняться к нам на высоту 1360. Расположившись поудобнее, Иванов соорудил себе укрытие и быстро установил ручной пулемет. Он и уложил ближайшую к нам группу егерей, выскочивших из-за камней.

Противник был ошеломлен. Но, придя в себя, гитлеровцы снова ринулись на гребень.

Иванов бил по наступавшим длинными очередями. Стрелялим и мы. А между тем к гребню начали подходить и другие бойцы из подкрепления. Они без команды ложились рядом с моими ребятами и открывали огонь по фашистам.

После того как в рядах егерей разорвалось несколько гранат, продвижение наступавших приостановилось, и они укрылись за камнями. Я перестал стрелять, чтобы выяснить, что происходит у нас на гребне. Первым увидел улыбающегося Хатенова, который с удовлетворением оглядывал подоспевших на выручку нам бойцов. Подмигнув мне, он с гордостью сказал:

- А ведь удержали перевал!..

Теперь обстановка резко изменилась. Гитлеровцы понесли большие потери, пыл их поостыл. И хотя на дальних от нас участках склона они продолжали двигаться к перевалу, передние линии остановились.

Я спустился к нашему командному пункту, когда туда

подошли все сорок бойцов, прибывших на пополнение, У нас теперь было три ручных пулемета и ротный миномет. Если учесть то, что мы занимали выгодную позицию, это была уже серьезная сила. Теперь егерям вряд ли удастся выбить нас в лоб с перевала!

Не теряя времени, бойцы под моим наблюдением укрыли за камнями часть принесенных боеприпасов и продуктов. Другую часть отправили на гребни. Потом сформировали смену для защитников перевала - им необходим был отдых. Немедленно спустили вниз раненых. Один из них был в тяжелом состоянии, и его предстояло нести на импровизированных носилках по крутым склонам. Что касается легкораненых, то они заявили, что после перс-вязки в медсанбате без задержки вернутся в отряд.

Не успел я ознакомиться с указаниями, присланными штабом дивизии, поднялась сильная перестрелка на левом фланге. На гребне находилась горстка бойцов. Поэтому я поспешил туда, взяв несколько человек из пополнения.

На первый взгляд за перевалом было все по-прежнему: на скалах у выхода на ледник виднелись фигуры егерей. На самом леднике, вернее, на снежном поле, идущем от него к нам, кое-где темнели трупы и валялись какие-то предметы, брошенные гитлеровцами во время бегства, Никаких явных признаков предстоящего наступления обнаружить не удалось. Что же касается вспыхнувшей вновь интенсивной стрельбы, то она наводила на мысль, что противник просто хочет отвлечь наше внимание от каких-то своих действий на другом участке.

Так оно и оказалось, и замысел гитлеровцев стал ясен для нас.

Тщательно осматривая гребень, ведущий к высоте 1360 с севера, я разглядел в бинокль, как из-за скалы появилась рука и стала ощупывать выступы на крутой стенке, обращенной в нашу сторону. Потом высунулась по пояс фигура альпиниста. Он забил крюк в трещину скалы, наценил альпинистский карабин, вставил в него веревку и, немного спустившись, вышел на обращенную к нам сторону скалы (видимо, этот участок подъема удавалось преодолеть только таким способом). Немцы находились уже довольно близко к вершине высоты 1360. Из-за гребня показались еще двое.

Нас разделяло не более двухсот метров. Снайперской винтовки не оказалось. Я быстро прицелился и выстрелил из карабина... Солдат повис, раскачиваясь на веревке.

Так вот что задумали гитлеровцы! Потерпев неудачу на нашем правом фланге, они решили взобраться на вершину и ударить по нас сверху. В такой ситуации нельзя было терять ни минуты, и я послал на высоту 1360 группу бойцов, приказав

дежурить там и ждать дальнейших распоряжений. Провожать их пошел Нурулиев. Какова была обстановка на вершине, мы не знали, а потому установили непрерывное наблюдение за поднимавшимися товарищами.

Стрельба на левом фланге обороны стала быстро затихать, теперь она потеряла всякий смысл. Немцам стало ясно, что мы разгадали их хитрость, их скалолазы, видимо, вернулись назад. Вскоре прекратилась стрельба и на правом фланге.

Это был самый ожесточенный бой за перевал у высоты 1360. Но противник не успокоился на этом. Уж очень выгодной была позиция, занятая нами, чтобы он отказался от попыток захватить ее. Больше боялись теперь гитлеровцы и окружения своих подразделений в теснине. Именно поэтому они усилили группу, штурмовавшую перевал, и в последующие три дня, 26, 27 и 28 сентября, несколько раз предпринимали попытки покончить с нами.

О значении нашего участка, вскоре ставшего исходным рубежом для наступления 394-й стрелковой дивизии, свидетельствовало и то, что вскоре численность советских войск на перевале возросла до четырехсот человек. Для связи со штабом полка и дивизии была проложена телефонная линия. Впервые после нескольких бессонных ночей мы с Хатеновым легли отдыхать "дома" - в углублении под скалой, обнесенном теперь надежной стенкой, укрывавшей нас от осколков при минометном обстреле. Сюда же спустились на отдых все бойцы нашего с Хатеновым отряда альпинистов. Их сменили на гребне красноармейцы из 121-го горнострелкового полка, благодаря которым мы теперь были сыты и тепло одеты. На радостях даже позволили себе разжечь небольшой костер из собранных внизу сучьев и вскипятили чай.

Только тогда при свете костра я наконец ознакомился с полученными еще днем указаниями штаба дивизии. В соответствии с этим документом нам надлежало закрепиться на достигнутом рубеже и до подхода нового подкрепления дальнейшего продвижения пока не совершать, а ограничиться активной разведкой ущелья реки Клыч, не допуская выхода противника на фланги и в тыл полка.

На следующий день на рассвете фашисты снова начали минометный обстрел и попытались повторить то, что им не удалось сделать накануне. Днем появился немецкий самолет. Он несколько раз заходил на наши позиции и поливал нас с большой высоты длинными пулеметными очередями. Убедившись, что против него у нас нет серьезного оружия, летчик опустился довольно низко и стал пикировать на гребень с разных сторон.

Улетел он лишь после того, как израсходовал весь боезапас. Мы били по самолету из винтовок и в одиночку, и залпами, пытались приспособить для этого ручной пулемет, но не нанесли самолету никаких повреждений. Потом он появился опять. Летчик, осмелев, кружил над нами совсем низко. Он, видимо, был не из робкого десятка. Развернувшись над ущельем реки, гитлеровец летал вдоль гребня ниже нас. Возникла ситуация, возможная только во время боев в горах: мы били по самолету не вверх, а вниз, что никак не вязалось с обычным представлением о зенитной стрельбе. Наконец неутомимый Иванов, ловко приспособив для стрельбы ручной пулемет, полоснул по фашистскому стервятнику длинной очередью. Только после этого он взмыл вверх и улетел за перевал.

Самый крупный оборонительный бой у вершины 1360 начался 27 сентября. На этот раз егеря наступали на оба фланга сразу. После минометного и артиллерийского обстрела на нас двинулось до батальона пехоты. Подойдя к гребню, гитлеровцы повели интенсивный обстрел из ротных минометов.

К этому времени мы располагали значительными силами и вынесли свой передний край на склоны, обращенные в сторону противника. И хотя в первые часы он приблизился к самому гребню перевала, нам удалось отбить атаку с большими потерями для егерей. У нас погибли два бойца, двое были ранены, а пятеро пропали без вести.

В разгар боя позади нас на скальных склонах горы Хакель неожиданно раздались одиночные выстрелы, а потом и длинные пулеметные очереди. В первый момент создалось впечатление, что мы окружены. Но это исключалось: местность была нам отлично знакома, скрытых путей для обхода наших позиций не было. Значит, здесь что-то не то. Но как бы то ни было, со скальных склонов горы Хакель, откуда раздавались выстрелы, просматривались наши позиции. Вместе с несколькими бойцами я стал вести наблюдение. На скалах появлялись то вспышки, то небольшие облачка пыли. И тут мы разгадали уловку противника. Чтобы создать во время штурма перевала панику в наших рядах, немцы послали несколько стрелков-альпинистов на высоты, откуда были видны скалы, находившиеся у нас в тылу. Те открыли огонь но скалам из винтовок и пулеметов разрывными и зажигательными пулями. Эти вспышки и разрывы и вызвали в первый момент тревогу у защитников перевала.

К полудню 28 сентября фашисты вновь начали наступление. Но к этому времени на перевал поднялся из ущелья расчет с 82-миллиметровым минометом и еще одна группа бойцов, которые доставили дополнительные боеприпасы и две снайперские

винтовки. Одну взял я и больше не расставался с ней. Интенсивный винтовочно-пулеметный огонь наших альпинистов, поддержанный минометами, приостановил в самом начале наступление егерей.

Это оказалась последняя серьезная попытка противника вернуть перевал. Инициатива перешла в наши руки. Мы начали с разведки северных склонов, по которым можно было попасть с перевала в тыл противника. Попутно приглядывались и к системе немецкой обороны. Теперь, опасаясь нашего обходного маневра, вражеские солдаты вынуждены были строить укрепления. А мы с перевала обстреливали из миномета скопления гитлеровцев и их караваны в ущелье Клыч. Отсюда же корректировали и огонь полковой артиллерии, находившейся в ущелье ниже теснины.

Согласовывая свои действия с полковой артиллерией, мы успешно обстреливали дорогу. Об эффективности таких огневых налетов можно было судить хотя бы по тому, что движение на дороге днем практически прекратилось. Не видно было и солдат. Они забились в щели и укрытия. Конечно, они пытались подвозить ночью все необходимое для передовых позиций в теснине. Но и ночью мы методически обстреливали из миномета наиболее важные участки дороги.

Хочу заметить, что прицельной стрельбой минометчики овладели не сразу. Этим делом в условиях таких больших перепадов высот, видимо, еще не занимался никто.

Одного нашего пребывания на перевале было недостаточно, чтобы гитлеровцы покинули теснину, а попытки штурмовать ее снизу успеха пока не имели.

Отряд между тем разрастался: подходили все новые группы бойцов.

Однажды к нам на перевал была доставлена установка с патефоном, усилителем, репродуктором, пластинками немецких песен и текстами агитационных обращений к вражеским солдатам. Чуть позднее нам передали и листовки, которые предстояло сбрасывать в ущелье реки Клыч.

В горах зазвучали немецкие мелодии и немецкая речь. Чтобы листовки долетели до цели, мы вывернули взрыватели из мин, сунули на их место пачки листовок и начали стрелять по ущелью. В ответ грянули винтовочные выстрелы. Тогда мы завинтили взрыватели и выпустили десятка три мин по расположению штаба ближайшего подразделения егерей. На сей раз гитлеровцы молчали в ответ, они были заняты переноской раненых. Такая "агитация" с нашей стороны оказалась в тот период более действенной...

* * *

Еще в первых своих донесениях в штабы полка и дивизии я сообщал о возможности зайти с занятого нами перевала в тыл противника и совместно с 121-м полком разгромить подразделения егерей, обороняющих теснину. Однако ответа от нашего командования пока не было. Но мы понимали, что медлить нельзя. По нашим наблюдениям, немцы понемногу отводили часть своих сил из теснины. Обидно было упустить удобный случай ударить по врагу, и я решил напомнить о своих соображениях командиру дивизии.

В ожидании ответа мы продолжали вести разведку и намечали предварительный план обходного маневра.

Кроме изучения безопасных путей спуска в ущелье реки Клыч надо было точно узнать и систему обороны противника на северных склонах занятого нами гребня. А разглядеть это от нас, сверху, не представлялось возможным: таков был рельеф местности. Нельзя было рассмотреть систему обороны и с самой высоты 1360, где теперь постоянно, сменяясь через сутки, находились два бойца (этот пункт наблюдения все же продолжал сохранять свое значение). Необходимые сведения о расположении противника и его огневых средств можно было получить, только спустившись в ущелье.

Георгий Иванович Хатенов предложил направить туда ночью группу разведчиков. Они должны были укрыться в нагромождениях камней в стороне от дороги и целый день вести наблюдения, ничем не выдавая себя. На следующую ночь им предстояло вернуться на перевал. Дважды спускалась наша разведка в ущелье, и все стало ясным. Примерно на середине склона в скалах высоты 1360 находился заслон егерей численностью до взвода. Оказалось, что именно он вел с нами перестрелку, а в ночное время высылал в сторону перевала дозоры и освещал ледник ракетами. Внизу в ущелье, у самого основания высоты 1360, располагался немецкий лагерь, в гарнизон которого входило более роты солдат. На их вооружении было два миномета. Мы поняли, что этот лагерь и являлся ядром обороны участка. В предыдущих боях, когда гитлеровцы наступали на наш перевал, этот лагерь пополнялся свежими силами с перевала Клухор.

Благодаря полученным данным разведки у нас постепенно складывался план обходного маневра. Но решения командования все еще не было. В чем же была причина? Вскоре мы узнали, что именно в это время намечался отвод поредевшего в боях 121-го горнострелкового полка. Он с честью выполнил воинский долг: в самые трудные дни на Клухорском направлении он преградил путь немцам к морю, а затем вместе с другими частями повернул

их вспять. Теперь полк возвращался в Батуми в расположение своей 9-й горнострелковой дивизии. Мы даалеля, что не можем проститься с нашими боевыми товарищами, дружба с которыми сложилась еще во время горной подготовки. Горных стрелков сменял отдохнувший и доукомплектованный 815-й стрелковый полк. В такой обстановке предложенный нами план окружения егерей в теснине был, очевидно, несвоевременным. Но результаты проведенной разведки не пропали даром. Полученные сведения пригодились и в ходе продолжавшейся обороны, и позже, в период наступления.

На фронте в горах без существенных перемен

Обстановка в горах стабилизировалась. По всему было видно, что наступление на нашем участке в ближайшее время не планируется и что в связи с этим возможны какие-то перемены.

Так оно и случилось, причем долго ждать перемен не пришлось. Уже 29 сентября на перевал прибыл сменить меня капитан К. М. Авакян. Я сдал ему дела, а 1 октября меня вызвали в штаб 815-го полка.

На рассвете мы с Нурулиевым двинулись в путь. Тропинка, бежавшая по травянистым склонам, вывела нас к багряному осеннему лесу. Мы шагали, с удовольствием вдыхая пряный аромат опавших листьев. Навстречу нам поднимались подносчики: на перевале теперь находилось много людей и их надо было снабжать боеприпасами и продовольствием.

У выхода из ущелья Симли-Мипари, прежде чем перейти через наведенный здесь мостик над рекой Клыч, решили искупаться в чистых струях впадавшего в реку ручья. До чего же хорошо было здесь внизу! Мы соскучились по теплу и теперь с наслаждением купались в ручье.

На противоположном берегу появилась большая группа всадников. Они явно держали путь к штабу 815-го полка. Не иначе как прибыло какое-то начальство. Быстро закончив купание, мы тоже поспешили к штабу.

Действительно, среди прибывших был заместитель командующего фронтом генерал-майор И. А. Петров. Он возглавлял оперативную группу по обороне Главного Кавказского хребта при Закавказском фронте. Сейчас Иван Алексеевич лично знакомился с обстановкой на перевалах. Для встречи с ним и вызвали меня.

Генерал Петров подробно расспросил меня о делах нашего отряда. Его интересовало все, вплоть до особенностей рельефа в районе перевалов Клухор и Нахар. Воспользовавшись случаем, я изложил ему план окружения противника в теснине, о котором в свое время докладывал командиру дивизии и командиру 121-го

горнострелкового полка. Оказалось, что генерал уже слышал об этом. В беседе со мной он особо подчеркнул, что сейчас важно без особых потерь держать противника на занятых им рубежах до зимы, когда судьба перевалов и прилегающих к ним районов будет решена общими действиями наших войск на Кавказе.

Я выслушал Петрова, и все же мне казалось, что предлагаемые нами действия необходимы, что ценою малых потерь мы можем нанести существенный урон гитлеровцам, занять более выгодные позиции, столь необходимые на зимнее время, и снять с перевала у высоты 1360 свой гарнизон, содержание которого зимой будет связано с неимоверными трудностями из-за мороза и снежных лавин.

Генерал Петров ответил, что относительно предложенного плана окружения противника он еще посоветуется с командиром дивизии, от которого я узнаю окончательное решение.

Говорил я также о трудностях зимнего пребывания всех войск в горах, о необходимости создать службу предупреждения о лавинной опасности и разработать наставления по этому вопросу. Не забыл напомнить и о разборных домиках для высокогорных гарнизонов, о горных лыжах, снегоступах и другом снаряжении и обмундировании, а также об особом пайке для высокогорных гарнизонов.

- Всеми этими делами займутся альпинисты, - ска-вал генерал. - Для этого и собирают их сейчас при штабе Закавказского фронта в Тбилиси... Кстати, вас тоже отзывают туда...

Итак, мне предстояло выехать в Тбилиси. Но я мог тронуться в путь, только закончив все дела в дивизии. Кроме того, сам генерал Петров поручил мне ознакомиться с уровнем подготовки отдельного горнострелкового отряда, который только что прибыл в наше соединение. К тому же мне, признаться, не хотелось расставаться с родной 394-й дивизией, с ее замечательными командирами, со своим отрядом. Мне не хотелось уезжать отсюда, ведь здесь мы стояли насмерть... И все же предстояло уехать.

После многих тревожных дней на перевале дорога на лошадях до штаба дивизии показалась мне настоящим отдыхом. Ехали вместе с генералом. Он интересовался особенностями войны в горах, историей покорения вершин, деталями боевых действий отряда альпинистов, а также опытом горной подготовки 9-й и других горнострелковых дивизий Закавказского фронта.

Разговор наш незаметно перешел на дела сугубо мирные. Генерал, в частности, стал расспрашивать меня о моей довоенной профессии: он от кого-то слышал, что раньше я был геофизиком.

С большим удовольствием рассказывал я генералу о физике моря, физике атмосферы, о климате и погоде, о перспективах развития этих наук. Уже тогда я мечтал защитить диссертацию, мечтал работать над новыми проблемами науки об океане и атмосфере, грезил о новых экспедициях.

За разговорами мы быстро добрались до цели своего путешествия.

После доклада командиру дивизии я встретился с Николаем Гусаком. Он уже подлечился после трудного похода на хребет Клыч, и теперь его тоже отзывали из дивизии в Тбилиси. Ехать он должен был с генералом Петровым, которому предстояло следовать через Сухуми на эльбрусское направление, а уже потом - в Тбилиси.

Обстановка под Клухорским перевалом и на перевале Марух стала спокойнее. Теперь мне довелось ближе познакомиться с работниками штаба дивизии. Правда, многих из тех, кого я знал раньше, уже не было. Познакомился я и с новым работником штаба старшим лейтенантом Н. С. Златиным. Позже ему пришлось много заниматься делами наших горных подразделений на перевале у высоты 1360. Златин по профессии был художником, но после финской кампании стал кадровым военным. Даже на фронте пытался он рисовать. Златин хорошо знал русскую и зарубежную литературу. Вокруг него в часы короткого досуга охотно собирались командиры. Приятно было побывать в такой компании, поговорить на далекие от фронтовых дел темы, послушать стихи любимых поэтов, отдохнуть и вспомнить о доме.

Недолгим было мое пребывание в штабе: впереди ждали дела. 4 октября вместе с комиссаром дивизии П. Я. Сячиным мы поехали знакомиться с прибывшим к нам 1-м отдельным горнострелковым отрядом Закавказского фронта.

Отряд находился недалеко от штаба. Такие отряды появились на Закавказском фронте совсем недавно. Предназначались они для действий в высокогорной местности и должны были придаваться находившимся там частям или действовать самостоятельно, оставаясь в подчинении штаба 46-й армии. Всего было создано 16 отрядов. Каждый состоял из двух рот автоматчиков по 100 человек и одной пулеметно-минометной роты с приданными ей взводами саперов и противотанковых ружей. Общая численность каждого отряда составляла 300-320 человек. Укомплектовывались они альпинистами, присланными по указанию наркомата обороны или прибывшими для проведения горной подготовки, а также альпинистами из Закавказья. В отрядах имелись штатные инструкторы альпинизма.

Знакомясь с отрядом, я был поражен его блестящей экипировкой. Каждый боец имел все необходимое для боевых действий в горах: ледорубы, десятизубые "кошки", штормовые костюмы, спальные мешки, меховые жилеты, меховые носки, шерстяные и кожаные перчатки, подшитые валенки, лыжи с жестким креплением, снегоступы, рюкзаки, горнолыжные ботинки, лавинные шнуры, защитные очки. На каждое отделение в отряде имелись в соответствующем количестве альпийские веревки, горные палатки, спиртовые кухни, скальные и ледовые крючья, скальные молотки и другое необходимое снаряжение. На отряд полагалась одна вьючная кухня.

Личный состав носил и особую форму: командиры - двубортный китель, лыжные брюки, горные ботинки; солдаты - лыжную куртку, лыжные брюки, горные ботинки. Форма эта была удобна, универсальна и отвечала всем требованиям техники движения в горах.

Это были первые в Красной Армии первоклассные горнострелковые подразделения, ничем не уступавшие горнопехотным подразделениям, имевшимся в армиях других государств, и в частности в германской армии. Создание таких отрядов явилось осуществлением давней мечты советских альпинистов. Ведь еще до войны мы обучали нашу молодежь альпинизму под лозунгом: "Кто не растеряется в снежных горах, тот не струсит в бою".

Думаю, что именно здесь будет уместно хотя бы коротко рассказать об истории советского альпинизма.

Принято считать, что альпинизм как самостоятельный вид спорта зародился в конце XVIII века. Первое спортивное восхождение было совершено в 1786 году. Тогда на вершину Монблан поднялись М. Паккар и Ж. Бальма. Начало истории русского альпинизма связывают с первым восхождением на Эльбрус в 1829 году, о котором уже говорилось выше.

До революции горовосхождение как один из видов спорта было в России уделом одиночек.

Начало советского альпинизма принято относить к 1923 году, когда на вершину Казбека поднялся Г. Николадзе с группой в 18 человек. В сентябре того же года вершины Казбека достиг А. Дидебуладзе с группой из семи человек. Уже во время этих первых восхождений проявилась одна из основных черт советского альпинизма - массовость. Развитие альпинизма шло интенсивно. Вся организационная работа с огромным количеством спортсменов вначале была поручена Обществу пролетарского туризма и экскурсий, а позже отделам альпинизма, созданным во Всесоюзном комитете по делам физкультуры и

спорта при Совете Министров СССР и во Всесоюзном Центральном Совете Профессиональных Союзов. В 1936 году по решению Секретариата ВЦСПС при профсоюзах были образованы добровольные спортивные общества, в ведение которых перешли и все учебно-спортивные альпинистские лагеря.

Развитию альпинизма очень помогла спортивная общественность. При ее активном участии были созданы альпинистские секции на предприятиях, в воинских частях, в учебных заведениях, при добровольных спортивных обществах и комитетах физкультуры и спорта. При Всесоюзном комитете физкультуры и спорта была учреждена Всесоюзная альпинистская секция.

В этом проявилась вторая особенность советского альпинизма - его организованность.

Особенно интенсивно стал развиваться альпинизм в тридцатые годы. В горах работало много альпинистских лагерей и школ инструкторов. Ежегодно до пятнадцати тысяч спортсменов направлялось в высокогорные районы страны. К 1940 году в Советском Союзе насчитывалось более пятидесяти тысяч человек, сдавших спортивные нормы на значок "Альпинист СССР" 1-й ступени.

Энтузиазм советских альпинистов встречал широкую поддержку и одобрение. Постановление ЦИК Союза ССР о передаче альпинизма в ведение Всесоюзного комитета физической культуры и спорта свидетельствовало об общегосударственном значении альпинизма.

Альпинизм по праву называют спортом смелых, школой мужества. Штурмуя снежные вершины, человек закаляется физически, у него вырабатываются воля к победе, самоотверженность, дисциплинированность, высокое чувство коллективизма и взаимопомощи, без которых немыслимо заниматься этим видом спорта. Ведь жизнь человека, находящегося в горах, часто полностью зависит от товарища, идущего с ним в одной связке над бездной, а его собственные действия порой решают судьбу всей группы, всего коллектива спортсменов. И не случайно в стихотворении, посвященном армейскому походу в горы, поэт Виктор Гусев в то время писал:

Пусть проносятся с воем и ревом
Бесконечные полчища тьмы.
Крепче самых надежных веревок
Нашей дружбой связаны мы.

Величественная красота гор не может оставить человека равнодушным, не тронуть его сердца. Сергей Миронович Киров, побывавший на Казбеке и Эльбрусе еще до революции, писал:

"Какой простор!.. Какая очаровательная красота во всех этих гигантах, мощно возвышающихся к небу! Какое разнообразие цветов и тонов в этих скалистых утесах бесконечной цепи гор, теряющейся где-то далеко, далеко!.. Как глубоко все это трогает душу и сердце человека! Им овладевает такое чувство восторга, описать которое - свыше человеческих сил..."{11}

Высокогорный спорт не только воспитывает у человека волевые качества, развивает эмоциональное восприятие природы, умение понимать и ценить прекрасное, но и имеет большое военно-прикладное значение. Он позволяет приобрести знания, необходимые для понимания специфики военных действий в горах, и навыки для их успешного ведения. Об особенностях же горных войн свидетельствует богатый опыт истории, и в том числе знаменитые походы Суворова, Скобелева. Этот опыт показал, что людские потери в горах из-за естественных опасностей нередко превышали потери от огня противника. А знание особенностей гор позволяло использовать лавины и камнепады как оружие против врага. К слову сказать, специфика горных войн отмечалась многими историками и специалистами военного дела. О ней писал и Ф. Энгельс, посвятивший несколько работ анализу войн вообще и войн, протекавших в горной местности в частности. Все это и учитывалось при подготовке кадров Красной Армии.

В 1927 году группа курсантов Тбилисской военной школы под руководством В. К. Клементьева совершила восхождение на Казбек, а в 1928 году Клементьев возглавил группу курсантов, поднявшуюся на вершину Эльбруса.

Для широкого развертывания такой работы при Управлении физической подготовки РККА был образован Отдел альпинизма, а в горах созданы учебные базы Центрального Дома Красной Армии, где круглогодично организовывались походы к вершинам воинских групп и подразделений. Много сделали в то время для развития альпинизма заслуженные мастера спорта И. В. Юхин, П. С. Рототаев, мастера спорта В. Коломенский и Ю. Коломенский.

Наряду с развитием массового альпинизма совершенствовалось и мастерство советских спортсменов. К 1940 году на Кавказе были покорены почти все труднейшие вершины, причем на многие из них были впервые совершены восхождения по новым маршрутам. По сложности эти восхождения превосходили те, которые на Кавказе предпринимали прежде зарубежные мастера. И здесь опять проявилась одна из черт советского альпинизма - массовость. Например, на одну из труднейших вершин Кавказа - Ушбу, очень популярную и у зарубежных альпинистов, к 1937 году поднялось 57 советских

альпинистов.

К этому времени спортивные группы все чаще стали направляться на Тянь-Шань и Памир. На Памире дважды совершалось восхождение на высочайшую вершину Советского Союза - пик Коммунизма (высота 7495 метров над уровнем моря) и на пик Ленина (высота 7127 метров). На Тянь-Шане была покорена высочайшая вершина этой горной системы - Хан-Тенгри, достигающая 6995 метров. В этих районах удалось покорить также десятки других вершин, значительно превышающих

6000 метров. К 1937 году наши альпинисты вышли на первое место в мире по числу спортсменов, поднявшихся на вершины, превышающие 7000 метров.

Впервые в истории альпинизма в Советском Союзе начали совершаться восхождения на вершины зимой, когда использование альпинистской техники чрезвычайно усложняется суровыми климатическими условиями, присущими горам. Весьма популярными у наших альпинистов стали и зимние походы на лыжах через перевалы Кавказского хребта, требующие хорошего владения горнолыжной техникой и опыта организации бивуаков среди снега и льда. Зная все это, нетрудно попять, какое важное значение имел опыт зимних восхождений и перевальных походов, накопленный советскими спортсменами для ведения боевых действий в горах.

Альпинизм в Советском Союзе получил широкое развитие во всех республиках. Но особые усилия были, естественно, направлены на его популяризацию в горных республиках страны. Этой цели хорошо послужили массовые альпиниады, проведенные в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Казахстане.

Прошу прощения у читателей за довольно подробный экскурс в историю советского альпинизма. Но именно все эти факты вспомнились мне в далеком уже сейчас 1942 году на Кавказе, когда к нам на перевалы пришли отдельные горнострелковые отряды.

Такие отряды имели высокий уровень специальной подготовки и превосходное снаряжение. Однако их структура и вооружение нуждались еще в совершенствовании. Это подсказывал нам опыт горной войны. Например, одну роту автоматчиков явно следовало заменить стрелковой ротой, вооруженной карабинами и имеющей в своем составе снайперскую команду с соответствующим вооружением. Саперный взвод и взвод противотанковых ружей следовало заменить взводом разведки, укомплектованным альпинистами высокой квалификации, и специальным транспортным взводом.

Прибывший к нам в соединение 1-й отдельный горно-

стрелковый отряд был еще не обстрелян, и мы с комиссаром Сячиным решили просить командира дивизии послать людей поротно для боевой практики к высоте 1360. Именно там им предстояло самостоятельно действовать в недалеком будущем.

Командовал тогда отрядом капитан П. П. Марченко, комиссаром был старший лейтенант И. П. Голота, а начальником штаба - капитан В. Д. Клименко.

4 октября, закончив проверку, мы с Сячиным направились в штаб дивизии. Комиссар спешил, и, чтобы не петлять в темноте по узкой тропе, мы поехали по старой Военно-Сухумской дороге.

По обочинам дороги валялось не убранное еще после боев немецкое снаряжение и обмундирование. В сумерках очертания этих предметов казались загадочными. Они пугали лошадей, и те, храпя, шарахались в стороны. Из густого леса тянуло трупным смрадом. Бледный свет луны, с трудом пробивавший пелену облаков, и заунывные крики совы усугубляли и без того мрачную картину недавнего боя.

В штабе нас ждало печальное известие - на перевале у высоты 1360 погиб капитан Авакян. В связи с этим командир дивизии решил временно вновь направить меня на перевал. Чтобы оценить возможности окружения противника в теснине, со мной должен был поехать и Сячин.

На рассвете, захватив Нурулиева, мы с комиссаром направились в 815-й полк. Дальше пришлось добираться пешком: подъем на перевал был здесь слишком крут для лошадей.

Дождь, ливший всю ночь и все утро, наконец прекратился, шагать было не жарко, и мы всего за шесть часов подошли к перевалу.

Первым делом с Хатеновым и Сячиным направились на левый фланг обороны. Именно там находилось наиболее удобное место для захода в тыл противника. Выпавший недавно снег плотно накрыл не только все вершины вокруг, но и перевал. И хотя светило солнце, снег почти не таял, поэтому на перевале стало холодно. С высоты 1300, где еще приходилось держать заслон, бойцы спускались окоченевшими.

После детального осмотра местности все стало ясно для комиссара. Он одобрил наш план и обещал свою поддержку. Ему не потребовалось много времени, чтобы убедиться, как выгодна наша позиция для осуществления задуманного.

Сячин спешил в штаб дивизии и во второй половине дня с несколькими сопровождающими отправился в обратный путь.

На другой день на перевал поднялся начальник штаба 815-го стрелкового полка капитан Николай Георгиевич Каркусов. Его направили к нам для уточнения плана боевых действий.

Капитан расположился на левом краю гребня и с интересом наблюдал в бинокль за тем, что происходило внизу, в ущелье, занятом егерями.

В тот день у противника царило необычное оживление: некоторые егеря появлялись во весь рост над камнями морены, небольшая группа солдат возилась с рюкзаками, и было похоже, что они собираются спускаться вниз. По-видимому, пришла смена и часть заслона уходила в ущелье.

До егерей было метров четыреста. Над мореной неожиданно показался солдат. Я выстрелил из снайперской винтовки. Он неуклюже упал с камня. Потом на фоне светлых камней снова появился силуэт егеря, но после второго выстрела он быстро исчез. В прицел я видел, как в расщелине скал недалеко от того места, куда стрелял, показалась каска и блеснула оптика. Значит, вызвали снайпера. Бью по нему и вижу, как бронебойно-зажигательная пуля дает у самой каски яркую вспышку. Это очень удобный способ корректировать свою стрельбу. Каска исчезает, однако тут же появляется правее, но еще более осторожно. Бью опять. Снайпер нервничает: я не даю ему осмотреться и обнаружить себя. Из-за выступа скал левее кто-то бьет в нашу сторону. Не то снайпер уже успел перебежать, не то подошел второй. Но бьет, явно не видя меня, так как пули ложатся метрах в трех правее. Наша дуэль продолжалась минут десять - пятнадцать. Внизу никто из егерей больше не появлялся, и снайперы замаскировались довольно ловко, но меня они, вероятно, толком не разглядели...

Вскоре мы с Каркусовым уточнили на командном пункте вопросы взаимодействия с полком. План выглядел так: 120 человек во главе с лейтенантом Худобиным спускаются ночью на ледник и небольшими группами проникают в ущелье реки Клыч. Там они занимают оборону, перекрывая ущелье выше каменной глыбы, под которой расположен штаб вражеской части. По сигналу 60 из них наступают вниз по ущелью, а остальные предотвращают попытки немцев оказать помощь окруженным со стороны перевала Клухор. Одновременно снизу на теснину начинает наступление 815-й полк.

К началу этих событий рота егерей и заслон, охраняющие выход с нашего перевала, должны были оказаться выше бойцов, спустившихся в ущелье. Немцы могли парализовать их действия. Допускать этого было нельзя. Поэтому, чтобы устранить такую опасность, на отвесных стенах высоты 1360, обращенных к гитлеровцам, над расположением их роты намечалось заложить заряд аммонала, взорвать скалу и обрушить на лагерь егерей каменную лавину. Взрыв заряда аммонала должен был явиться и

сигналом к общему наступлению.

Однако каменная лавина, направленная на лагерь егерей, не могла причинить вреда их заслону, так как проходила в стороне. Для ликвидации этого заслона с перевала направлялась группа численностью 20 человек под командой сержанта Иванова. Сразу после взрыва скалы артиллерия полка должна была произвести короткий, но интенсивный огневой налет по теснине и по огневым артиллерийским и минометным точкам врага под высотой 1505.

На перевале в качестве резерва оставалось около двухсот человек под началом Хатенова.

После взрыва скалы я должен был спуститься в ущелье и присоединиться к Худобину, Командира группы в 60 человек, которой предстояло наступать вниз по ущелью, должны были прислать из 815-го полка.

Во второй половине дня капитан Каркусов вместе со мной поднялся на правый фланг нашей обороны, чтобы лучше разглядеть теснину.

В это время на перевал пришла одна из рот 1-го отдельного горнострелкового отряда. Ознакомившись с обороной, новички в течение суток дублировали действия бойцов нашего гарнизона на всех основных рубежах.

Разобравшись во всем, капитан Каркусов спустился вниз.

Пользуясь случаем, хочу сказать несколько слов об этом замечательном человеке. Николай Георгиевич Каркусов был кадровым военным. Нас восхищали выдержка, спокойствие и решительность, которые проявлял этот опытный командир в самых сложных ситуациях.

После событий на перевале я встретился с Каркусовым еще дважды. Первая встреча была печальной и произошла вскоре после того, как мы окружили егерей в теснине, а подразделения 815-го полка поднялись по ущелью выше теснины. Я шел как-то по дороге от штаба выерх по ущелью. Навстречу медленно двигалась группа солдат с носилками. "Кого несут?" - спросил я. "Капитана Каркусова", ответили бойцы и бережно опустили носилки на землю. Лицо Каркусова было желтое как воск, нос заострился. Морщась от боли, капитан открыл глаза и слабо улыбнулся, узнав меня, но тут же опять впал в забытье. Оказалось, что в бою на подступах к перевалу Клухор он был тяжело ранен.

Последний раз мы увиделись случайно в Тбилиси, куда меня перевели после завершения активных боев на перевалах Главного Кавказского хребта. Капитан выжил, но по состоянию здоровья его оставили в тылу, и он служил в горвоенкомате. Встреча была

теплой. Но вскоре я уехал из Тбилиси и больше ничего не слышал о судьбе капитана. А много лет спустя после войны с большим огорчением узнал из упоминавшейся мною книги Гнеушева и Попутько о том, что капитан Каркусов умер - рана, полученная под Клухором, постепенно подточила его могучий организм...

Но вернемся к событиям на перевале.

Ожидая приказа командира дивизии, мы продолжали готовиться к окружению противника в теснине.

Погода испортилась. Весь день 8 октября лил дождь. На перевале было спокойно. Это позволило укрыться от дождя под камнями и плащ-палатками. В полдень на смену первой роте 1-го отдельного горнострелкового отряда пришла вторая, и я провел инструктаж бойцов.

Ночью на перевал позвонил Сячин. Он передал, что командиру дивизии доложено о разработанном нами плане, что план одобрен и нам приказано окружить противника в теснине. Срок -11 октября. Сигнал к началу боя - взрыв скалы на высоте 1360 в 4 часа утра того же дня.

После завершения боя в теснине я должен был явиться в соответствии с приказом командира дивизии вначале в штаб 815-го полка, а затем для доклада в штаб дивизии. Худобин с бойцами переходил в прямое подчинение командира полка и вместе с присланным подкреплением должен был оборудовать на занятом рубеже долговременные оборонительные сооружения. Командиром гарнизона на перевале у высоты 1360 назначался Хатенов.

На подготовку к осуществлению нашего плана оставалось два дня. Теперь требовалось продумать все детали. В ночь на 9 октября наступило резкое похолодание. Продрогшие бойцы проснулись под слоем снега. Очень пригодилось тогда полученное нами теплое обмундирование.

На перевал доставили 100 килограммов аммонала. Его следовало заложить в скалы на высоте 1360. Но утро стояло ясное, и появляться на склоне, обращенном к егерям, да еще с таким грузом было рискованно. Чтобы отвлечь внимание егерей, организовали разведку по гребню к вершине Хакель, которая была хорошо видна с позиции противника. Разведку поручили группе наиболее сильных альпинистов из 1-го отдельного горнострелкового отряда.

Закладывать аммонал пошли лейтенант Худобин, я и четверо бойцов. Путь предстоял сложный, в рюкзаки положили только половину аммонала.

После полудня над ущельем появились густые облака. Они порой закрывали массив высоты 1360. Это облегчало выполнение

нашей задачи. Помогали и наши товарищи: те, что затеяли отвлекающую перестрелку с гитлеровцами на левом фланге, и те, что в составе разведки показались наконец на гребне горы Хакель.

Уложив в расщелины первую порцию аммонала, отправились на перевал за второй. Тут-то нас обнаружили егеря и открыли яростный огонь. К нашему счастью, ущелье начало заполняться облаками. Одно из них подплыло к вершине и скрыло нас. Воспользовавшись этим, мы отошли в безопасное место, а затем незаметно перетащили к месту взрыва остальную часть взрывчатки...

Выбравшись на гребень перевала, мы вдруг услышали беспорядочную стрельбу. Наш лагерь на перевале был чем-то взбудоражен. Вскоре мы разглядели горную козу - серну, появление которой всех переполошило. Испуганная перестрелкой, она очутилась на леднике между нами и фашистами. Те открыли бешеную пальбу. Серне некуда было податься. Она бросилась туда, где было тихо - на перемычку нашего перевала, и молниеносно промчалась мимо ошеломленных бойцов заслона, которые не стали стрелять по ней. Под улюлюканье и подбадривающие крики животное промчалось через лагерь, пересекло склон и скрылось в скалах. Долго потом обсуждали бойцы это неожиданное происшествие и, шутя, жалели, что прекрасный шашлык ускакал в горы.

Итак, все было готово для наступления. Аммонал заложен, бойцы проинструктированы, розданы снаряжение, боеприпасы и продукты. Оставалось только дождаться ночи. А то, что противник обнаружил нас на скалах, не вселяло никаких опасений. Вряд ли егеря могли догадаться об истинных целях нашей вылазки.

Поздно вечером к нам пришел лейтенант Воробьев с двадцатью подчиненными. Этому обстрелянному, опытному командиру предстояло возглавить бойцов, которые должны были наступать на теснину вниз по ущелью с тыла навстречу воинам 815-го стрелкового полка.

Разгром егерей в теснине

Завтра на рассвете бой. Весь день мы отдыхали, пили чай, попахивавший дымком. Воду кипятили на кострах - теперь мы не опасались разжигать их днем. А за дровами ходили в ближайший лес в ущелье Симли-Мипари. Погода была неустойчивой: над горами бродили низкие облака, небо то прояснялось, то сеяло на землю мокрый снежок. В лагере стояла необычная тишина. Каждый думал о предстоящем наступлении. Для всех нас - и тех, кто пойдет вниз, и тех, кто останется на перевале, - завтрашний бой явится решающим из всех боев за перевал, начавшихся почти

месяц назад... Судя по всему, мы покинем вскоре эти места, однако долго еще будем вспоминать наш перевал и высоту 1360 над ним...

В 23 часа бойцы подтянулись к гребню на левом фланге обороны. Я собрал командиров групп лейтенантов Хатенова, Воробьева, Худобина вместе, чтобы уточнить детали предстоящего боя. Бойцы, укрывшись в скальных выемках, докуривали последние закрутки. К месту, где заложен аммонал, заблаговременно отправили группу из трех человек. Они уверенно доберутся туда по оставленным на скалах приметным ориентирам. Связной вернется и доложит о прибытии подрывников к месту взрыва. В 4 часа утра прогремит взрыв...

Незадолго до полуночи возвратился связной. Он сообщил, что подрывники вышли к месту, где заложен аммонал, и готовы произвести взрыв.

С перевала по снежному кулуару спустились первые бойцы. Им надо было размотать веревку на всю длину, убедиться в безопасности и, закрепив веревку, принимать спускающихся товарищей, а затем размещать их в укрытиях, чтобы немцы, освещая местность ракетами, не обнаружили наших бойцов.

Для ускорения люди спускались вниз, держась за веревки всего в метре друг от друга.

Когда закончился спуск двух групп и бойцы во главе со своими командирами скрылись в темноте, ко мне подошел лейтенант Воробьев. Его отряду предстояло выполнить наиболее сложную часть задачи. Воробьев понимал это и перед уходом вынул из кармана и протянул мне заранее приготовленный пакет.

- В случае чего перешлите это родным, - тихо попросил он.

Я, конечно, взял пакет. Но мое место тоже было внизу. А потому, как только ушел Воробьев, я приложил к его посланию свое и передал все это Хатенову.

Вскоре спустили вниз группу, которой предстояло уничтожить заслон. Я вывел бойцов к исходному рубежу - под основание высоты 1360. Здесь всего метров 200 отделяло нас от передовых постов егерей. Идти надо было особенно осторожно, чтобы раньше времени не спугнуть их.

На перевал вернулся с Нурулиевым, который неотлучно следовал за мной. Когда мы начали подниматься, держась за веревку, сверху раздался условный свист. Наверху у веревки стоял поджидавший нас Хатенов (на случай вынужденного отхода веревки не поднимали). Пока все шло по плану. Помогала нам и ночная темень.

Началось томительное ожидание. Все, кто был в это время на перевале, напряженно вглядывались в темноту, пытаясь

представить себе, что происходит в ущелье.

Поскольку все шло нормально, я с Нурулиевым и еще с двумя бойцами спустился на ледник. Мы залегли в камнях морены, откуда можно было увидеть взрыв. Остались буквально секунды до четырех часов, и удары сердца словно отсчитывали их.

Ровно в четыре яркая вспышка, подобная очень близкой молнии, возникла над нами, осветив вершину с белыми прожилками снега на темных скалах. "Молния" на мгновение будто вырвала эту громаду из мглы, и тут же все исчезло вновь. Тьма после яркой вспышки стала еще непроглядней. Раздался страшный грохот. Эхо усилило его и повторило много раз. Нам казалось, что раскололись окружающие горы. Выбивая потоки искр при ударах друг о друга, с вершины в ущелье посыпались камни, образуя сплошную лавину. Непрерывно нарастая, она сметала все на своем пути. А ее огненный оток напоминал во тьме лаву, вырвавшуюся из кратера вулкана.

Сразу после взрыва 815-й полк начал интенсивный артиллерийский обстрел неприятеля.

Грохот и канонада затихли также неожиданно, как начались. Но долго еще летели с вершины камни, прочерчивая свой путь в ночи пунктиром искр. Из стана врага донеслись крики и беспорядочная стрельба.

В том месте, где находился заслон егерей (а мы теперь были ниже его), замелькали огоньки фонарей. Это небольшая цепочка немецких солдат стремительно двинулась вниз по морене. Бойцы ударили по ним из автоматов.

Внизу, куда спустились группы Худобина и Воробьева, было пока тихо. Оттуда доносился лишь тяжелый топот. Это бойцы Худобина шагали к каменной глыбе, где по нашему предположению находился немецкий штаб.

Отряд Воробьева устремился к теснине. Позже мы узнали, что по пути он столкнулся с остатками немецкого гарнизона, уничтоженного лавиной под высотой 1360. Уцелевшие егеря пытались выйти на дорогу. В темноте разгорелся яростный бой. Только небольшой части егерей удалось пересечь ущелье и потом вместе с теми, кто уцелел в теснине, отойти на перевал Клухор. Воробьев ворвался с отрядом в теснину. После взрыва скалы гитлеровцы, не приняв боя с частями 815-го стрелкового полка, стали отходить. Но путь им преградил отряд Воробьева. В завязавшемся ближнем бою десятки гитлеровцев были убиты, двенадцать человек сдались в плен. Но все же небольшой группе егерей удалось вырваться на склоны перевала Нахар и высоты 1505.

Мы поспешили вниз и вскоре присоединились к отряду

Худобина, перекрывшему дно ущелья и приготовившемуся к бою. Самого Худобина я разыскал за большим камнем у самой реки и прилег рядом. Тут же пристроился и Нурулиев.

Сзади раздалась интенсивная перестрелка. Видимо, это встретил противника отряд Воробьева. У каменной глыбы, куда направилась часть бойцов Худобина, все было тихо. И они вскоре вернулись назад. Оказалось, что у глыбы находилось всего несколько егерей, которые поспешно скрылись в темноте. Свой штаб фашисты, судя по всему, успели эвакуировать.

Начинало светать, и мы с тревогой поглядывали назад и вверх - туда, где находился вражеский заслон. Если там уцелели солдаты, то мы здесь, внизу, окажемся незащищенными от их огня.

Вскоре впереди, со стороны перевала, показалась густая цепь немецкой пехоты. Солдаты шли во весь рост. Наши залпы заставили их залечь. Началась перестрелка. Фашисты прощупывали нас, так как не знали наших сил. Потом передние егеря поднялись и перебежками от камня к камню двинулись на нас. Мы энергично отстреливались из автоматов, винтовок, пулеметов, открыли огонь и из ротного миномета. Меня беспокоило только одно: удар сверху. Но там было все спокойно.

Кто-то окликнул меня. Оказалось, к нам подошла группа, отправленная для уничтожения заслона. Как только грянул взрыв, бойцы бросились к месту расположения заслона. Однако в темноте невозможно было быстро передвигаться по скалам и среди трещин ледника. Со стороны врага ударило несколько выстрелов. Когда наши бойцы выскочили на площадку, где располагался заслон, там уже никого не было. Гитлеровцы в панике бежали. Об этом свидетельствовало брошенное имущество: палатки, спальные мешки, шинели, брюки, ботинки, альпинистское снаряжение, продукты, боеприпасы, оружие...

Между тем на позициях, где залегли мы с Худобиным, перестрелка усилилась. Немцы короткими перебежками упорно приближались к нам и начинали группироваться слева, под большим камнем, видимо, затевая какой-то маневр. Вскоре оттуда выбрались несколько егерей и стали осторожно подниматься на склон. Не иначе как решили обойти наш левый фланг. Я сказал об этом Худобину и с группой бойцов подался влево. Два вражеских солдата, пробежав несколько метров в нашем направлении, быстро скрылись за камнями. Я взял у Нурулиева снайперскую винтовку и приготовился к стрельбе. В оптический прицел вижу: выскочил ефрейтор. Выстрелил. Ефрейтор на четвереньках попятился обратно. Но из-за камня тут же показался его напарник. После моего выстрела скрылся и он. Я

продолжал наблюдать за группой, пытавшейся обойти нас. Еще один егерь решил перебраться от камня к камню, но после моего выстрела безжизненно распластался на земле.

На этом попытки гитлеровцев прекратились, но они еще долго следили за нами из-за камней, а мы методически стреляли. Такая "профилактика" держала егерей в скованном состоянии, и они вскоре совсем отказались от своего первоначального намерения.

Было далеко за полдень, когда стрельба в теснине затихла. Отряд Воробьева сделал свое дело, думали мы. но сведений от него не поступало. Устали егеря, не добившиеся никакого успеха. Устали и мы. Перестрелка прекратилась, мы принялись улучшать свои укрытия.

Вскоре сюда должны были подойти подразделения 815-го полка для организации рубежей долговременном обороны: дальнейшее наступление на перевал Клухор в ближайшее время не планировалось.

Я уже упоминал, что после операции в теснине должен был срочно вернуться в штаб дивизии. Времени было в обрез, и мне, к сожалению, не удалось даже побеседовать с альпинистами, порадоваться вместе нашей удаче.

Простившись с Худобиным и бойцами, мы с Нурулиевым двинулись в сторону теснины.

На горы надвинулись тяжелые слоистые облака, которые как бы срезали вершины. Нижняя граница облаков протянулась ровной чертой по склонам. Облака закрыли перевал Клухор, опустились и у высоты 1360. От этого в ущелье преждевременно наступили сумерки.

Сначала осторожно за камнями, а потом смелее, во весь рост, мы стали отходить в сторону теснины. Нам казалось, что уже миновали зону обстрела и потому шли по широкой тропинке не опасаясь. В это время облака немного поднялись над горами, и в ущелье посветлело. За разговором мы не обратили на это внимания. Но вдруг засвистели пули, взрыли землю под ногами, застучали по камням. Кубарем оба скатились под невысокий берег реки и замерли в ожидании второй очереди. Нурулиев оказался в воде и решил перебежать на другой берег. Не успел он добраться до середины разлившегося потока, как над ним со свистом пронеслась еще одна стайка пуль.

Я попытался определить, откуда ударила очередь. Видимо, нас заметили. Двигаться дальше стало рискованно.

На повороте дороги, ведущей к перевалу, я заметил людей. "Наверное, это и есть та огневая точка, которую мы видели с перевала, - подумал я. - До сих пор ее закрывали облака, сейчас

они поднялись немного выше. Придется подождать может, снова облака закроют пулемет врага!" Желание мое сбылось. Облако, похожее на косматую лапу, стало медленно опускаться и вскоре накрыло немецкую огневую точку густой серой кисеей.

Я попробовал пошевелиться -тишина. Поднял пилотку на дуле карабина - никто не реагирует. Убедившись в этом, бегом перемахнул через поток и бросился к заранее намеченному камню. Ко мне присоединился и Исмаил Нурулиев, Вражеские пулеметчики молчали. Мы не стали терять времени и, часто оглядываясь на спасительное облако, побежали в сторону теснины, склоны которой вскоре надежно укрыли нас.

Здесь парила тишина, только Клыч шумел глубоко под нами, упорно роя каменистое ущелье. Первое, что мы увидели, были недавно оставленные противником огневые позиции, трупы егерей, их оружие, снаряжение. В середине теснины мы встретили бойцов одного из подразделений 815-го полка, направлявшихся к отряду Худобина. От них узнали, что отряд Воробьева находится уже в расположении штаба полка.

Вскоре мы с Нурулиевым тоже пришли в полк. Вместе со всеми разделили радость победы. Результаты боев были весьма убедительными: около ста убитых немецких солдат и офицеров, 12 пленных, богатые трофеи. А главное - мы улучшили свои позиции, что было особенно важно в связи с приближением зимы.

Той же ночью мы с Исмаилом вернулись в штаб дивизии. После моего короткого доклада начальник штаба разрешил мне отдохнуть. Я не спал двое суток и теперь едва держался на ногах. Исмаил Нурулиев, не менее измученный, чем я, уже поставил нашу палатку, и мы оба заснули богатырским сном.

Почти неделю находился я в штабе: рассказывал о всех деталях событий на перевале под высотой 1360, составлял описание перевала Клухор и ближайших к нему ущелий, занимался делами 1-го отдельного горнострелкового отряда, который еще находился при штабе дивизии (вскоре его должны были придать 815-му стрелковому полку).

Я уже совсем собрался уезжать и ждал только попутного транспорта, но новые дела задержали меня в 394-й дивизии.

Погода неожиданно и резко изменилась. Начался снегопад, продолжавшийся целых три дня. В этих условиях прежде всего следовало обеспечить безопасность людей и отвести в ущелье стоявшие на склонах и гребнях подразделения. Бойцы со склонов Нахара, невдалеке от которого находился штаб полка, уже спустились, а отряд Хатенова все еще оставался на перевале у высоты 1360. Телефонная связь с ним была прервана, и передать приказ об отходе не удалось. А между тем отряду Хатенова

грозила большая опасность: после снегопада стала реальной возможность схода лавин, ожидалось также значительное понижение температуры.

Командир дивизии поручил мне взять в 815-м полку группу бойцов, захватить теплое обмундирование и идти к Хатенову, чтобы передать приказ о спуске.

Легкой теплой одежды в полку не оказалось. Пришлось взять с собой ватники, полушубки, валенки и с этим грузом подниматься на перевал через ущелье Симли-Мипари.

Это был трудный поход. Пока мы двигались по лесной тропе, сыпал густой снег вперемежку с дождем. Промокли наши плащ-палатки, начала промокать одежда, не говоря уже о грузе, который мы несли для бойцов Хатенова.

Миновав лес и заросли кустарника, мы вскоре застряли в снегу у начала подъема на крутые склоны. Снег местами доходил здесь до пояса. У нас, правда, было две пары лыж, но они оказались бесполезными, так как снег был очень рыхлый. Пришлось часто менять впереди идущих бойцов, которые пробивали тропу. Склон впереди нас был покрыт толстым слоем снега, который мог в любую минуту сорваться вниз, а потому нужно было как можно скорей миновать опасный участок.

Чем выше мы поднимались, тем становилось холоднее. Двигались очень медленно - проходили не более 200 метров в час. А мороз все крепчал. У многих бойцов стали терять чувствительность пальцы на ногах. Одежда на людях заледенела. Я понял, что, даже если мы к ночи доберемся до перевала, нам не избежать потерь. О том, что ночь может застать нас на склоне, было страшно подумать...

Перевал уже можно было разглядеть, но путь к нему предстоял еще долгий и опасный. Я поднес к глазам бинокль и заметил словно какое-то движение под перевалом. Присмотрелся внимательней - вроде бы начала двигаться гряда камней ниже гребня. Такое может показаться в горах, когда над склоном проплывает пелена прозрачных облаков. Но в данном случае было что-то другое. Протер окуляры. Снова приник к биноклю... Цепочкой, друг за другом, чтобы не вызвать лавину, вниз шли бойцы отряда Г. И. Хатенова.

Радость, охватившую нас при встрече, я описать не могу. Хатенов рассказал, что всю прошлую ночь на перевале бушевала метель, и к утру лагерь оказался погребенным под толстым слоем снега. И хотя несколько бойцов получили обморожения, Георгий остался на перевале, так как не поступил приказ отходить. Опасаясь лавин, он не решился и посылать бойцов в полк для связи.

Заметив нас, Хатенов правильно оценил обстановку и без колебаний начал спускаться со своими людьми. Этим он спас и нас, и свой отряд.

До леса мы шли осторожно, помня об опасности появления лавин, а дальше до поляны, где находился медсанбат, буквально мчались.

Вскоре всех разместили в землянках, в палатках у жарких печей, у костров, а тем, кто получил обморожения, была оказана необходимая медицинская помощь...

* * *

После описанных событий на Клухорском направлении, после походов с отрядом альпинистов я хорошо понял особенности боевых действий в горах, значение в горной войне обходных маневров.

Опыт боев в высокогорных районах, полученный в годы Великой Отечественной войны, показал, что не только обход оборонительных рубежей противника, всегда возможный для специальных альпинистских отрядов, но и захват склонов, гребней и вершин, господствующих над участком его обороны, создает преимущества наступающим. Накапливая позиционное превосходство, начиная с дальних подступов к обороняемому врагом рубежу, можно обеспечить это превосходство в период решающего удара у главного участка, на котором сопротивляется неприятель. Отсюда следует, что и оборона в горах может быть успешной только в том случае, когда она активна и включает в себя отдельные вспомогательные наступательные операции, парализующие инициативу врага.

Об использовании в горах стрелкового оружия я уже говорил. Некоторые особенности присущи и действиям авиации. При бомбардировке, например, необходимо учитывать рельеф местности в районе цели, иначе эффективность бомбежки может оказаться незначительной. Штурмовая авиация должна непременно учитывать, что объекты ее атак могут находиться на крутых склонах и даже на дорогах, проложенных по карнизам на отвесных скалах, и в зависимости от этого применять различные способы атак.

Борьба с авиацией в горах также необычна. Зенитные орудия, например, практически бессильны против самолетов, летящих ниже позиций, где установлены орудия, что в горах вполне возможно.

Одним словом, все, о чем говорилось выше, свидетельствует о необходимости специальной подготовки всех видов войск к боевым действиям в горах.

Зима в горах

На другой день после описанных событий я вернулся в штаб дивизии, который обосновался теперь поблизости от входа в ущелье Секен, куда лишь ненамного не доходили автомашины. Наш отряд был расформирован. Его заменил 1-й отдельный горнострелковый. Георгий Иванович Хатенов возвратился в родной кавалерийский полк.

Зима наступила в горах неожиданно. Снег лег на густую траву, хотя с деревьев еще не опала листва. Холода принесли много неприятностей войскам, и особенно высокогорным гарнизонам. Но дело было не только в морозе. Очень усложнилось сообщение с войсками и их снабжение.

В штаб дивизии стали поступать сведения о засыпанных лавинами землянках, о погибших в лавинах людях.

С передовой докладывали, что у противника наблюдается та же картина. Однажды целый взвод егерей, пересекавший склон недалеко от перевала Клухор, был сметен лавиной, вызванной их передвижением. Позднее мы узнали, что так же, как у нас, обстояло дело и на всех других перевалах Главного Кавказского хребта. Особенно существенны были потери от мороза и лавин в первый месяц после выпадения снега: люди не успели приспособиться к новым условиям, да и сама опасность лавин всегда очень велика именно в начале зимы.

На перевале Донгуз-орун огромной снежной лавиной был снесен отряд в составе сорока шести бойцов и командиров, двигавшихся с грузом боеприпасов и продуктов. Двадцати шести бойцам удалось, хотя и с большим трудом, самостоятельно высвободиться из-под снега, а остальные остались в снежном плену. И произошло это потому, что спасшиеся не знали правил розыска людей, погребенных лавиной. Не обнаружив никого из товарищей на поверхности, уцелевшие бойцы вернулись в часть и сообщили о трагедии. Прибывший на место падения лавины спасательный отряд во главе с альпинистами откопал почти всех погребенных. Но помощь пришла слишком поздно... И подобных потерь в тот период было немало.

Встревоженный сложившейся ситуацией, командир дивизии поручил мне проинспектировать все части, дислоцированные

выше штаба по направлению к Клухорскому перевалу. Требовалось оценить степень лавинной опасности в районе расположения этих частей и в случае необходимости передислоцировать их в другой район. Кроме того, предстояло произвести маркировку дороги на этом участке: указать опасные места, направления возможного схода лавин, наметить безопасные пути обхода. В мою задачу входили и беседы с личным составом о лавинной опасности, о способах постройки снежных пещер и укрытий от ветра и мороза, об утеплении землянок с помощью снега, а также о мерах, предупреждающих обморожения.

На задание отправился с неизменным моим спутником Нурулиевым. Обстановка, с которой я столкнулся в войсках, была везде примерно одинаковой: мороз и лавины угрожали многим частям и подразделениям. Пришлось принять ряд мер, предотвращающих гибель людей в сложившейся обстановке.

...На передовой, в низкой пещере командного пункта 815-го полка командиры и отдыхающие бойцы сидели согнувшись. Под ногами почти везде лежал снег. Каменный потолок заиндевел, и с него непрерывно капало. Обогревалось это убежище маленьким камельком. И все же здесь было лучше, чем на перевале под высотой 1360, который, кстати сказать, был виден отсюда. Там клубились облака и бушевали вздымаемые ветром снежные вихри...

Ознакомившись с состоянием нашей обороны на подступах к Клухорскому перевалу, я в конце октября вернулся в штаб дивизии, доложил о проделанной работе, написал отчет и стал собираться в Тбилиси в штаб фронта.

Заоблачный фронт

Бои на перевалах Кавказа

Прежде чем коротко рассказать о своей службе в штабе Закавказского фронта, хочу хотя бы в общих чертах познакомить читателей с обстановкой на других участках высокогорного фронта. Это позволит лучше понять и оценить значение и взаимосвязь боев в районе Клухорского перевала с обороной всего Главного Кавказского хребта, а также роль этих боев в общей битве за Кавказ.

Боевые действия на участке от Марухского перевала в сторону Туапсе до перевала Псеашха совпадали по срокам с боевыми действиями на Клухорском направлении и были сходны в общих чертах по характеру происходивших событий. Те перевалы, которые гитлеровцам удалось занять летом, были освобождены советскими войсками осенью или в самом начале зимы.

Не сумев прорваться в Закавказье в районе Новороссийска, противник трижды пытался осуществить этот прорыв через хребет в районе железной дороги, идущей в Туапсе. Третья попытка была предпринята в период & 25 сентября по 23 октября 1942 года. При этом гитлеровцы использовали части 1-й и 4-й горпопехотных дивизий, переброшенные сюда из районов Клухора и Эльбруса. Перейдя хребет и подойдя к ущелью реки Туапсинка, фашисты оказались в 30 километрах от Туапсе. Но были здесь остановлены, а затем и изгнаны за пределы хребта на север. Итак, эта последняя попытка гитлеровцев прорваться через Кавказский хребет к морю также закончилась неудачей.

Переброска частей 1-й и 4-й горнонехотных дивизий из районов Клухора, Маруха и с других перевалов этой части Кавказского хребта на туапсинское направление подтверждала и то, что егеря, остановленные нашими войсками на южных склонах этих перевалов, отказались от дальнейших попыток прорваться в районе Сухуми к морю.

Об этом свидетельствуют и мемуары уже известного читателям генерала Р. Конрада:

"...18 сентября я поставил задачу командиру 4-й горнопехотной дивизии генерал-лейтенанту Эгельзееру на оборону западного нагорья Кавказа. (Район Туапсе. - А. Г.)

Дивизия под командованием Ланца, скомплектованная из солдат и офицеров 1-й и 4-й горпопехотных дивизий, продвигалась несколькими походными колоннами и 19 сентября вышла в район Майкопа...

В течение последующих дней я проводил рекогносцировку местности на автомашине, с самолета и пешком. Здесь Западный Кавказ выглядел совсем иначе..."

Все действия гитлеровцев, направленные на прорыв через Кавказский хребет к морю, были единой операцией. Они развернулись на туапсинском и Клухорском направлениях. Но главной задачей все же являлся прорыв непосредственно на Туапсе.

Противник понимал, что без успеха под Туапсе продвижение его войск через Клухорский перевал по Военно-Сухумской дороге могло привести к гибели передовых частей, так как обеспечить их действия всем необходимым в условиях наступающей зимы было невозможно.

Опасность изоляции войск 49-го горнопехотного корпуса противника стала очевидной вскоре после перехода гитлеровцев через Клухор, когда они были остановлены у селения Генцвиш.

Именно в связи с этим Р. Конрад писал: "С некоторых пор Гитлер находился в своей ставке в Виннице.

В ходе ежедневных обсуждений обстановки он с удовлетворением отмечал успехи горнопехотного корпуса и приказал передать свое одобрение фельдмаршалу (Листу. - А. Г.). Но в тот день фюрера обуяло беспокойство. Это случилось на четвертый день после падения Клухорского перевала. 1-я горнопехотная дивизия вела бои в 15 километрах южнее Кавказского хребта в районе Гвандры с целью овладеть южным выходом из долины, а 4-я горнопехотная дивизия только еще подходила к перевалу..." (Перевал Марух.-А. Г.)

Боевые действия в районе Эльбруса были тесно связаны с боевыми действиями на Клухорском направлении.

Заняв Армавир, Черкесск, Минеральные Воды, гитлеровцы, как уже отмечалось, двинулись на перевалы. От их войск, направлявшихся на Клухор, отделилось несколько подразделений. Они направились в верховье реки Кубань и дальше на перемычку, соединяющую массив Эльбруса с Главным Кавказским хребтом, то есть на перевал Хотю-тау. Через него гитлеровцы надеялись проникнуть в Баксанское ущелье в Кабардино-Балкарии. Требовалось это и для прикрытия левого фланга их войск, наступавших через Клухорский перевал.

После падения Нальчика по Баксанскому ущелью отходили советские части, направлявшиеся через перевалы Донгуз-орун и Бечо в Сванетию, в Закавказье. Через эти же перевалы эвакуировались жители ущелья, Тырныаузский молибденовый комбинат, перегонялись огромные гурты совхозного скота.

Именно поэтому противника интересовал и сам массив Эльбруса, господствующий над верховьем Баксанского ущелья, а также над перевалами Донгуз-оруи, Бечо, Чипер-Азау и Хотю-тау. И хотя стратегического значения Эльбрус, конечно, не имел, однако противник, заняв его, все же получал определенное тактическое преимущество. Интересовала фашистское командование и вершина Эльбруса - высочайшей горы Кавказа. На вершину было запланировано восхождение. Цель этого восхождения заключалась прежде всего в том, чтобы поднять престиж гитлеровской армии в глазах союзников Германии и ободряюще воздействовать на свои войска, охваченные тревогой после начавшихся военных неудач.

Восхождение на вершину Эльбруса требовало определенных знаний и опыта. Поэтому впереди основных сил противника, двинувшихся после взятия города Микоян-Шахар (ныне Карачаевск) в направлении Эльбруса, шел специальный отряд, составленный из альпинистов 1-й и 4 и горнопехотных дивизий 49-го горнопехотного корпуса. Командовал этим сводным отрядом капитан Грот.

В то время в верховьях Баксанского ущелья находились небольшие подразделения нашей 63-й кавалерийской дивизии. Основные силы ее располагались по другую сторону хребта, в Сванетии. Командовал соединением генерал-майор К. Р. Белошниченко. В его распоряжение Военный совет 46-й армии направил альпинисте" Л. П. Кельса и Ю. Н. Губанова.

Кавалеристы периодически поднимались на склоны Эльбруса - на туристские базы "Кругозор" и "Новый Кругозор", расположенные на высоте 3200 метров над уровнем моря. Старый путь представлял собой вьючную тропу. По новой дороге до "Нового Кругозора" и по промежуточной к "Приюту Одиннадцати" - "Ледовой базе" мог подняться трактор. Все базы на Эльбрусе были законсервированы, а на "Приюте Девяти" продолжала работать метеорологическая станция. Там было четыре сотрудника: два метеоролога и два радиста, у которых и останавливались иногда бойцы из состава 63-й дивизии. В горно-спортивной базе ЦДКА, расположенной на поляне Азау, где летом 1941 года начали проводить сборы по горной подготовке командиров Красной Армии, находились 20 средних командиров из Бакинского пехотного училища, прибывшие на сборы.

Некоторые из законсервированных альпинистских лагерей Приэльбрусья были открыты вновь, в них велась горная подготовка допризывников Кабардино-Балкарии. В лагере "Рот Фронт" у селения Тегенекли работали инструкторами А. И. Сидоренко, Г. В. Одноблюдов и другие альпинисты-профессионалы.

Перевалы Хотю-тау, Чипер-Азау в этом горном узле никем не охранялись, и поэтому гитлеровцы беспрепятственно вышли на них 15 августа 1942 года. Видимо, капитан Грот и его офицеры знали географию этого района.

В ночь на 17 августа отряд немецких военных альпинистов отправился с перевала Хотю-тау на склоны Эльбруса к "Приюту Одиннадцати" и к метеорологической станции. Здесь в то время находились начальник станции А. Ковалев, его жена - метеоролог З. Ковалева и радист Я. Кучеренко. Второй радист станции В. Кухтин отправился по делам в Баксанское ущелье. Метеорологи продолжали вести наблюдения и ждали указаний из Пятигорска, так как обстановка становилась все более тревожной.

Рано утром 17 августа они увидели поднимавшихся со стороны "Старого Кругозора" нескольких наших бойцов. Это была группа разведки. Около 10 часов, когда зимовщики и разведчики расположились позавтракать на скалах у станции, они заметили, что с перевала Хотю-тау движется колонна вражеских солдат. Часть из них направилась к "Старому Кругозору", другая - к

"Приюту Одиннадцати". Когда егеря скрылись за ближайшим склоном, метеорологи и бойцы, учитывая неравенство сил, решили спуститься в Баксанское ущелье, захватив с собой наиболее ценное оборудование. Их союзниками оказались облака, прикрывшие склоны. Люди вошли в облака и двинулись вниз, в обход "Старого Кругозора", не замеченные егерями.

Вскоре егеря достигли "Приюта Одиннадцати". А отсюда 21 августа группа немецких солдат под командованием капитана Грота поднялась на вершину Эльбруса. Этот факт преподносился во всех гитлеровских газетах и по Берлинскому радио как "покорение Кавказа и его народов". Военных альпинистов сделали в Германии национальными героями. Их показывали в выпусках кинохроники, их портреты печатали на страницах газет и журналов. Капитан Грот был награжден "Рыцарским крестом", каждый из его подчиненных - "Железным крестом".

1 сентября 1942 года газета 1-й немецкой танковой армии, сильно преувеличивая трудности этого, по сути дела, летнего восхождения, хвастливо сообщила, что отряд под командованием капитана Грота в бушующую снежную бурю водрузил на Эльбрусе военный флаг я вымпел дивизии "Эдельвейс". Много хвалебных статей в адрес участников восхождения было опубликовано на Западе и после войны.

Следует сказать, что материалы, посвященные выходу противника на южные склоны Эльбруса и восхождению на его вершину, опубликованные печатными органами многих стран в годы войны и после нее, были разноречивы, неточны, а порой просто походили на небылицы.

Когда на перевале Хотю-тау сосредоточилась значительная часть 101-го егерского полка с артиллерией и минометами, противник занял "Ледовую базу", "Кругозор", "Новый Кругозор" и перевалы Чипер-Азау, Чипер-Карачай и Басса. На самом "Приюте Одиннадцати" собралось 120 егерей с минометами и горной артиллерией. На вновь запятых базах и перевалах располагались силы от взвода до одной-двух рот. Эти базы, кроме "Приюта Одиннадцати", находились примерно на одной высоте, но были разделены глубокими ущельями. Перевал Чипер-Азау существенного значения для развивающихся военных действий не имел. Ущелье реки Ненскрыры за перевалом Чипер-Азау вело на ингурскую дорогу, соединяющую Верхнюю Сванетию с побережьем Черного моря. Но это лесистое ущелье не имело сквозных троп и было трудно проходимо даже для мелких групп.

Взятие перевала Чипер-Азау было важно по другой причине. Сразу за ним начинался путь на перевал Басса, расположенный на боковом хребте, разделяющем ущелье Ненскрыры и реки Накры.

По ущелью Накры шла хорошая тропа с перевала Донгуз-орун в Сванетию. Овладев же перевалом Басса, фашисты могли угрожать тылам советских войск, оборонявшим Донгуз-орун, так как основные силы 63-й кавалерийской дивизии находились тогда далеко внизу по ущелью Накры. К счастью, противник, видимо, недооценил в то время значение этого перевала. Действия егерей были нерешительными и при наступлении со склонов Эльбруса в верховье Баксанского ущелья. Захвати они его и перевал Басса, сразу были бы закрыты выходы через перевалы Донгуз-орун и Бечо.

Главной базой противника в этом районе стал перевал Хотю-тау. Немцы начали активно укреплять свои рубежи, ведя одновременно разведку по склонам восточных отрогов Эльбруса параллельно Баксанскому ущелью. Через эти отроги со стороны пятигорья можно было проникнуть в среднюю часть Баксанского ущелья, что существенно осложнило бы положение наших войск. Но серьезных попыток для этого противник, к счастью, так и не предпринял.

В сторону пятигорья направлялись для разведки специальные отряды войск НКВД, в составе которых находились альпинисты Л. С. Кропф, В. П. Никитин, К. В. Федоренко, В. Л. Ломако, Х. Ч. Залиханов, А. И. Сидоренко.

Лишь укрепив перевалы и базы на Эльбрусе, гитлеровцы впервые попытались спуститься в Баксанское ущелье. Случилось это 18 августа 1942 года. Отряд егерей напал на селение Терскол, которое обороняли 20 командиров из Бакинского пехотного училища. Пятеро из них погибли в бою. Фашисты, потеряв 12 солдат, отошли на склоны Эльбруса.

Сейчас на месте боя над братской могилой командиров-бакинцев установлен обелиск.

Действия противника встревожили командира 214-го полка 63-й кавалерийской дивизии. В Терскол были присланы эскадрон кавалеристов и два взвода войск НКВД. А сам 214-й полк срочно приблизился к подступам на перевал Донгуз-орун с юга. Эскадрон возглавлял старший лейтенант М. И. Максимов, общее командование частями в этом районе осуществлял майор П. И. Ромазов.

Именно в те дни в 63-ю кавалерийскую дивизию прибыли из штаба 46-й армии альпинисты младшие лейтенанты Леонид Павлович Кельс и Юрий Николаевич Губанов. Кельса командир дивизии направил в 214-й полк под перевал Донгуз-орун, а Губанова - на перевал Бечо. Позднее Кельса перевели в Терскол.

Здесь, на месте, майор Ромазов с помощью Кельса, отлично знавшего местность, разработал план наступательных действий

на склонах Эльбруса. В первую очередь было намечено выбить егерей с базы "Новый Кругозор", Опираясь на "Новый Кругозор", можно было наступать на "Ледовую базу" и далее на "Приют Одиннадцати". После этого открывалась возможность для наступления на "Кругозор", а также на перевалы Хотю-тау и Чипер-Азау. Наступать предстояло по очень сложному рельефу снизу вверх, В связи с этим планировались и фланговые удары по тропам, и заходы в тыл противника на господствующие высоты. Самым трудным являлся участок наступления на "Приют Одиннадцати". Подразделениям надо было двигаться по снежным полям, где негде было укрыться от вражеского огня. Задача осложнялась еще и тем, что наступать предстояло на высоте от 3300 до 4500 метров над уровнем моря.

Экипировав свой отряд альпинистским снаряжением, Кельс подготовил людей к походу. Пока разведчики дивизии под командованием лейтенанта И. Г. Григорьянца проводили разведку базы "Кругозор", отряд Леонида Кельса направился на перевал Басса. Дело в том, что 24 августа он получил от командира 214-го кавалерийского полка майора С. И. Степанова приказ выбить противника с этого перевала, откуда гитлеровцы обстреливали наши вьючные караваны, двигавшиеся по ущелью Накры из Сванетии к перевалу Донгуз-орун, и могли выйти в тыл советских войск. Попытки выбить егерей с перевала Басса наступлением в лоб из ущелья Накры оказались неудачными.

Утром того же дня Кельс повел людей на перевал Басса по хребту от перевала Донгуз-орун, чтобы оказаться выше егерей.

Вот что позднее рассказал Леонид об этих коротких по времени, но очень важных в тот период боевых действиях.

Вечером 24 августа, продвигаясь по хребту в сторону перевала Басса, отряд альпинистов подошел к снежной части хребта, ведущей непосредственно к перевалу. Еще перед ночевкой Кельс послал донесение в полк с просьбой начать в 11.00 демонстрацию наступления на перевал из ущелья Накры.

Следующее утро было облачным, моросил холодный дождь. К 10 часам отряд подошел к скалам, господствующим над перевалом. Видимость была плохой. Часть людей пришлось оставить для прикрытия тыла, а остальные начали подъем.

Демонстрация наступления имела успех. Фашисты с перевала открыли огонь по наступающим кавалеристам, но удар отряда Кельса заставил их поспешно отступить в ущелье реки Ненскрыра. Два легких пулемета, автоматы и много боеприпасов стали трофеями альпинистов.

Часа через полтора-два на перевал поднялся командир кавалерийского полка майор Степанов. Он решил оставить здесь

группу своих бойцов и заминировать подступы к перевалу со стороны противника. Кельс с отрядом перешел обратно в Баксанское ущелье, чтобы в дальнейшем начать действовать против егерей, засевших в "Новом Кругозоре".

Надо сказать, эта база находится в лощине между гребнем ущелья ледника Терскол и склонами Гара-баши. Путь от селения Терскол идет туда сначала по сосновому лесу, а затем по травянистым склонам. Выход в лощину через "Волчьи ворота" в крутых скалах узок и труден. Пройти здесь с боем крайне сложно. Кельс знал об этом и потому решил подняться со своим отрядом прямо по склону от селения Терскол на гребень, господствующий над "Новым Кругозором".

Они вышли 28 августа. Поднимались осторожно, подстраховывая веревками друг друга. Поздно вечером альпинисты, не замеченные противником, сосредоточились на гребне над базой.

На рассвете спешенный эскадрон старшего лейтенанта М. И. Максимова начал подниматься по дороге к "Новому Кругозору". В небо взлетела ракета. Это был сигнал для начала атаки отряду Кельса. Альпинисты ринулись сверху на домик "Нового Кругозора" и ворвались на территорию базы. Вскоре с егерями было покончено.

Кельс со своими альпинистами спустился в Терскол, а отряд Максимова остался на "Новом Кругозоре". Получив подкрепление, он 1 сентября попытался овладеть "Ледовой базой", расположенной на высоте 3800 метров над уровнем моря, но вынужден был отойти, убедившись, что гитлеровцы основательно укрепили эту базу и что в лоб ее не возьмешь.

2 сентября на помощь Максимову по указанию командира кавалерийского полка вновь поднялся отряд Кельса.

Надвигалась осень, и командование торопило с наступлением на "Ледовую базу". Штурм ее был назначен на 9 сентября. За два дня до этого отряд Кельса, усиленный группой разведчиков лейтенанта Григорьянца, вышел в тыл немцев по ущелью ледника Терскол. Отряд Максимова, которому предстояло наступать по дороге, был усилен двумя стрелковыми взводами 875-го полка 242-й горнострелковой дивизии, которая в это время пришла в Сванетию на смену 63-й кавалерийской дивизии.

Альпинисты Кельса и разведчики Григорьянца, переночевав у ледника Терскол, на следующий день осторожно двинулись вверх по морене. Вторая ночевка была уже в скалах над "Ледовой базой".

На рассвете отряд Максимова, предварительно обстреляв позиции противника из минометов, поднялся в атаку.

Я и по сей день не могу понять, как удалось остаться незамеченным отряду Кельса, который находился ниже "Приюта Одиннадцати", захваченного егерями. Наших, вероятно, скрыли облака, которые периодически проплывали по склонам Эльбруса.

Бой разгорелся. Альпинисты и разведчики осторожно пошли на сближение с противником, не открывая огня. При этом отряд Кельса двигался выше, в обход, чтобы ударить с тыла по обороне гитлеровцев и не допустить их отхода к "Приюту Одиннадцати". Старшему лейтенанту Максимову удалось под прикрытием камней сосредоточить значительную часть бойцов на близких подступах к "Ледовой базе". Он готовился к последнему броску.

Фашисты пошли в контратаку. Лучшего момента для удара с тыла трудно было ждать. В первые же минуты удалось уничтожить немецких пулеметчиков. Затем бойцы ворвались в траншеи и открыли огонь с тыла по наступающей цепи. Этим и был решен исход боя. Советские бойцы освободили "Ледовую базу". Отряд Леонида Кельса был отозван в расположение кавалерийского полка.

Следующим этапом являлось наступление на "Приют Одиннадцати". Задача эта была, как уже говорилось, крайне трудной. К тому же ее осложняла начавшаяся непогода.

Взвесив все это, командование приказало попытаться зайти с фланга на эту базу, подняться выше ее со стороны ущелья реки Ирик и прислало для этого отряд майора И. А. Церетели.

В состав этого отряда вошли проводники-альпинисты А. Сидоренко, В. Кухтин и Н. Маринец. Старший лейтенант Максимов опять должен был вести своих бойцов на "Приют Одиннадцати" прямо от "Ледовой базы".

Совместные действия двух этих отрядов намечалось начать 16 сентября, но этого не произошло: отряд, двигавшийся по ущелью Ирик, поднявшись до снежных склонов, был застигнут бураном и вернулся в Баксанское ущелье.

26 сентября лейтенант Григорьянц с группой разведчиков попытался с "Ледовой базы" приблизиться к "Приюту Одиннадцати", чтобы уточнить расположение огневых точек. Но егеря рано обнаружили разведчиков. Тяжело раненный, лейтенант предпочел плену смерть... Во время перестрелки был ранен и старший лейтенант Максимов, отряд которого пытался помочь разведчикам...

А суровая осень в высокогорье вступила в свои права. Приближалась трудная эльбрусская зима. Активные действия с обеих сторон в этом районе прекратились.

База "Приют Одиннадцати", перевалы Чипер-Азау и Хотю-тау так пока и оставались у противника. Время от времени фашисты

повторяли попытки спуститься на поляну Азау и получали отпор. Для уничтожения же всех вражеских частей на Эльбрусе необходимых условий еще не было. Первым из них явилось бы окружение гитлеровцев. Для этого требовалось проникнуть со стороны Военно-Сухумской дороги через перевал Морды в верховье ущелья Уллу-кам.

Такова в общих чертах была обстановка на эльбрусском направлении, когда нас, альпинистов, отозвали в штаб Закавказского фронта.

...Штаб Закавказского фронта, куда я прибыл, вел большую работу по обеспечению боевых действий на высокогорных перевалах. Учитывая специфику этих участков и особые нужды наших горнострелковых частей и подразделений, при штабе была организована оперативная группа по обороне Главного Кавказского хребта. В составе ее имелось и альпинистское отделение, во главе которого поставили меня. Под моим началом служили старшие лейтенанты Е. А. Белецкий, Е. В. Смирнов и А. И. Гвалия, а также лейтенанты Л. П. Кельс, Н. А. Гусак и Б. Ф. Кудинов. Отделение разрабатывало наставления и памятки для действий войск в горах, инструкции по службе высокогорных гарнизонов, определяло рацион питания и т. д. Альпинисты отделения занимались и организацией производства специального снаряжения.

Например, при создании высокогорных гарнизонов возникли трудности с обеспечением жильем бойцов и командиров в зимнее время. Построить жилище из камней или снежную пещеру было очень непросто, да и не везде возможно. Мало того, длительное пребывание в таких жилищах снижало боеспособность бойцов. Познакомившись с этим вопросом, альпинист А. А. Малеинов предложил проект разборного домика для высокогорных гарнизонов. Производство таких домиков наладили в Тбилиси. Позднее они были установлены на перевалах Басса, Донгуз-орун, Бечо, под перевалами Твибер, Цаннер. Часть домиков удалось направить и на Клухорское направление. Жизнь показала, что разборные домики полностью оправдали свое назначение.

Командиры альпинистского отделения нередко привлекались также в качестве консультантов при планировании боевых действий в высокогорных районах. Они выезжали инспектировать гарнизоны, участвовали в планировании и проведении разведок. Старший лейтенант Белецкий выезжал для инспектирования на Клухорское направление и принимал участие в переходе 1-го отдельного горнострелкового отряда через перевал Клухор в период общего наступления наших войск на Кавказе. Старший лейтенант Смирнов и лейтенант Гусак инспектировали горные

войска на эльбрусском направлении. Я с лейтенантом Кельсом проводил разведку в тылу эльбрусской группировки противника.

Особенности боевых действий в горах потребовали специального обмундирования для личного состава отдельных горнострелковых отрядов. Так появилась специальная форма горных войск Закавказского фронта.

Если альпинистское отделение занималось в основном обеспечением боевой деятельности отрядов, то на группу инспекторов горнолыжной подготовки возлагалась организация и проведение специальной подготовки в горнострелковых соединениях фронта. Возглавил эту группу старший лейтенант К. Джавришвили.

В ведение отдела боевой подготовки штаба фронта входила и созданная позже школа альпинизма и горнолыжного дела. Первым начальником школы был капитан В. Андреев, его помощником стал воентехник 1 ранга И. Черепов. Обучением альпинизму руководил капитан Е. Абалаков, занятия по горнолыжному делу вел лейтенант П. Радионов. Все эти товарищи являлись мастерами и заслуженными мастерами спорта.

Подбор высококвалифицированных преподавателей, постоянная забота и внимание к школе со стороны отдела боевой подготовки фронта, и в частности его начальника полковника С. Шестакова, - все это способствовало успешной подготовке командиров для горных войск.

Зимняя разведка

Все попытки гитлеровцев прорваться к нефтяным районам Грозного терпели крах. Не удалось им пройти в Алхан-Чурскую долину Малгобека, не удалось прорваться и через Эльхотовские ворота. И все же, невзирая на потери, немецкое командование приняло решение захватить Орджоникидзе. Отсюда можно было наступать на Орджоникидзе и в Закавказье по Военно-Грузинской дороге. Но путь к Грозному пересекали реки и горные хребты, в то время как в районе Нальчика и далее на восток от него вплоть до города Орджоникидзе местность сравнительно ровная. Это направление и выбрал противник для нанесения очередного удара.

Наступление началось 25 октября 1942 года. Вначале оно имело успех. Захватив Нальчик, фашисты продолжали двигаться к Орджоникидзе.

В эти трудные дни на наиболее угрожаемое направление командование фронта перебросило часть сил, и в том числе 155-ю стрелковую бригаду, сражавшуюся ранее в районах Клухорского и Марухского перевалов. В оборонительных боях 392-я стрелковая

дивизия 37-й армии была прижата к горам. Оказывая сопротивление, она отходила в направлении Баксанского ущелья.

По приказу командования 392-я должна была, пройдя через боевые порядки оборонявшей теперь Эльбрусский район 242-й горнострелковой дивизии, отойти в Закавказье через перевал Донгуз-орун.

Ноябрь в горах - это уже зима, особенно на перевале, высота которого достигает 3798 метров над уровнем моря. Сильные морозы и бураны в это время обычное явление. Перевал часто засыпает глубоким снегом. Даже внизу в лесистой части ущелья не остается признаков троп.

В этих-то нелегких условиях совершала отход 392-я дивизия, в составе которой находилось к тому же 450 тяжелораненых бойцов и командиров. Несмотря на все трудности (дивизии было поручено переправить через перевал 12 тонн молибдена с Тырныаузского комбината и 25 тысяч голов рогатого скота, принадлежавшего племенным совхозам), переход был совершен всего за 10 суток.

Чтобы благополучно донести раненых, бойцы протаптывали в глубоком снегу широкую тропу, укладывали над большими трещинами настилы с перилами, навешивали веревки на крутых подъемах. Причем все делалось под непрерывной угрозой лавин. В этих сложных условиях неоценимую помощь дивизии оказали находившиеся в ущелье альпинисты: Георгий Одноблюдов, Александр Сидоренко, Виктор Кухтин, Любовь Кропф, Алексей Малеинов. Они были и советчиками и проводниками, а в трудный момент и носильщиками.

В те дни через хребет уходили все, кто мог передвигаться. Ведь судьба Баксанского ущелья, по существу, была предрешена. И хотя было известно, что перевал Бечо труднее и круче перевала Донгуз-орун, эвакуировать население решили именно через Бечо, так как этот путь в Сванетию был значительно короче, чем путь через Донгуз-орун.

Нечеловечески трудным был этот переход. Альпинисты и воины 214-го полка 63-й кавалерийской дивизии переправили через перевал более полутора тысяч местных жителей, в числе которых было много женщин и детей. Люди шли по снежным мостам, через страшные пасти бездонных трещин, по ступеням, вырубленным во льду на крутых склонах. Стариков и старух вели под руки, больных и детей несли на руках, а самых маленьких - в рюкзаках. А со склонов Эльбруса и перевалов противник непрерывно обстреливал отходившие части и эвакуируемое население.

Положение в Баксанском ущелье серьезно тревожило наше

командование. В сложившихся условиях верховье ущелья можно было обезопасить, лишь окружив вражеские войска, расположенные на массиве Эльбруса. Выполнить эту задачу зимой было нелегко. Но усилившуюся активность гитлеровцев можно было ослабить не только их окружением. Хорошие результаты могла дать и разведка боем в тылу врага. С этой целью по предложению альпинистского отделения штаба фронта и была организована разведка в районе перевала Морды, через который с Военно-Сухумской дороги по ущелью реки Секен шла тропа в тыл эльбрусской группировки противника.

Для осуществления разведки оперативная группа по обороне Главного Кавказского хребта, действовавшая при штабе фронта, направила меня и Кельса в 46-ю армию. Чтобы выбрать место перехода отряда через Кавказский хребет, я должен был участвовать в одной из авиаразведок.

Формирование разведывательного отряда поручалось штабу 394-й дивизии. Для оказания помощи в штаб направили Кельса.

Разведывательный отряд должен был выйти через ущелье реки Секен на перевал Морды, создать там гарнизон и определить силы противника в ущелье реки Морды и на дороге Хурзук - Хотю-тау, то есть в тылу немецких частей, находившихся на Эльбрусе.

Получив соответствующие документы, я направился из Сухуми в 23-й авиационный полк ВВС ВМФ. Кельс выехал к месту формирования отряда - в штаб 394-й дивизии.

Во время предстоящей авиаразведки мне нужно было также установить результаты бомбардировок нашей авиацией баз противника в районе Эльбруса. Сведения об этом поступали весьма разноречивые, так как летчикам трудно было ориентироваться в горах.

Вылететь на разведку сразу не удалось. Прифронтовой аэродром раскис от дождей, и с него не могли подниматься даже небольшие самолеты-разведчики Р-10.

Ожидая, пока подсохнет поле, я знакомился с людьми, с жизнью авиационной части. Лететь мне предстояло с летчиком Германом Кудряшовым вместо его штурмана-стрелка. Командир эскадрильи считал, что район разведки довольно близок и туда можно лететь без штурмана, а в горах я заменю его, так как смогу ориентироваться ио знакомым вершинам и ущельям.

Самолет Р-10 был вооружен двумя пулеметами, управляемыми летчиком, турельным пулеметом в кабине штурмана, имел на борту несколько двадцатипятикилограммовых бомб. Мне предстояло изучить свои обязанности во время полета, освоиться в кабине и хотя бы теоретически знать правила

пользования парашютом. Невольно вспомнил в связи с этим довоенные годы и наши споры с женой, которая еще студенткой не на шутку увлеклась парашютным спортом, совершила 15 прыжков и стала инструктором. Спорили же мы о достоинствах альпинизма и парашютного спорта. Жена побывала в горах, имела значок "Альпинист СССР" 1-й ступени. Я же был только альпинистом, а с парашютом не прыгал. При таком положении хочешь не хочешь, а научись прыгать. Пришлось записаться в кружок, прошел теоретическую часть подготовки. Натерпевшись страху, прыгнул два раза с вышки. Поделился своими впечатлениями с женой. Она стала уверять, что прыжки с самолета в этом смысле проще и что она предпочитает их прыжкам с вышки.

Война прервала мои занятия парашютным спортом, и теперь, собираясь в воздушную разведку, я жалел об этом.

Все в полку с интересом относились к нашей разведке. А меня авиаторы много расспрашивали о боях на перевалах, советовались по ряду вопросов, связанных с полетами в горах. Они давали высокую оценку действиям защитников перевалов на Главном Кавказском хребте.

Время шло, вылет задерживался, а я волновался, поскольку Кельс с отрядом разведчиков, вероятно, уже достиг исходных рубежей, откуда должен был направиться к заслону 394-й стрелковой дивизии, который стоял в средней части ущелья реки Секен.

Но однажды в домике, где я жил вместе с членами экипажа нашего самолета, перед рассветом появился связной из штаба.

- Над нами и в горах ни облачка, - с порога прокричал он. - Можно лететь!

Командир звена еще раз проверил маршрут полета, дал задание, и мы поспешили к самолету.

Чтобы не потерять скорости разбега по непросохшей части летного поля, Кудряшов несколько преждевременно оторвал машину от земли. Самолет начал было заваливаться на левое крыло. Но тут отчаянно взревел мотор, машина выровнялась и начала набирать высоту. А земля под нами стала напоминать карту.

С одной стороны, заняв половину горизонта, сверкало на солнце море. Линию горизонта скрывала легкая дымка, такая же голубая, как море и небо. И они сливались в голубую бесконечность. С другой стороны четко обозначился причудливый контур горного хребта. Ледяные и фирновые грани его вершин отражали блики солнца.

По мере подъема самолета из-за хребта вставал ослепительно

белый конус Эльбруса. Чем выше поднимался самолет, тем грандиознее становился снежный великан, доминировавший над всем хребтом, и мне казалось, сколько ни поднимайся, все равно не сравняешься с его вершиной.

На высоте около 4500 метров самолет лег курсом на Эльбрус, и дальнейший полет продолжался уже с медленным набором высоты.

Я не надевал кислородную маску, надеялся, что прошел достаточную акклиматизацию в горах. Но подъем на самолете происходил быстро, не так, как при восхождении, поэтому самочувствие стало ухудшаться. Заболела голова, появилась слабость, участилось дыхание, не хотелось делать ни одного лишнего движения, даже перевернуть планшет, лежавший на коленях.

По совету летчика, с которым мы переговаривались с помощью ларингофона, я надел маску и сразу ожил.

Парашют очень стеснял движения и мешал работать с картой. Еще на земле штурман рекомендовал отстегнуть его от лямок, отложить в сторону, а пристегнуться, когда понадобится. Но я из осторожности отстегнул его только от одной лямки и повесил сбоку, рядом с сиденьем.

К вершине подлетели на высоте 5800 метров. Это было мое новое "восхождение" на Эльбрус. Самолет, кружась, стал осторожно снижаться. От сильного мороза над Эльбрусом висела серебристая дымка. С восточной вершины длинным языком на юг сползало облако. По наблюдениям еще во время первой зимовки я знал, что такому явлению обычно сопутствуют сильные нисходящие потоки холодного воздуха. Так оно было и в этот раз.

На седловине под западной вершиной виднелся домик. Возле него, как нам показалось, пыталась укрыться в камнях группа егерей. Мы обстреляли седловину из пулеметов.

Герман и я тщательно изучали склоны и наносили на карту расположение частей противника. Хорошо был виден домик метеорологической станции и трехэтажное здание "Приюта Одиннадцати". Там, в скалах, просматривались укрытия и огневые точки. И у зданий на склонах виднелись группы лыжников. На перевале Хотю-тау и на подступах к нему царило оживление: от блиндажа к блиндажу перебегали егеря, по тропам двигались караваны.

В Баксанском ущелье никакого движения заметить не удалось. Там дислоцировались наши части. Их расположение было видно гитлеровцам со склонов Эльбруса, и те систематически подвергали советских бойцов артиллерийскому обстрелу.

Делаем заход на Эльбрус со стороны Баксанского ущелья, от вершины Ушба, чтобы, оказаться от егерей против солнца. Предварительно даем сигнал нашим частям - выпускаем в сторону перевала условленную красную ракету.

Пошли к Эльбрусу, держа курс на "Приют Одиннадцати". Высота 4800 метров это как раз тот уровень, на котором расположен "Приют Пастухова". Громада Эльбруса стремительно надвигается на наш самолет. Летчику показалось, что мы слишком приблизились к снежным склонам.

- Отворачивать? Отворачивать?.. - спрашивал он в ларингофон.

Я, как умел, помогал ему ориентироваться.

При подходе к Эльбрусу нас стало бросать из стороны в сторону, будто рядом рвались зенитные снаряды. Потом самолет бросило вниз, и он стал стремительно падать. Одна, две, три, пять секунд. Я невольно потянулся к ручке, чтобы открыть крышку кабины и приготовиться к прыжку. Но куда прыгать? В трещины, на скалы, к егерям? Да и Кудряшов молчит - значит, рано...

Стремительно несся самолет к земле, пока не вырвался из объятий нисходящего потока холодного воздуха, в который мы попали, близко подлетев к вершине. "Приют Одиннадцати" был совсем рядом. Внизу строчил зенитный пулемет и бегали среди скал люди. Летчик полоснул длинной очередью из пулеметов по егерям, скалам и зданию, а когда развернулся, я продолжал стрелять из второго пулемета, пока скалы и здание не закрыло хвостовое оперение нашей машины.

Чтобы скрыться от сильного огня, Кудряшов повел самолет к западному плечу Эльбруса. Проплыла, заснеженная стена вершины Кюкюртлю, и самолет нырнул н ущелье Уллу-кам. Здесь мы были уже недосягаемы с Эльбруса и с перевала Хотю-тау.

Произвели разведку вдоль ущельев Уллу-кам и Морды. Разогнали в их верховьях небольшую колонну егерей, затем перевалили через Главный хребет и, снижаясь, пошли к синеющему на западе морю.

Мы вернулись из первого разведывательного полета обогащенные важными данными о расположении сил противника. Полет произвел на меня очень сильное впечатление. Впервые я летал так низко над горами, хорошо знакомыми по наземным походам. Карта боевых действий района разведки, отлично знакомая мне, сейчас, после полета, как бы ожила. Я представил себе в полном объеме боевые действия, которые велись во всех ущельях и на всех перевалах. Хорошо понял те трудности, с которыми столкнулись в период боевых полетов над горами наши летчики - разведчики, штурмовики, бомбардировщики. Тогда-то я

впервые подумал, что хорошо было бы прочитать авиаторам несколько лекций об особенностях ориентировки в горах с воздуха, о специфике природы гор, обо всем том, что полезно знать летчикам и штурманам, выполняющим боевые полеты в горах.

На земле нас ждала новость: полк получил приказ перебазироваться на более совершенный аэродром.

С нового аэродрома мы с Германом Кудряшовым совершили второй полет, во время которого уже в деталях рассмотрели места возможного перехода через хребет, а также уточнили данные для эффективной бомбардировки "Приюта Одиннадцати" и гарнизона противника на перевале Хотю-тау.

Вторая разведка прошла также удачно. Вскоре после этого советские самолеты вновь, теперь уже более успешно, бомбили гарнизоны егерей на Эльбрусе и на перевале Хотю-тау.

На воздушную разведку ушло много времени, и мне надо было спешить к отряду. Я договорился, чтобы меня доставили на самолете как можно ближе к его расположению. Садиться предстояло, по существу, на нейтральной полосе. Твердой уверенности в том, что посадка окажется возможной, у летчика не было, поэтому мы с ним решили, что в случае необходимости я спрыгну с парашютом. И тут-то я опять пожалел, что до войны прыгал только с вышки.

Воздушная трасса вдоль Военно-Сухумской дороги была уже хорошо освоена, по ней успешно поддерживали регулярную связь между Сухуми и штабом 394-й стрелковой дивизии. Не долетая до аэродрома, мы свернули в ущелье Секена. Летчик здесь еще не бывал, но вел машину уверенно, так как в горах летал давно. Там, где расположился отряд, горы затянуло облаками, погода, начавшая портиться вскоре после вылета, здесь, в горах, ухудшалась прямо на глазах.

До расположения отряда оставалось километров пять, и пилот стал искать площадку для посадки. Облака прижимали машину к горам, пошел снег. В таких условиях посадка была опасна. Но и возвращаться было нельзя, стало быть, выбора не было...

Парашют открылся, как мне показалось, очень быстро. Наверное, я почти сразу дернул кольцо, что и советовал мне летчик, так как высота была небольшой. Летели мы над довольно крутым чистым склоном, рассчитывая, что ветром меня снесет на дно ущелья, где виднелись поляны. Но снижался я как-то очень быстро и не туда, куда наметил. Не успел опомниться, как упал среди деревьев на снег. Спину пронзила острая боль. Парашют висел надо мной на двух деревьях... Минут двадцать я лежал на

снегу. Боль начала медленно ослабевать. Попробовал сесть. Получилось, но какая-то тяжесть давила на спину и плечи. Ноги работали, руки тоже, однако наклоняться было больно. Вырезал ножом палку и начал спускаться к тропе, которая хорошо просматривалась со склона у реки. Тропа была пробита лыжниками. Я знал, что здесь проходил отряд Кельса, - по тропе передовое охранение держало связь с тылами дивизии. Ходьба разогрела меня, неприятных ощущений в спине вроде бы не осталось. Хотелось надеяться, что все обойдется...

Вскоре я встретил группу бойцов, направлявшихся в тыл. Оказалось, они ждали меня. После того как я рассказал о случившемся, двое вызвались меня проводить...

Ожидая меня, Кельс учил бойцов ходить на горных лыжах. К большой моей радости, к нам уже прибыл лейтенант Г. И. Хатенов. Штаб дивизии прикомандировал к отряду на время разведки и капитана Н. С. Златина.

Отряд, состоящий из 120 человек, был хорошо вооружен и экипирован. 394-я дивизия ничего не пожалела для его снаряжения, и людей подобрали крепких многие из них входили в свое время в отряд альпинистов. Бойцы были тепло одеты, обуты, имели достаточное количество спальных мешков, сухой спирт для приготовления горячей пищи. Выдали нам и два разборных домика, которые предстояло установить на подступах к перевалу. А пока отряд располагался вместе с находившимся здесь заслоном в одном из летних домиков, принадлежавших местным жителям. В нем было тесно, но тепло.

Отряду предстояло выступить через день. А пока надо было проверить лыжную подготовку бойцов. Утром я чувствовал себя скованно, по к середине дня немного размялся.

Бойцы отряда уже неплохо владели лыжами, однако далеко не все могли успешно выполнить быстрые спуски с крутыми поворотами. Этим и занялись на тренировке.

Наконец выступили в поход. План движения был таков: за светлую часть суток пройти лесистый отрезок ущелья, где нас не могут заметить фашисты. В случае если они находятся на перевале, мы должны были пройти верховье ущелья ночью, к рассвету установить в укрытом от наблюдения месте домики и изучать в течение первой половины дня обстановку, ничем не выдавая себя.

Во время воздушной разведки, пролетая над этим районом, я видел тропу, проложенную по ущелью Уллу-кам, и тропу, пробитую егерями к домику в начале ущелья, ведущего к перевалу Морды, и лыжню на перевале Гандарай. Но на перевале Морды никаких следов противника не обнаружили, однако не

исключалось, что егеря периодически поднимались туда из домика в ущелье.

Впереди отряда налегке шагали бойцы головного дозора во главе с Кельсом. В одном из донесений Кельс докладывал, что пересек лыжный след примерно двухнедельной давности, идущий поперек ущелья. Значит, сюда с перевала спускались враги. Когда отряд подошел к боковому ущелью, на землю опустилась ясная морозная ночь. Здесь нас ждал Кельс. Ущелье вело к боковому хребту, перейдя который можно было добраться до перевала Чипер-Карачай. Из этого же ущелья открывался путь и на гребень Главного Кавказского хребта между перевалами Морды и Чипер-Карачай. Склон ущелья закрывал нас от противника. До начала подъема на перевал Морды отсюда оставалось два-три километра. Все это свидетельствовало о том, что место было удобно для организации подперевального лагеря.

К рассвету строительство лагеря было закончено. Установлены домики, вырыты в снегу пещеры, за камнями созданы укрытия для огневых точек. Весь день бойцы отряда поочередно отдыхали и вели наблюдение. Но ничто не нарушало тишину засыпанного снегом ущелья: на перевале никакого движения, в боковом ущелье ничего подозрительного. Однако разведка ущелья была необходима. Нам также надо было попытаться выйти на Главный хребет между упомянутыми перевалами, поскольку именно там была наименьшей вероятность встречи с противником.

В разведку с группой бойцов направились я и Златин. Кельс и Хатенов с основной частью отряда остались в лагере.

Мы прошли ущелье до самого конца, не обнаружив никаких следов егерей. Начали подъем на Главный хребет. Ночь застала нас на скалах недалеко от гребня. Здесь и решили заночевать, так как на гребне ветер взметал космы снега. Мороз достигал 30 градусов. Мы забрались в спальные мешки и зарылись в снег под скалами. А утром, взяв с собой несколько человек из группы, вышли на гребень. Отсюда мы увидели Эльбрус, перевал Хотю-тау, ущелья за перевалом Морды. Ущелья были безлюдны, будто все живое спряталось от лютого мороза. Результаты разведки были очень важны: если на перевале Морды окажутся немцы, то отсюда, хотя это и нелегко, можно пробраться в их тыл и затем перерезать дорогу по ущелью Уллу-кам. Мы начали спуск и через несколько часов вернулись в лагерь. Здесь было все спокойно.

На перевал Морды решили двинуться через день, то есть 1 января 1943 года. Кельс же с другой группой разведчиков, в которую входил и лейтенант К. Колобаев, должен был накануне вечером скрытно подойти к началу крутого подъема

непосредственно на перевал, переночевать там, а на рассвете начать подъем по снежному кулуару. Однако мы понимали: если перевал занят противником, то вряд ли удастся пройти незаметно. В таком случав придется вести разведку боем.

Но и на следующий день егерей на перевале обнаружить не удалось. Кельс с несколькими бойцами ушел, а те, кто остался, тесно набились в теплые домики и пещеры, чтобы отметить наступление Нового, 1943 года и отдохнуть перед предстоящим походом.

Шел уже третий час ночи. Было очень тихо, и мы услышали голос часового. Потом отворилась дверь домика и появился боец, с головы до ног покрытый инеем. Это был связной от Кельса. У меня и сейчас сохранилось его донесение, написанное карандашом на обрывке бумаги. Леонид сообщал, что во время разведки обнаружил вверху на перевале группу вражеских лыжников. Утром он собирался начать подъем на перевал и просил прислать пулеметчиков с ручным пулеметом.

"Эх, Леонид, Леонид! - подумал я. - Храбрый и не в меру горячий человек! Ну как же ты пойдешь завтра наверх? Коли ты видел егерей снизу, то они-то уж наверняка рассмотрели вас и завтра из-за скал перестреляют всех, как зайцев, при подъеме по кулуару".

Надо было спешить на помощь Кельсу. Связного я немедленно отправил обратно, чтобы он задержал выход разведки на перевал. Но уверенности в том, что связной успеет вовремя предупредить Кельса, у меня не было. А потому мы со Златиным отобрали восемь бойцов, взяли станковый пулемет, установленный на лыжах, и примерно через час вышли из лагеря. Хатенов же с остальными остался в лагере, чтобы обеспечить наш тыл.

Как мы ни спешили, рассвет застал нас в пути. Остановились, чтобы передохнуть и определить, где находится отряд Кельса. То, что мы увидели через одну-две минуты, я помню и теперь...

Вытянувшись по кулуару цепочкой, наши товарищи поднимались наверх, а выше, на перевале, на снежном склоне, уже показались немецкие лыжники. Ловко поворачивая, они скатились к скалам, сняли лыжи и залегли. Появилась еще одна группа, за пей - следующая. Егеря отлично владели лыжами. Расчертив склон узорами лыжных следов, они быстро спустились к скалам и приготовились к стрельбе. А бойцы Кельса продолжали подъем.

Очередь нашего пулемета и выстрел из ракетницы прозвучали почти одновременно с разрозненными выстрелами егерей с перевала. Упал первый из цепочки поднимающихся,

затем еще двое, остальные ринулись было вниз, но быстро опомнились и бросились за скалы. Наш огонь не доставал до егерей. Надо было сблизиться, и мы, прихватив пулемет, побежали на лыжах к перевалу. Двигались до тех пор, пока не засвистели вокруг пули. А потом укрылись за камнями и стали бить по егерям. Стрельба с перевала усилилась. А к нам между тем стали подходить из лагеря бойцы во главе с Хатеновым.

Мы стреляли по гитлеровцам, мысленно похоронив Кельса. Но из-за скалы в кулуаре вдруг выскочил лыжник и с нарастающей скоростью помчался вниз. Такое было под силу только Леониду! Фашисты, прижатые нашим огнем, некоторое время молчали, а потом принялись стрелять по Кельсу из автоматов. Пули взметали вокруг него снежные фонтанчики. Леонид двигался правым боком к склону. Впереди - огромный обрыв, левый поворот неизбежен, иначе Леонид не сумеет затормозить на такой скорости и сорвется в пропасть. Я в ужасе затаил дыхание: левый поворот на лыжах всегда у Леонида получался плохо. Значит, либо очередь в спину, либо мой друг рухнет в пропасть...

Однако случилось иное. Повороту Леонида мог бы позавидовать опытный слаломист. На огромной скорости он развернулся у самого края обрыва. Только снежная пыль взметнулась за его спиной, то ли от лыж, то ли от новой автоматной очереди егерей. Теперь гитлеровцам попасть в Кельса стало намного труднее, да и мы усилили огонь по перевалу.

На склоне, куда мчался Кельс, лежал огромный обломок скалы. Сверху на нем был снег. Высота скальной стены, обращенной в нашу сторону, равнялась примерно пяти метрам, внизу под ней можно было укрыться от огня. Видимо, это правильно оценил Леонид. Он умышленно помчался к обломку скалы, наехал на него, кубарем полетел вниз в нашу сторону и по пояс погрузился в снег. Быстро выбравшись из снега, Леонид, не теряя времени, раскопал сорвавшийся с плеча автомат и, что-то прокричав наверх, стал стрелять по перевалу. Только тут мы заметили, что из кулуара по прямой к обломку скалы мчатся еще три лыжника, а остальные, прижимаясь к скалам кулуара, осторожно отходят по глубокому снегу. Это означало, что Кельс не растерялся. Наметив путь отхода, он в нужную минуту подал команду и тем спас большую часть своих людей.

Противник вел себя вызывающе. Часть егерей спустилась с перевала. Их зеленые куртки показались на скалах, под которыми укрылся Кельс с бойцами. Зная, где они находятся, фашисты начали бросать вниз гранаты. Но гранаты разрывались глубоко в снегу, не причиняя вреда. Кельс и его бойцы продолжали

стрелять. Стоявший на скале егерь покачнулся и упал в нашу сторону. Трех срезал наш пулеметчик, а двое распластались в кулуаре, когда пытались приблизиться к убитым.

Перестрелка хотя я продолжалась, но становилась все менее интенсивной. Бой затихал. Мы уже могли перекликаться с Кельсом. И одобрили его решение не отходить до темноты, чтобы не понести потерь.

Когда стемнело, стали подходить измученные разведчики Кельса. Последним появился он сам. Леонид был бодр, еще не остыл после недавнего боя и потому немного больше, чем обычно, заикался...

Мы часто встречались с Леонидом после войны. В последние годы он основательно поседел, и я не раз думал, что первые серебряные нити появились у него именно тогда, у перевала Морды, хотя он был в ту пору совсем молодым. А вот теперь Кельса уже нет. Совсем недавно какой-то злой недуг сразил этого могучего человека...

Несколько бойцов послали ночью, чтобы они спустили вниз и захоронили погибших. Надо было также заминировать кулуар и лыжню, ведущую в наш лагерь...

Итак, часть задачи, стоявшей перед разведкой, мы выполнили. Установили, что на перевале есть фашисты, нашли путь, чтобы проникнуть к ним в тыл, создали тревожную обстановку в тылу Эльбрусского гарнизона. Ночью из лагеря послали донесение в штаб дивизии.

Ответ пришел неожиданный: нам приказали подготовиться к отходу в расположение штаба дивизии, но предупредили, чтобы мы ждали сигнала. Его должен был на следующий день подать самолет, который пройдет над нами, возвращаясь с разведки эльбрусского района. Одна красная ракета означала, что надо возвращаться, одна белая - ждать письменного указания.

Самолет дал красную ракету, и отряд начал готовиться в путь.

В расположении заслона мы узнали, что уже после выхода нашей разведки наблюдатели, находившиеся на перевале Басса, заметили, что противник начал частично отходить с Эльбруса и с перевала Хотю-тау. Эвакуация населения и отход 392-й стрелковой дивизии из Баксанского ущелья через перевалы Донгуз-орун и Бечо закончились. Гитлеровцы продвигались по ущелью со стороны Нальчика. Оборонять верхний безлюдный теперь участок ущелья в этой ситуации больше не требовалось. 242-й горнострелковой дивизии было приказано отойти и создан, оборонительную линию на перевалах. В связи с этим дальнейшие действия нашего отряда теряли смысл.

Меня и Кельса отзывали в штаб фронта. Отряды Хатенова и Златина вернулись в 394-ю дивизию, которая готовилась к переброске на другой участок и снимала дальние гарнизоны. К перевалам выходили отдельные горнострелковые отряды. Чувствовалось, что на Кавказе готовится крупная операция, которая решит и судьбу перевалов.

Заоблачный фронт

Оставив Баксанское ущелье, 242-я горнострелковая дивизия заняла оборону на перевалах. Этот участок фронта был уникальным но своеобразию не только для периода Великой Отечественной войны, но и для всей истории войн в горах.

Линия фронта, если учитывать седловину Эльбруса, проходила здесь на высотах от 1800 до 5300 метров над уровнем моря, а перепады высот сложного рельефа (ущелья, хребты, ледники, снежные поля) достигали 3500 метров.

Левый фланг наших войск - перевал Басса - обороняла одна рота 242-й дивизии, имевшая на вооружении автоматы, карабины, винтовки, пулеметы, четыре ротных и батальонных миномета, а также два семидесятимиллиметровых орудия. Главным звеном обороны являлся перевал Донгуз-орун. На его седловине оборонялась другая рота, имевшая такие же огневые средства, что и на перевале Басса. В ущелье Донгуз-орун находилось боевое охранение в составе одного взвода с двумя пулеметами. Смена охранения производилась с перевала. На южных склонах в ущелье Накры располагался взвод тылового охранения с пулеметом. Опорным пунктом гарнизонов на перевалах была база "Ташкент", расположенная у развилки троп, ведущих на перевалы Донгуз-орун и Басса. Путь от базы до перевала Басса занимал четыре часа, а до перевала Донгуз-орун восемь часов. Здесь был резервный гарнизон, сменявший раз в пятнадцать дней гарнизоны на перевалах. Один из полков 242-й горнострелковой дивизии, оборонявший ущелье Накры, стоял в восьми километрах от этой базы в альпинистском лагере "Спартак".

От перевала Бечо шел кратчайший путь к штабу 242-й горнострелковой, в сванское селение Бечо. Силы и огневые средства на этом перевале, за исключением пушек, были такими же, как на перевале Донгуз-орун. Северные подступы к перевалу минировались. Промежуточные тыловые подразделения гарнизона базировались в урочище Квиш. Путь от тыловой базы до перевала был значительно труднее, чем путь от перевала Донгуз-орун до "Ташкента". Гарнизоны здесь сменялись примерно раз в десять дней, и все необходимое на этот срок доставляли на себе.

Перевалы Джантуган и Местийский - труднейшие в группе

эльбрусских перевалов. Разными ущельями пути через них ведут в столицу Сванетии - Местию. По сути дела, сами перевалы здесь не охранялись. Линия обороны проходила южнее, в Сванетии. В ущелье Лекзыр, ведущем к Твиберу, находилось около двух взводов со стрелковым оружием, пулеметами, одной 70-миллиметровой пушкой и 122-миллиметровым минометом. Примерно такие же силы и огневые средства прикрывали перевал Местийский у слияния рек Тюибри и Чалаат.

Правым флангом дивизии являлся перевал Цаннер. На подступах к нему размещался небольшой гарнизон численностью около взвода. База снабжения этого гарнизона и гарнизона в ущелье Лекзыр находилась в селении Жабеш. Здесь были оборудованы огневые позиции горных орудий, пристрелянных по ущельям, идущим на перевалы Цаннер и Твибер. Однако за все время боев на Главном Кавказском хребте противник не сделал попыток пройти через эти перевалы. К юго-востоку от Цаннера Главный Кавказский хребет обороняла 351-я дивизия 46-й армии.

Зимой 1942 года фашисты, опасаясь нашего удара с этих перевалов, держали небольшие гарнизоны у начала ущелий Адыр-су и Адыл-су, ведущих с севера к Местийскому перевалу и перевалу Джантуган.

На большом протяжении противник хорошо укрепил ущелье Юсенги, ведущее к перевалу Бечо. Оно было перекрыто проволочными заграждениями, тропа во многих местах завалена и заминирована. Базой частей, охранявших это ущелье, являлась метеостанция у селения Тегенекли. Ущелье обороняло около двух рот. Было также подготовлено к обороне ущелье Донгуз-орун, Передний край обороны проходил по верхней границе леса. Здесь гитлеровцы завалили тропу камнями и заминировали ее. На переднем крае были установлены мощные прожекторы, освещавшие ночью спуск с перевала. Базой этого гарнизона служил альпинистский лагерь "Учитель" в Баксанском ущелье.

Поляну Азау, находившуюся на пути к эльбрусским базам и перевалам Чипер-Азау, Хотю-тау, немцы пересекли проволочными заграждениями и густо заминировали. Для движения были оставлены только узкие проходы. Гарнизон противника численностью до роты размещался в лесу в землянках, построенных еще летом нашими частями. На "Кругозоре", "Новом Кругозоре", "Ледовой базе" до начала наступления и после ухода наших войск на перевалы находились вражеские гарнизоны численностью от одного до двух взводов. Система их обороны включала большое количество пулеметных точек. Во время нашего наступления на эти базы осенью 1942 года гарнизоны их увеличивались за счет резерва, находившегося на перевале Хотю-

тау.

Большое значение придавал противник занятому им рубежу на "Приюте Одиннадцати" и на "Приюте Девяти". Этот рубеж господствовал над верховьем Баксанского ущелья и перевалами. Здесь была создана прочная и широко разветвленная система обороны. Она протянулась по скалам от нижнего края фирнового плато у начала ледника в направлении к "Приюту Одиннадцати", затем от него по льду до "Приюта Девяти" и далее по гряде скал, протянувшейся к восточному склону восточной вершины Эльбруса. Нижняя часть этой линии обороны прикрывала "Кругозор" от удара сверху и путь на перевал Хотю-тау с "Ледовой базы". На всем протяжении линии обороны были установлены многочисленные стрелково-пулеметные и минометные точки. На льду между "Приютом Одиннадцати" и "Приютом Девяти" находились позиции тяжелых минометов, а на скалах выше "Приюта Девяти" и ниже "Приюта Одиннадцати" стояли горные орудия, из которых гитлеровцы обстреливали Баксанское ущелье, начиная от поляны Азау до Тегенекли и далее до подступов к перевалам. На этом рубеже противник держал не менее двух рот.

Все перечисленные пункты на Эльбрусе были обеспечены надежной телефонной связью на столбиках, которые одновременно являлись и указателями направления движения в непогоду.

Немцы, как известно, поднимались на седловину и вершины. Возможно, что на седловине в хижине находился наблюдательный пункт. Позже во время подъема наш отряд обнаружил здесь захоронения и трупы, хотя на этом участке наши части с противником не соприкасались. Ясность в эту ситуацию внес протокол допроса пленных. Многие из них рассказали об обстреле седловины советскими самолетами.

Перевал Чипер-Азау занимал гарнизон егерей численностью до роты, вооруженный пулеметами и минометами. Их задача заключалась в том, чтобы не допустить наступления наших частей с перевала Басса. На перевале Чипер-Карачай стоял один взвод, фактически являвшийся заслоном. С этих двух перевалов противник патрулировал верховье реки Ненскрыры.

На перевалах Морды, Гандарай, Нахар тоже находились небольшие гарнизоны егерей. Их тыловые базы располагались в ущельях, идущих к этим перевалам с севера. Эти подразделения охраняли войска, находящиеся на массиве Эльбруса и на перевалах Хотю-тау и Чипер-Азау, от возможного окружения.

Основным узлом эльбрусской группы немецких войск являлся перевал Хотю-тау. Там было построено более 20 утепленных каменных жилых помещений, укрытий и складов. Кое-где

располагались минометы и орудия. По-видимому, здесь находился и штаб. Общая численность стрелковых подразделений, а также минометных и артиллерийских расчетов свидетельствовала о том, что в этом районе действовал горнострелковый полк.

Такова была обстановка на эльбрусском направлении к началу 1943 года.

* * *

В штабе фронта, куда я вернулся после разведки, шла напряженная работа. Настроение у всех было приподнятое: готовилось крупное наступление. Стрелковые соединения отводились из ущелий и с перевалов: они были нужны на других участках Кавказского фронта. А на рубежи этих стрелковых соединений выдвигались отдельные горнострелковые отряды, которые появились на хребте в районе перевалов Санчаро, Наур, Марух, Клухор, а также в районе Эльбруса и перевала Мамисон.

По указанию штаба фронта продолжалось строительство разборных домиков для высокогорных гарнизонов. Действовала школа военного альпинизма и горнолыжного дела, готовившая кадры для наступавшей Красной Армии, шло обучение горных войск Закавказского фронта. Поэтому у альпинистов, находившихся в Закавказье, было много дел.

После того как отряды заняли на большинстве участков высокогорные рубежи, их задачей стала разведка неприятеля и подготовка к повсеместному переходу через Кавказский хребет на Северный Кавказ.

На Клухорском направлении держал оборону 1-й отдельный горнострелковый отряд, находившийся за тесниной на подступах к Клухору. Отряд оттеснил гитлеровцев к самому перевалу и был готов к наступлению. Кроме того, подразделения этого отряда надежно прикрывали ущелья Секен, Гвандра и спуск с перевала Нахар.

На эльбрусском направлении систематическую разведку в Баксанском ущелье вели два отдельных горнострелковых отряда и другие оставшиеся здесь подразделения, в том числе отряд войск НКВД.

Горнострелковые отряды нередко проводили и глубокие рейды в тыл противника, чтобы выяснить расположение его в Баксанском ущелье и в районе Тырныаузского молибденового комбината. В конце декабря такая разведка была осуществлена отрядом лейтенанта Ф. А. Лебедева и инструктора альпинизма В. Кухтина. Местийский перевал участникам рейда пришлось переходить в очень неблагоприятных условиях. Две ночи они вынуждены были провести из-за бурана в снежных пещерах на

большой высоте. В ущелье Адыр-су разведчики обнаружили, что стоявший здесь вражеский заслон отошел, оставив на базе часть имущества, награбленного в советских альпинистских лагерях. Видимо, противник, готовясь к общему отступлению из ущелий, начал снимать дальние гарнизоны. Бойцам удалось также разведать дислокацию егерей в ущелье Баксана ниже селения Верхний Баксан.

Зимой группы наших разведчиков не раз проходили и через перевал Твибер в Чегемское ущелье. Тогда-то и было установлено, что верховье его было оставлено противником примерно в середине декабря 1942 года...

Когда в конце 1942 года, после окружения фашистских армий под Сталинградом, наши войска овладели Верхне-Курмоярской и Котельниково, создалась реальная угроза окружения вражеских частей на Кавказе. В это время по приказу Ставки Верховного Главнокомандования войска Закавказского фронта силами Северной группы войск должны были начать наступление от Орджоникидзе на Ставрополь, а силами Черноморской группы отрезать отход гитлеровцев на Ростов.

В конце декабря 1942 года началось наше наступление в долинах рек Терек и Ардон. Продвигаясь в предгорьях вдоль Главного Кавказского хребта, советские войска 3 ян-варя 1943 года освободили Моздок, а 4 января-Нальчик. Под ударами Красной Армии фашистские войска начали поспешно отходить из ущелий, вливаясь в общий поток отступавших на Северном Кавказе вражеских соединений. В их преследовании приняли участие и отдельные горнострелковые отряды.

Над Эльбрусом флаг Родины!

Со второй половины января и до февраля 1943 года я находился в Тбилиси в госпитале по поводу травмы, полученной во время неудачного приземления с парашютом. Позже оказалось, что у меня компрессионный перелом позвоночника. К счастью, без смещения. Но я стал чуть ниже ростом.

Однажды после полудня, лежа на больничной койке, я услышал в коридоре оживленные голоса. В палату, бережно поддерживая под руки молодую девушку дежурного врача, вошли Кельс, Смирнов и Кудинов. Она пыталась убедить посетителей, что время сейчас не приемное, но поддалась обаянию бравых военных в альпинистской форме.

Друзья возбужденно рассказали мне, что получен приказ штаба фронта. И они принесли этот документ с собой. Группе альпинистов - участникам обороны Главного Кавказского хребта - поручено снять фашистские вымпелы с вершин Эльбруса и установить на них государственные флаги Советского Союза.

Мы, альпинисты, мечтали об этом еще с августа прошлого года, когда гитлеровцам удалось подняться на вершины Эльбруса. Наконец наша мечта сбывалась.

Приведу полностью этот памятный для нас документ.

ШТАБ ОПЕР ГРУППЫ ЗАКФРОНТА ПО ОБОРОНЕ ГЛАВНОГО КАВКАЗСКОГО ХРЕБТА

2 февраля 1943 г.

No 210/ог

г. Тбилиси

Начальнику альпинистского отделения военинженеру 3 ранга ГУСЕВУ А. М.

ПРЕДПИСАНИЕ

С группой командиров опергруппы в составе: политрука Белецкого, лейтенантов Гусака, Кельса, старшего лейтенанта Лубенца, военнослужащего Смирнова на машине ГАЗ No КА-7-07-44 (шофер Марченко) выехать по маршруту Тбилиси-Орджоникидзе - Нальчик - Терскол для выполнения специального задания в районе Эльбруса по обследованию баз укреплений противника, снятию фашистских вымпелов с вершин и установлению государственных флагов СССР.

Просьба к местным и партийным организациям оказывать необходимое содействие начальнику группы военинженеру 3 ранга Гусеву.

Зам. командующего войсками Закфронта

генерал-майор И. А. Петров

Политическое управление Закавказского фронта придавало большое значение выполнению нашего задания. К группе были прикомандированы представитель политуправления старший лейтенант В. Д. Лубенец и фронтовой кинооператор инженер-капитан Н. А. Петросов.

На другой день я выписался из госпиталя, и вскоре мы уже ехали на машине по Военно-Грузинской дороге к Крестовому перевалу, с тем чтобы следовать далее через Орджоникидзе и Нальчик в Баксанское ущелье. Не было с нами только Николая Гусака. Он находился в это время в Сванетии и формировал там из состава альпинистов 242-й горнострелковой дивизии вторую группу отряда, которая должна была, перейдя через хребет, присоединиться к нам в Баксанском ущелье или на "Приюте Одиннадцати".

Военно-Грузинская дорога, идущая через Крестовый перевал, сложна для проезда в зимних условиях, но воинские подразделения и местные жители поддерживали ее в хорошем состоянии. Противолавинные туннели охранялись, а в лавиноопасных районах дежурили специальные подразделения.

Дорога была отлично укреплена: на каждом повороте в скалах виднелись амбразуры огневых точек. Военно-Грузинская дорога в то время имела большое значение. И не только потому, что по ней поступали грузы, обеспечивавшие боевые действия наших войск на Северном Кавказе. В случае прорыва противника в районе Орджоникидзе она могла превратиться в арену боев.

На Северном Кавказе дороги были разрушены. Разрушена и дорога от Нальчика к Эльбрусу по Баксанскому ущелью, мосты взорваны. Их только начали восстанавливать. Поэтому продвигались мы медленно.

Восхождение на Эльбрус, которое предстояло совершить в зимних условиях, являлось делом не простым, особенно в период войны.

Что такое Эльбрус зимой? Это километры отполированных ветром, порой очень крутых ледяных склонов, преодолеть которые можно только на острых стальных "кошках", в совершенстве владея альпинистской ледовой техникой движения. Это метели и облака, надолго окутывающие плотным покровом вершину, сводящие к нулю видимость, а значит, исключающие необходимую в условиях сложного рельефа визуальную ориентировку. Это ветер ураганной силы и мороз, превышающий 50 градусов. Эльбрус зимой - это маленькая Антарктида, а в ветровом режиме он порой не уступает этому материку. Мне довелось зимовать на Эльбрусе, а позднее и на ледяном куполе Антарктиды. После возвращения с шестого континента нашей планеты я проникся еще большим почтением к нашему седому великану.

Поднимаясь на вершину Эльбруса, человек кроме всего проходит через все климатические зоны от обычной до полярной, преодолевает горную болезнь, которая порой валит с ног абсолютно здоровых людей.

По технике восхождения летом Эльбрус расценивается как вершина второй категории трудности. Зимой трудность восхождений на вершины возрастает по этой шкале на единицу. И это при наличии хорошей, а главное - ясной погоды. В плохую погоду зимой на Эльбрус альпинисты вообще не ходят. Ну а уж если пойдут, то такой поход может оказаться неповторимым по сложности.

После нашего с Виктором Корзуном первого зимнего восхождения на Эльбрус в феврале 1934 года, то есть примерно за десять лет до описываемых событий, такие походы повторили всего пять групп. Те, кому благоприятствовала погода, возвращались благополучно с победой. Однажды довольно многочисленная группа армейских альпинистов была застигнута

на Эльбрусе непогодой, и один участник похода погиб. Позднее я повторил зимнее восхождение и повел на Эльбрус группу студентов Московского гидрометеорологического института и комсомольцев Бауманского района Москвы. Во время восхождения начался буран, но мы все же поднялись на вершину. Правда, при этом пострадал комиссар нашей группы Борис Бродкин. Доставая из рюкзака бюст В. И. Ленина, предназначенный для установки на вершине, Борис на какой-то миг снял рукавицу. Этого оказалось достаточным, чтобы кисть руки стала бело-мраморной. В Нальчике ему ампутировали обмороженные фаланги пальцев правой руки. К счастью, это не помешало Бродкину стать штурманом полярной авиации. Он много летал в Арктике, зимовал и летал в Антарктиде флаг-штурманом авиаотряда третьей советской экспедиции в Антарктику. Когда мне довелось второй раз побывать в Антарктике в летний период в четвертой экспедиции, я опять встретился с Борисом. На Родину мы с ним возвращались в одной каюте...

В Баксанском ущелье регулярных вражеских войск уже не было. В боковых ущельях бродили отставшие при отступлении мелкие подразделения и группы егерей. Они, видимо, не потеряли надежды прорваться к своим и действовали довольно активно. Объединяясь, егеря нападали на подразделения наших войск и терроризировали местных жителей, добывая себе пропитание.

Не исключалась и для нас встреча с егерями. Поэтому отряд был основательно вооружен. И все же, когда мы были уже на "Приюте Одиннадцати", по радио из Нальчика нам порекомендовали не спешить со спуском в ущелье до подхода туда войск НКВД. Видимо, ожидалась активизация егерей, превратившихся, по существу, в бандитов.

Многие тропы, идущие из верховий Баксанского ущелья к базам на склонах Эльбруса, сами базы, полуразрушенные землянки, укрытия и укрепления были заминированы. Поэтому двигаться приходилось осторожно, в обход, по скалам, по лавинным склонам, по сложной эльбрусской целине, что весьма затрудняло восхождение.

В селении Тегенекли, находящемся в верховье Баксанского ущелья, нас встретил местный житель балкарец Хуссейн - сын старейшего жителя ущелья Чокки Аслановича Залиханова.

Мы остановили машину у моста через реку Баксан. Селение, расположившееся на другом берегу, казалось безлюдным. Шофера и одного альпиниста из группы оставили с ручным пулеметом у машины. Остальные, подготовив автоматы к бою, зашагали через

мост к селению. Тут-то мы и увидели Хуссейна, вышедшего из своего дома на костылях. Оказалось, что он участвовал в стычке с отступавшими егерями и был ранен в обе ноги.

Увидев нас, жители селения стали выходить из своих домов.

Хуссейн описал нам обстановку в ущелье, рекомендовал быть осторожными и быстрее соединиться со своими. Он узнал от балкарцев, живущих выше по ущелью, что две группы наших альпинистов перешли через перевалы и начали подъем к "Приюту Одиннадцати".

С семьей Залихановых я познакомился еще в 1932 году, когда впервые приехал в Баксанское ущелье как турист. Знакомство это переросло в большую дружбу.

Советская власть позаботилась о долгожителе Чокке. Ему был построен в ауле новый дом, а дети Залиханова получили прекрасное образование. Хуссейн стал мастером спорта, заслуженным тренером СССР по альпинизму, заслуженным работником культуры РСФСР. Второй сын - Михаил защитил докторскую диссертацию и ныне является директором Высокогорного геофизического института Комитета гидрометеорологии при Совете Министров СССР.

...По поляне Азау, расположенной у самого подножия Эльбруса, мы шли на базу "Кругозор" особенно осторожно. Здесь можно было попасть и на наши минные поля, и на мины, установленные противником. Здание туристской базы было разрушено, а потому ночевали в каменных убежищах, построенных егерями.

Альпинистов, пришедших из Сванетии, мы догнали на "Приюте Одиннадцати". Они двигались двумя группами: одна под руководством Н. А. Гусака через перевал Бечо, другая, возглавляемая А. И. Грязновым, через перевал Донгуз-орун. В группе Грязнова находилась единственная девушка - отважная разведчица альпинистка Люба Коротаева.

Здесь, на "Приюте Одиннадцати", все группы объединились в отряд. Нас было двадцать человек: политрук Е. А. Белецкий, инженер-капитан Н. А. Петросов, старшие лейтенанты В. Д. Лубенец и Б. В. Грачев, лейтенанты Н. А. Гусак, Н. П. Персиянинов, Л. Г. Коротаева, Е. В. Смирнов, Л. П. Кельс, Г. К. Сулаквелидзе, Н. П. Маринец, А. В. Багров и А. И. Грязнов, младшие лейтенанты А, И. Сидоренко, Г. В. Одноблюдов и А. А. Немчинов, рядовые В. П. Кухтин, братья Габриэль и Бекну Хергиани и я.

В составе нашей группы находились такие опытные альпинисты, как Е. А. Белецкий, Н. А. Гусак, А. И. Си-Доренко, Габриэль и Бекну Хергиани, за плечами которых насчитывались

многие годы занятий этим видом спорта и десятки, а у некоторых до сотни покоренных на Кавказе, Памире, Тянь-Шане вершин. Н. А. Гусак до этого имел 12 восхождений только на Эльбрус. Я поднимался на эту вершину уже 10 раз.

Здание "Приюта Одиннадцати" было повреждено бомбами, фасад его весь изрешечен пулями, исковеркан осколками, крыша с дизельной станции снесена взрывом. Все это - следы ударов с воздуха. Метеорологическую станцию на "Приюте Одиннадцати", где мне довелось зимовать еще в 1933-1934 годах, фашисты разрушили. Когда я и Н. А. Гусак, который тоже зимовал здесь после меня, подошли к развалинам станции, печаль охватила наши сердца. Фашистские варвары разрушили высочайшую в мире метеорологическую станцию - научное учреждение, не имевшее никакого военного значения. Вспомнились мне далекие дни, когда мы с Виктором Корзуном пришли сюда на первую зимовку. Осенние бураны сорвали входную дверь, и в здании было полно снега. Ночевали в единственной комнате, наполовину засыпанной снегом. Проникли в нее через окно. На кровати вместо перины лежал снежный покров. Только принесенные теплые спальные мешки позволили переночевать благополучно. В последующие дни мы выгребли из здания снег, начали метеорологические наблюдения и одновременно любовно достраивали и оборудовали станцию. Как все это было давно, как трудно и как интересно! Метеорологическая станция на такой высоте круглогодично работала тогда впервые.

На "Кругозоре" и здесь, в скалах, валялись боеприпасы и исковерканное оружие. Повсюду видны были многочисленные полуразрушенные укрепления и огневые точки. Продуктовые склады оказались взорванными или были залиты керосином.

Со склонов Эльбруса вновь открылась перед нами грандиозная панорама Главного Кавказского хребта с его вершинами и перевалами. Здесь в походах и восхождениях прошла юность большинства из нас. Здесь завязалась наша дружба, затем окрепшая в боях.

На миг все показалось нам далеким, прежним. Собрались в хижине и только тут, присмотревшись друг к другу, заметили, как все мы изменились, пройдя тяжелые испытания войны...

Именно тогда впервые я услышал военную песню альпинистов. История ее такова. Альпинисты Грязнов и Коротаева с группой разведки поднялись на гребень вершины Донгуз-орун над Баксанским ущельем. Там они решили оставить как памятку для "грядущих дней" гранату с запиской вместо детонатора. И осуществили задуманное.

После удачного выполнения задачи разведчики отдыхали в

ущелье, вспоминая тяжелый зимний поход. Грязнов произнес первую стихотворную строчку, кто-то добавил вторую. Так и сложилась песня, ставшая очень популярной среди военных альпинистов.

Где снега тропинки заметают,
Где лавины грозные гремят,
Эту песнь сложил и распевает
Альпинистов боевой отряд.
Нам в боях роднее стали горы,
Не страшны бураны и пурга.
Дан приказ - недолги были сборы
На разведку в логово врага.
Помнишь, товарищ, белые снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага,
Помнишь гранату и записку в ней
На скалистом гребне для грядущих дней.
На костре в дыму трещали ветки,
В котелке дымился крепкий чай.
Ты пришел усталый из разведки,
Много пил и столько же молчал.
Синими, замерзшими руками
Протирал вспотевший автомат
И вздыхал глубоко временами,
Голову откинувши назад.
Помнишь, товарищ, вой ночной пурги,
Помнишь, как бежали в панике враги,
Как загрохотал твой грозный автомат,
Помнишь, как вернулись мы домой в отряд?
Час придет, решительно и смело
В бой пойдет народ последний раз,
И мы скажем, что в снегах недаром
Мы стояли насмерть за Кавказ.
Время былое пролетит, как дым,
В памяти развеет прошлого следы,
Но не забыть нам этих ярких дней,
Вечно сохраним их в памяти своей.

...Трехэтажное здание гостиницы "Приюта Одиннадцати", обитое оцинкованным железом, своими обтекаемыми формами напоминало гондолу огромного дирижабля. Это здание было построено взамен старой деревянной хибары и открыто в 1939 году. Много изобретательности и труда вложили архитекторы и строители в создание такого "отеля над облаками". К слову сказать, главным инициатором строительства и архитектором являлся известный советский альпинист Н. М. Попов.

Фашисты запакостили все помещения до предела. Но нам удалось разместиться в нескольких уцелевших комнатах. И это было весьма кстати - надвигалась непогода.

Ветер бушевал почти неделю. Кончились продукты. И не только те, что мы принесли с собой, но и те, что случайно уцелели после взрыва склада отступившими егерями. Положение становилось критическим: подъем на Эльбрус- в такую непогоду был крайне рискованным, а задание надо было выполнить во что бы то ни стало.

Для штурма вершин я разделил отряд на две группы. Первую в составе шести человек 13 февраля в 2 часа 30 минут повели на западную вершину Н. Гусак и замполит Е. Белецкий. Наши товарищи скоро исчезли в сером хаосе бурана.

В нормальную погоду группа сильных альпинистов может дойти от "Приюта" до вершины за 8-10 часов. Прошло более 15 часов, а ушедшие все еще не возвращались. Мысленно мы представляли себе, как они пробиваются сквозь облака и метель, как валит их с ног ураганный ветер. Каждые 15 минут дежурившие посменно вне дома товарищи подавали сигналы сиреной, стреляли из автоматов, пускали ракеты. Но разве "перекричишь" разгулявшийся буран? Разве заметят наши друзья сигнальную ракету в плотном слое облаков, окутавших весь массив Эльбруса?

"Надо идти на помощь!" - решили мы.

Формируем спасательный отряд, быстро собираемся в путь. Но куда направиться? Где лучше искать ушедших? Неожиданно мы услышали крик дежурившего в укрытии под скалой альпиниста. Выбежали из дома. Из серой мглы один за другим появились Н. Гусак, Е. Белецкий, Габриэль и Бекну Хергиани, Е. Смирнов, А. Сидоренко. Они еле шли, шатаясь от усталости. Мы подхватили ребят и чуть ли не на руках внесли в здание. Здесь они швырнули на пол обрывки фашистских военных флагов. В доме, заглушая шум бурана, долго гремело наше дружное "ура!"...

Восхождение оказалось очень трудным. Видимость почти все время была менее 10 метров. Альпинисты ориентировались лишь по направлению юго-западного ветра, который очень устойчив здесь в это время года. Если идешь на вершину правильно, он должен обдувать левую щеку. Такой ориентир в непогоду, пожалуй, надежнее компаса.

Минуя опасные районы, группа альпинистов довольно точно вышла к седловине. Помогло и знание до мельчайших подробностей рельефа склонов. Здесь ветер был особенно жесток. Западная вершина немного прикрыла группу от ветра. Но при выходе на вершинную площадку поток воздуха набросился на

людей с новой силой. Им долго не удавалось обнаружить металлический триангуляционный пункт, установленный на высшей точке площадки. Но вышедшие вперед А. Сидоренко и братья Хергиани разыскали его.

Ветер бешено трепал на вершине привязанный к ферме триангуляционного знака растерзанный фашистский флаг. Наши альпинисты сорвали его и установили красный флаг. Затем они оставили в камнях записку о своем восхождении и направились вниз.

Половина дела была сделана. Теперь предстояло сделать то же самое на восточной вершине.

Буран и метель продолжались еще трое суток. А когда стало проясняться, то усилился мороз; на уровне "Приюта" он достигал почти 40 градусов. Дул порывистый ветер силой 25-30 метров в секунду. В воздухе над склонами неслись ледяные кристаллы, которые иглами кололи лицо. А нам надо было подняться над "Приютом" еще на 1400 метров. На вершине же, как мы понимали, мороз мог превышать 50 градусов. Такая обстановка заставляла серьезно позаботиться об одежде. Тулупы были тяжеловаты для восхождения, но зато надежно защищали и от холода и от ветра. Маски на шерстяных шлемах, надетых под армейские шапки-ушанки, должны были предохранить от обморожения лица. На ногах у всех были валенки. Кстати, в валенках мы поднимались на вершину Эльбруса и с Корзуном во время нашего первого восхождения. Так я и позже обувался, направляясь зимой на вершину Эльбруса, так заставлял обуваться и всех своих попутчиков. Надо сказать, что валенками пользовались по нашему примеру почти все, кто намеревался совершить зимнее восхождение на Эльбрус, и это спасало людей от обморожения ног.

17 февраля я повел 14 человек на восточную вершину Эльбруса. Замполитом у меня был Вячеслав Диомидович Лубенец. В рюкзаке у него хранился флаг, который предстояло установить на вершине.

Вышли мы ночью. Закрыв большую часть звездного неба, над нами нависла громада Эльбруса. Путь держали на Полярную звезду - она стоит почти над самой вершиной. Ветер мел ледяную поземку. Временами слышались громкие удары, похожие на глухие пушечные выстрелы: это лопалась от сильного мороза ледяная броня горы.

Наступал рассвет. Сначала вершина стала как бы прозрачной, будто ее осветил внутренний свет. Затем заалела, потом превратилась в оранжевую. А когда совсем рассвело, Эльбрус заблестел зеркально отполированными ледяными склонами.

Даже острые "кошки" порой скользили по нему, как по стеклу. На крутых местах шли серпантином: то левым, то правым боком к вершине. Долго двигаться одним "галсом" было невозможно: "кошки" на неподшитых валенках начинали сползать набок. Идти становилось все опасней, а останавливаться нельзя - мороз усилился, замерзнешь.

Но, как бы там ни было, мы уже прошли скалы "Приюта Пастухова" (4800 метров). Многих стало клонить ко сну - это проявлялись признаки горной болезни. Однако останавливаться нельзя, хотя на этом участке горная болезнь особенно ощутима. Такой же порог нас ожидает и на седловине (5300 метров). Вершина - над нами, но до нее еще очень далеко. Над ней быстро проносятся топкие струи прозрачных облаков. Далеко внизу виден "Приют Одиннадцати". Мы знаем, оттуда за нами следят товарищи. И от этого становится теплее и спокойнее.

Вышли мы налегке, только у Петросова кинокамера, штатив да еще запас кинопленки. Он новичок в горах, а потому мы несем его груз по очереди. Кроме того, силы нашего оператора надо беречь: на вершине он должен снимать все события. Да и теперь Петросов пытается снимать отдельные этапы восхождения, а это очень нелегко в такой обстановке. Меня удивляет его упорство и выносливость. Сейчас каждое лишнее движение в тягость, а он выходит из строя цепочки на веревке, чтобы не сорваться, и снимает, замерзая и задыхаясь. Г. С. Петросов не хуже нас понимает, что поход, в котором и он принимает участие, событие историческое и каждый кадр будет уникальным.

Чтобы сократить путь, мы не пошли на седловину, а начали подъем во западному гребню вершины. Здесь ветер хлещет нам в спины, но от этого идти не легче. Высота уже более 5400 метров, и каждый шаг дается с огромным трудом.

На вершинной площадке гуляют снежные вихри, но видимость отсюда - до самого горизонта, а на юго-западе - до Черного моря. У геодезического пункта мы выдернули изо льда обломки древка с обрывками фашистского флага и установили алый стяг Родины. Прогремел салют из наганов и пистолетов. А Петросов снимает, снимает, снимает...

Чувство огромной радости охватило всех нас. Флаг водружен! Победа! Мы ощущали это с огромной силой. И ощущение было удивительно ярким. Такое бывает только раз в жизни!..

Спускались с заходом на седловину, так было безопаснее: люди устали, а склоны там более коротки и пологи. У хижины на седловине увидели двух мертвых егерей. Они замерзли, причем один из них имел ранение. Видимо, хижину обстреливали с самолета. Как же высоко в горы поднялась война - выше 5500

метров!

На вершину мы поднялись за 8 часов. Теперь одна мысль: скорее вниз, но нельзя терять бдительности! Впереди ледяные склоны в несколько километров, а сорваться с них при спуске больше вероятности, чем при подъеме, да и силы у нас заметно поубавились.

Но спуск прошел благополучно.

Внизу у домика уже виднелись люди. Приветственно зазвучал сигнал сирены, стали слышны очереди автоматов, над домиком взлетали разноцветные ракеты, а из трубы густо валил дым, предвещавший праздничный обед.

И вот мы в объятиях друзей. А над нами сияет, освещенный солнцем, великий, ослепительно чистый Эльбрус, на вершинах которого развеваются алые стяги нашей любимой страны.

Ну разве можно забыть такой день?!

* * *

Вскоре в штабе фронта в Тбилиси мы рапортовали о выполнении задания. Командующий войсками Закавказского фронта генерал армии И. В. Тюленев вручил каждому правительственную награду...

Прошло много лет с той памятной поры, но каждый год, в день этого знаменательного восхождения, мы собираемся дома в Москве у одного из участников. К сожалению, нас становится все меньше, и на столе весь вечер стоят нетронутые бокалы с вином, налитые для тех, кого уже нет с нами. А нет многих. Вскоре после восхождения в период наступления советских войск на запад из разведки не вернулся Ника Персиянинов, в геологической экспедиции уже после войны погиб Андрей Грязнов, зимой в горах лавина засыпала Габриэля Хергиани. За последние годы умерли Евгений Смирнов, Леонид Кельс, Георгий Одноблюдов, Виктор Кухтин. А совсем недавно не стало Николая Гусака. Он повел молодежь по местам боев на Кавказе и умер в горах...

Однако я забежал несколько вперед и теперь вернусь к своему рассказу.

В конце февраля 1943 года оперативная группа по обороне Главного Кавказского хребта была расформирована. Альпинисты перешли в распоряжение отдела боевой подготовки штаба Закавказского фронта.

Некоторые горнострелковые отряды в первое время после освобождения Кавказа несли гарнизонную службу на перевалах и в ущельях. Весной вместе с саперными подразделениями они участвовали в разминировании троп, сборе трофеев, захоронении погибших. Однако летом 1943 года и эти отряды были расформированы.

Спустя много лет мне довелось встретиться с бывшим начальником штаба 1-го отдельного горнострелкового отряда полковником в отставке В. Д. Клименко. Он разыскал меня, прочитав мою книгу "От Эльбруса до Антарктиды", вышедшую в 1972 году. Этот отряд я инспектировал в 1942 году, когда он прибыл в распоряжение командования 394-й стрелковой дивизии. Затем роты горных стрелков проходили у нас на перевале, у высоты 1360, стажировку. Я знал людей этого отряда, а потому меня, естественно, интересовали их боевые дела.

Клименко рассказал много интересного о действиях отряда на Клухорском направлении, о взятии Клухорского перевала, о боях на северных склонах хребта в районе Теберды. От него я узнал о делах других горнострелковых отрядов Закавказского фронта.

В 1943 году работа по горной подготовке начала постепенно свертываться, была расформирована школа военного альпинизма, стали разъезжаться альпинисты. Одних отзывали на работу в гражданские учреждения, другие уходили вместе с войсками на запад. Поскольку моей военной специальностью являлась гидрография, меня направили для продолжения службы в Главное управление гидрометеорологической службы Красной Армии.

Летом 1943 года я улетел из Тбилиси. И долго еще седой великан Эльбрус провожал меня, сияя снегом, а я никак не мог оторвать от него взгляда - ведь жизнь моя сложилась так, что многое в ней было связано с этой сказочно прекрасной вершиной.

Эльбрус - это символ Кавказа, символ советского альпинизма, Эльбрус стал и символом битвы за Кавказ. Не случайно его величественный контур изображен на медали "За оборону Кавказа", которой награждено около 600 тысяч человек...

Осенью 1972 года мне позвонили альпинисты Второго московского часового завода. Они совершили поход в районе Клухорского перевала и на гребне, идущем от вершины Хакель, обнаружили следы боев. Осмотрели блиндажи на гребне, увидели сохранившиеся в скалах окопы. Напоминая о бое, во многих местах были разбросаны стреляные гильзы. Альпинисты нашли командирскую полевую сумку с полуистлевшим списком бойцов одного из подразделений 121-го горнострелкового полка.

Вскоре группа молодежи во главе с художником-оформителем Второго московского часового завода С. Л. Лавриновичем побывала у меня на кафедре физического факультета МГУ. С волнением брал я в руки принесенные ребятами патроны, гильзы, оболочки гранат, осколки снарядов. Долго рассматривал фотографии, ознакомился с содержимым

командирской сумки. Судя по всему, заводские альпинисты побывали на перевале у хорошо знакомой мне высоты 1360.

Осенью того же года комсомольцы-альпинисты под руководством С. Л. Лавриновича установили на этом гребне на месте боев обелиск, который сделали своими руками. На заводе была создана экспозиция, посвященная боевым действиям под Клухором.

Я побывал на заводе и встретился с туристами-альпинистами. В газете "Комсомольская правда"{12} появилась статья С. Л. Лавриновича "Полевая сумка командира" и был опубликован с великим трудом прочитанный экспертами список бойцов пулеметного взвода 121-го горнострелкового полка.

Затем комсомольцы задумали организовать у обелиска встречу ветеранов боев на этом рубеже.

Откликнулись на статью многие, но в Сухуми, откуда предстояло начать путь к Клухорскому перевалу, смогли приехать кроме меня только трое: Д. М. Стороженко, Ф. Г. Солодовников и Г. И. Хатенов. Особенно обрадовало меня появление Георгия Ивановича. Я знал о его тяжелом ранении под Новороссийском, после войны в течение многих лет безуспешно разыскивал его и считал погибшим.

С нами находились и альпинисты Второго московского часового завода С, Л, Лавринович, С. Сухов, В. Дуля, А. Петров. А в Сухуми присоединились еще начальник спасательного отряда туристской базы Г. Д. Бенидзе, научный сотрудник Абхазского государственного музея имени Д. И. Гулиа - В. Г. Авидзба и группа местных туристов во главе с заслуженным артистом Грузии, народным артистом Абхазской АССР Н. В. Микашавидзе.

По знакомой, но теперь очень хорошей автомобильной дороге мы быстро добрались до "Южной палатки". Здесь, у слияния Клыча и Гвандры, на том самом месте, где зимой 1942 года был остановлен враг, сияет на скале величественная красная звезда...

Через день мы уже пешком подходили к белой каменной глыбе у дороги под высотой 1360, где находился когда-то штаб одной из гитлеровских частей. Перед нами темнел массив вершины 1360.

На следующий день мы поднялись на знакомый ветеранам перевал. Блиндажи, укрытия, каменные могилы... И все это заросло бело-розовыми цветами рододендрона, будто сама природа возложила их на могилы героев...

Долго и молча стояли мы у обелиска. А потом был короткий митинг, салют из ракетниц. Под обелиском замуровали в пенале письмо - обращение к нашим потомкам. На пенале начертано: "Вскрыть через 50 лет..."

В Сухуми у памятника Неизвестному солдату состоялся общегородской митинг. Среди собравшихся находились и местные жители, участники обороны Клухорского перевала.

Не забывают советские люди тех, кто отдал жизнь, защищая Родину. В сорока километрах от Черкесска, возле поселка Орджоникидзевский, в 1968 году был сооружен Мемориал боевой славы в память о защитниках перевалов Главного Кавказского хребта. Обелиски и мемориальные доски установлены на Клухорском, Марухском, Наурском, Санчарском перевалах, на перевалах Донгуз-орун и Бечо, Мамисон и Крестовый. В самом Сухуми в музее имени Д. И. Гулиа создана экспозиция, посвященная битве за перевал Клухор. В Тбилиси в музее Краснознаменного Закавказского военного округа развернута широкая экспозиция, посвященная битве за Кавказ.

С каждым годом все дальше отодвигаются события фронтовых лет. Неузнаваемо преобразились места, где когда-то полыхали бои. Приэльбрусье стало Всесоюзной базой туризма и альпинизма. В самых живописных местах в горах и предгорьях Кавказа появились комфортабельные гостиницы, вверх по склонам протянулись подвесные канатные дороги. Там круглый год отдыхают, занимаются спортом, любуются величественными пейзажами тысячи и тысячи советских людей.

Величав и прекрасен Кавказ. Как магнит, притягивает он людей. Особенно молодежь - туристов, альпинистов. Для них пребывание в горах - это не только отдых, но и прекрасная закалка.

И по сей день можно встретить в горах разрушенные блиндажи и огневые точки, сложенные из камня, россыпи гильз, осколки снарядов и мин. А на могилах павших героев - строгие и торжественные обелиски. Все это вечно будет напоминать о грозных годах войны, участниками которой являлись люди моего поколения. Мне довелось быть в их числе, и я горжусь этим.

Примечания

{1}В предвоенные годы В. Г. Шпилевский был чемпионом Аджарской АССР по боксу. - Прим. ред.

{2}Фуллер Дж. Вторая мировая война 1939-1945 гг. М., 1956, с. 238.

{3}Там же, с. 239.

{4}Гречко А. А. Битва за Кавказ. М., 1973, с. 239.

{5}Гнеушев В., Попутько А. Тайна Марухского ледника. М., 1966, с. 131.

{6}Центральный архив Министерства обороны СССР, ф. 132а, оп. 2642, д. 31, лл. 243-245. - Прим. авт.

{7}Гречко А. А. Битва за Кавказ, с. 156.

{8}К. Н. Леселидзе говорил об отряде немецких автоматчиков под командованием Песситера, упомянутом в цитате из мемуаров Р. Конрада на с. 58. - Прим. авт.

{9}Гальдер Ф. Военный дневник. Кн. 2, т. 3. М., 1971, с. 326.

{10}В 1957 году в Риге мы случайно встретились с А. П. Еремутой, и оба были рады увидеть друг друга в добром здравии после всего пережитого. Прим. авт.

{11}Газета "Терек", Владикавказ, 1910, 2 сент., No 3815.

{12}"Комсомольская правда", 1973, 4 апр. - Прим. ред.